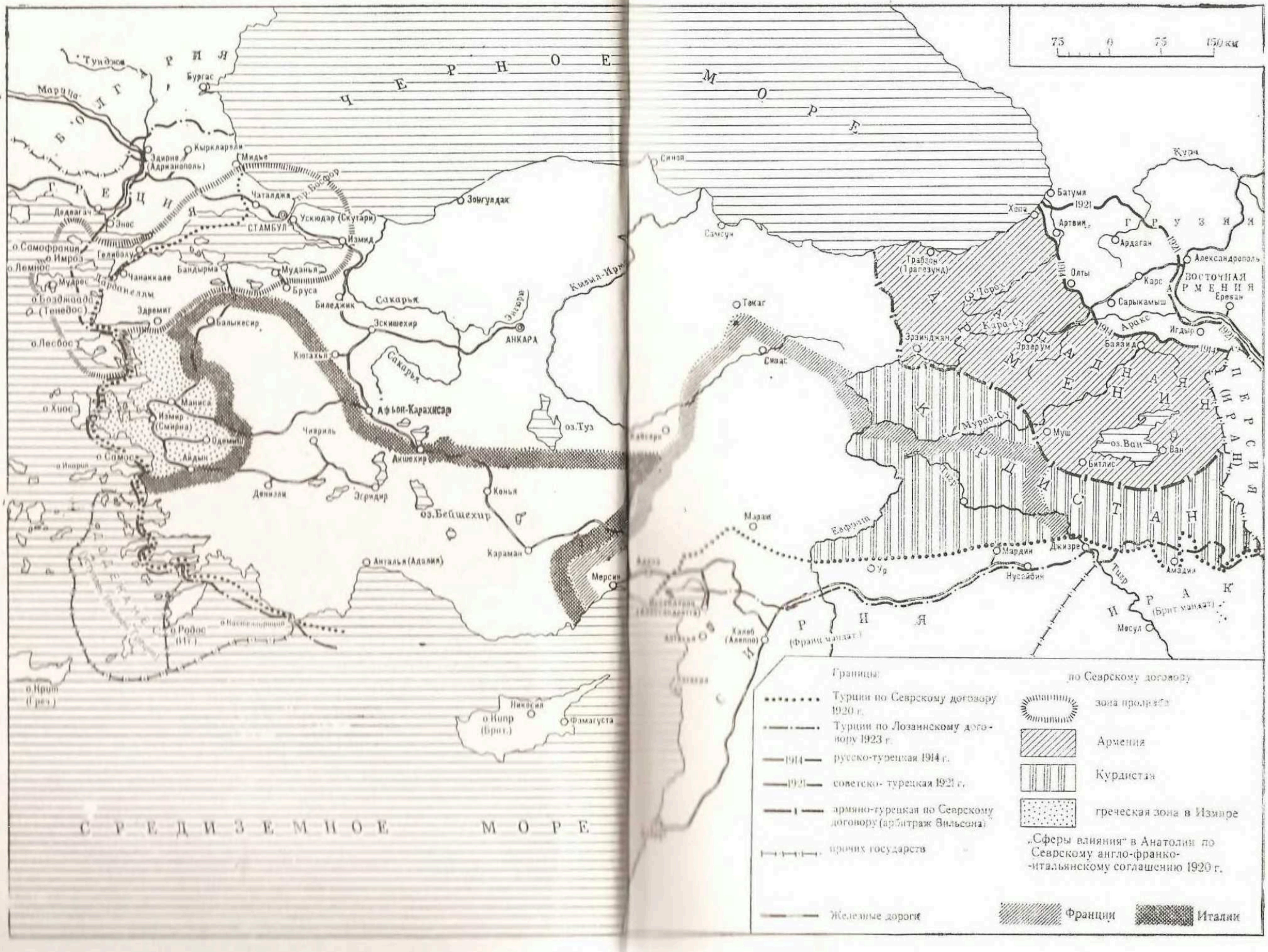
Л 17

М. С. Лазарев

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУРДСКИЙ ВОПРОС

(1917-1923)

М. С. Лазарев ИМПЕРИАЛИЗМ и курдский вопрос



75 0 75 150 км
Ч Е Р Н О Е М О Р Е
Б О Л Г А Р И Я
Г Р Е Ц И Я
Тунджа
Марица
Бургас
Кыркларели
Эдирне (Адрианополь)
Мидье
Чаталджа
пр. Босфор
Ускюдар (Скутари)
СТАМБУЛ
Дедеагач
Энос
Измид
о. Самофракия
о. Имроз
о. Лемнос
Гелиболу
Мудрос
Дарданеллы
Чанаккале
Бандырма
Муданья
Бруса
о. Бозджаада (Тенедос)
Зонгулдак
Биледжик
Сакарья
Эдремит
Балыкесир
Эскишехир
АНКАРА
о. Лесбос
Кютахья
Маниса
Измир (Смирна)
Одемиш
Айдын
о. Хиос
о. Самос
Афьон-Карахисар
Чивриль
Акшехир
оз. Туз
Денизли
Эгридир
Конья
оз. Бейшехир
Караман
Анталья (Адалия)
Мерсин
о. Родос (Ит.)
о. Крит (Грец.)
о. Кипр (Брит.)
Никосия
Фамагуста
Кызыл-Ирмак
Синоп
Самсун
Токат
Сивас
Трабзон (Трапезунд)
Батуми
Хопа
Артвин
Ардаган
Олты
Карс
Сарыкамыш
Александрополь
ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ
Ереван
Кура
Г Р У З И Я
Чорох
Кара-Су
Эрзинджан
Эрзерум
Аракс
Игдыр
Баязид
А Р М Е Н И Я
К У Р Д И С Т А Н
П Е Р С И Я (И Р А Н)
Мурад-Су
Муш
оз. Ван
Ван
Битлис
Тигр
Евфрат
Мараш
Урфа
Мардин
Джизре
Нусайбин
Амадия
С И Р И Я (Франц. мандат)
И Р А К (Брит. мандат)
Мосул
Халеб (Алеппо)
1914
1921
С Р Е Д И З Е М Н О Е М О Р Е
Границы:
Турции по Севрскому договору 1920 г.
Турции по Лозаннскому договору 1923 г.
русско-турецкая 1914 г.
советско-турецкая 1921 г.
армяно-турецкая по Севрскому договору (арбитраж Вильсона)
прочих государств
Железные дороги
по Севрскому договору
зона проливов
Армения
Курдистан
греческая зона в Измире
„Сферы влияния“ в Анатолии по Севрскому англо-франко-итальянскому соглашению 1920 г.
Франции
Италии

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. С. Лазарев

ИМПЕРИАЛИЗМ и курдский вопрос

(1917-1923)

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3(5)
Л 17

Рецензенты
А. С. АВЕТЯН, Б. М. ПОЦХВЕРИЯ

Ответственный редактор
Г. И. МИРСКИЙ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения АН СССР

Лазарев М. С.
Л 17 Империализм и курдский вопрос (1917—1923).— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.— 325 с., ил.

ISBN 5-02-016440-2

В монографии продолжается тема, впервые разработанная автором в книге «Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX в.— 1917 г.)», которая вышла в 1964 г. и в переработанном и дополненном виде переиздана в 1972 г. под названием «Курдский вопрос (1891—1917)». В данной книге освещается непродолжительный, но чрезвычайно насыщенный событиями период, ставший этапным в истории курдов и Курдистана в течение всего новейшего времени. В ней рассказывается о послеоктябрьском подъеме национального движения курдов, о новом разделе Курдистана и планах его колониального порабощения, о дипломатической афере Лондона с проектом создания «независимого» Курдистана, о принципиальной позиции молодого Советского государства в курдском вопросе.

Л $\frac{0503000000-081}{013(02)-89}$ 148-89 ББК 63.3 (5)

ISBN 5-02-016440-2

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решении партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета,— не предоставляют права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о форме государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, то есть захватом и насилием».

В. И. Ленин. Декрет о мире. Принят II Всероссийским Съездом Советов 26.X(8.XI).1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Курдский вопрос возник в ближневосточном регионе в первые десятилетия XIX в. и не теряет своей остроты до наших дней. В основе этого вопроса находится освободительная борьба порабощенного курдского народа, знавшая взлеты и падения, но никогда не прекращавшаяся. Курдам не удалось добиться решающего успеха ни в Курдистане в целом, ни в отдельных его частях. Но и врагам курдской свободы никогда не удавалось окончательно подавить курдское национальное движение. Остаются в наличии все фундаментальные причины, питающие это движение и делающие курдский вопрос одним из постоянных и самых болезненных факторов внутри- и внешнеполитической ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

В своем историческом развитии курдский вопрос прошел ряд этапов. Их хронологические рамки определяются, с одной стороны, социально-экономическими, политическими и идеологическими процессами как в самом Курдистане, в курдском обществе, так и в странах проживания курдов, а с другой стороны,— формационными сдвигами во всем мире (особенно в странах, имеющих интересы на Ближнем и Среднем Востоке), сопровождавшимися изменениями в международных отношениях, в том числе на ближневосточной арене. В соответствии с этими критериями курдский вопрос с момента своего возникновения прошел уже три этапа и в настоящее время находится на четвертом.

Первый этап завершился в 80-е годы XIX в. Возникновение курдского вопроса было обусловлено такими взаимосвязанными историческими процессами, как прогрессирующее ослабление Османской империи и шахского Ирана и неспособность правящих кругов этих отсталых государств встать на путь решительного обновления, а также их экономическое закабаление за-

падным капиталом и, как следствие этого,— частичная утрата ими и своего политического суверенитета, т. е. превращение этих стран в полуколонии. Одновременно возникла и обострилась конкурентная борьба великих держав того времени — России, Англии, Франции, Австро-Венгрии — за территориальные приобретения и сферы влияния на Ближнем Востоке, за долю участия в эксплуатации природных богатств Турции и Ирана. В этой борьбе территория расселения курдов в Восточной Анатолии, Северном Ираке и Западном Иране приобретала важное стратегическое значение. Сами же курды, воспользовавшись заметным ослаблением центральной власти и военно-политическим вмешательством держав, вступили на путь освободительной борьбы против гнета турецких султанов и иранских шахов. То были выступления феодально-сепаратистского характера, соответствовавшие тогдашнему весьма невысокому уровню развития курдского общества.

Второй этап наступил на рубеже 80—90-х годов прошлого века под воздействием крупных сдвигов внешнего и внутреннего характера. В этот период мировой капитализм вступил в империалистическую стадию. Это привело к существенным изменениям на Ближнем Востоке. Превращенные в полуколонии капиталистических держав Европы Османская империя и Иран подверглись еще большей эксплуатации и унижению. Прибавилось число участников грабежа: вслед за Германией и Италией с притязаниями на свою долю выступили и Соединенные Штаты Америки.

Готовился окончательный раздел этих отсталых, полуфеодальных, раздиравшихся внутренними противоречиями и центробежными силами стран. К фактическому разделу Ирана державы (Россия и Англия) уже приступили. Но одновременно в Турции и Иране на почве происходивших в этих странах социально-экономических и идейно-политических процессов и под непосредственным влиянием революционных событий в соседней России возникли и окрепли силы сопротивления империализму, колониализму и местной монархической, феодально-компрадорской и клерикальной реакции, проявившие себя в таких ярких событиях эпохи «пробуждения Азии», как младотурецкая революция 1908—1909 гг. и Иранская революция 1905—1912 гг. То было время зарождения и первых шагов курдского национализма как идейно-политического течения, впервые вышедшего на историческую арену и провозгласившего свою конечную цель — создание на территории этнического Курдистана курдского национального государства.

Следующий — *третий — этап* наступил после Великого Октября и окончания первой мировой войны. Начиналась эпоха кризиса и распада колониальной системы империализма; кризисные явления прежде всего и с наибольшей силой сказались именно на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе, конечно, и в Курдистане. Наибольший урон империализм понес в «северном ярусе» ближневосточного региона, где на путь независимого развития встали Турция, Иран, Афганистан, впервые в своей истории установившие прочные добрососедские и равноправные отношения с Советским Союзом. Однако империалистические державы, стремясь сохранить и укрепить свои позиции в регионе, значение которого в мировой экономике и политике после открытия там огромных запасов нефти и начала ее добычи заметно возросло, прибегли к политическим маневрам крупных масштабов и далеко идущих замыслов.

В соответствии с духом времени была модифицирована традиционная колониальная система: на Арабском Востоке возникли подмандатные государства и территории (Ирак, Сирия, Палестина), а также формально независимые, но находившиеся под полным военным, политическим и экономическим контролем Англии государства (Трансиордания, Египет). В состав Ирака и Сирии вошли Южный и Юго-Западный Курдистан. Кроме того, занимавшие наиболее сильные позиции на ближневосточной арене британские империалисты в период послевоенного мирного урегулирования пытались сделать непосредственную ставку на курдов, официально провозгласив лозунг независимого (или автономного) Курдистана. Этот этап характеризовался наивысшим подъемом курдского национализма, под знаменами которого проходили освободительные движения народных масс во всех частях Курдистана.

Последний этап наступил после окончания второй мировой войны и продолжается до сих пор. Сложившаяся в послевоенный период расстановка сил на мировой арене оказала непосредственное воздействие на ситуацию в Курдистане, на курдский вопрос в целом. С одной стороны, в результате победы над германским фашизмом и японским милитаризмом прогрессивных сил неизмеримо выросла их мощь, в том числе на Ближнем Востоке. С другой стороны, в регионе резко возросла активность империализма, особенно американского, из-за чего Ближний Восток стал главным очагом международной напряженности, самым взрывоопасным местом на Земле. Это намного осложнило положение курдов, которым пришлось бороться против объединенных сил империализма и региональной реакции. И хотя послевоенное курдское движение в целом преодолело рамки буржуазного национализма, перейдя на более высокую стадию революционного демократизма, оно не добилось решающих успехов в справедливой борьбе за национальное самоопределение курдского народа. Не преодолены еще серьезнейшие препятствия как внутреннего, так и внешнего порядка.

Каждый из перечисленных этапов, разумеется, имеет свою внутреннюю периодизацию, соответствующую приливам и отливам курдского национального движения и конъюнктурным изменениям на международной арене. Современный этап, например, делится на периоды 1945—1958 гг., 1958—1975 гг. и современный период — после 1975 г. Предыдущий, третий, этап также

может быть расчленен. Для судеб курдского национального движения, для всего курдского вопроса особое значение имеет послеоктябрьский период, начавшийся в конце 1917 г. и завершившийся в середине 1923 г. подписанием Лозаннского мирного договора, окончательно покончившего со знаменитым Восточным вопросом. Именно этот период, непродолжительный по времени, но чрезвычайно насыщенный важными событиями военной, политической и дипломатической истории, является предметом настоящей монографии.

Исследование предпринято, можно сказать, в порядке последовательной очередности. Курдский вопрос в XIX — начале XX в. уже подвергся всестороннему изучению в трудах Н. А. Халфина, Д. Д. Джалиле и автора этих строк [1]. За рубежом подобных работ не появлялось, советское востоковедение в этом безусловно является пионером.

Что касается последующего периода истории курдского вопроса, которому посвящена настоящая книга, то здесь ситуация с изученностью выглядит иначе. В свое время злободневность курдской проблемы и выдвинутые Антантой планы создания «независимого Курдистана» породили обширную литературу у нас и за границей — большей частью публицистического характера. Написанная по горячим следам событий, она была *конъюнктурна* в подлинном смысле этого понятия, т. е. обладала соответствующими и положительными, и отрицательными чертами. Была свежесть восприятия сиюминутных фактов, многие из которых благодаря этому и сохранились для истории, но была и преднамеренная тенденциозность, порожденная не только субъективными, но и объективными обстоятельствами. Во всяком случае, истина терпела ущерб. Кроме того, многие побуждения и тайные пружины, двигавшие событиями, вообще, по понятным причинам, были скрыты от современников, а фундаментальные исследования, проникающие вглубь, еще не были написаны.

Они не появились и позже, может быть, потому, что с 30-х годов напряженность в Курдистане надолго спала (за исключением ее кратковременного подъема в иракской и иранской частях в конце второй мировой войны и сразу после ее окончания). Проблема «независимого Курдистана», по крайней мере в ее международном аспекте, была снята с повестки дня. Лишь 30 лет спустя, на рубеже 50—60-х годов, когда после иракской революции 1958 г. курдская национальная проблема вновь резко актуализировалась, возникла настоятельная потребность фундаментального освещения узловых моментов новой и особенно новейшей истории курдов и всего курдского вопроса вообще. Эта потребность диктовалась, понятно, не только научными, но и политическими интересами всех сторон, затронутых конфликтом.

На Западе вышло большое количество монографии и сборников статей по курдскому вопросу, посвященных, как правило, его современному состоянию в отдельных странах обитания курдов. На Востоке же нет и таких работ, ибо последовательно шовинистический курс правящих кругов ближневосточных государств в национальном вопросе препятствует развитию там курдоведения (представители курдской национальной историографии, в частности, имеют возможность работать только в эмиграции). Что касается советского курдоведения, то здесь обратная картина. Фундаментальных трудов по современности мало, но историей курдской проблемы, в особенности национального движения, у нас занимаются основательно. О периоде до 1917 г. уже говорилось. Новейший же период представлен трудами главным образом по курдским движениям в Ираке, Турции и Иране. Однако комплексно курдская проблема в послеоктябрьский период в советском востоковедении не изучалась. Настоящая монография является первой попыткой в этом направлении.

Особое значение исследуемого периода в курдской истории определяется главным образом тем, что он совпал с переломной эпохой в истории всего человечества. Октябрьская революция в России и последующие события прямо и непосредственно затронули Ближний Восток, в том числе Курдистан, существенно изменили условия дальнейшего существования курдского народа. Именно в первые послевоенные годы произошел новый раздел (точнее, передел) Курдистана. Коренным образом изменилось внутри- и внешнеполитическое положение стран, в которых обитали курды. В послеоктябрьский период были посеяны новые конфликты, всходы которых появляются до сих пор, и завязаны узлы новых противоречий, разрешение которых не под силу и нашим современникам. В общем, тогда были заложены основы всего последующего развития курдского вопроса, и это делает изучение курдской проблемы в обозначенных хронологических рамках задачей не только чрезвычайно актуальной с научной и политической точек зрения, но и весьма трудной.

В поле зрения исследователя сразу попадает множество разноплановых тем. Это события военной, политической и дипломатической истории, затрагивавшие курдов не только прямо, но и косвенно. Синхронизировать их — нелегкая задача. Другая трудность — из всего комплекса противоречивых фактов выделить именно те, которые имеют отношение к теме. Здесь изучающий курдскую проблему не может опираться на какую-либо прочную научную традицию. Прежде историки интересовались преимущественно курдскими восстаниями, которых было много. Международный же аспект курдского вопроса фактически не признавался. В лучшем случае он рассматривался как часть армянской проблемы. Выдвижение его на авансцену международных отношений в ближневосточном регионе после первой мировой войны было новостью для своего времени, которая до сих пор не получила сколько-нибудь исчерпывающего и удовлетворительного освещения в научной литературе. Настоящая работа является попыткой восполнить этот пробел.

Автор отдает себе отчет в том, что он не в состоянии в пол-

ном объеме осветить избранный им сюжет. Это невозможно в отношении к любой исторической теме, ибо никакой исследователь не гарантирован от того, что вне его поля зрения по разным причинам не остаются те или иные факты, могущие повлиять, иногда решающим образом, на ее всестороннее изучение и объективную оценку. В данном же случае приходится сталкиваться с ощутимой нехваткой достоверных материалов.

Прежде всего, не все архивы, особенно зарубежные, доступны и не во всех из них созданы условия для плодотворной работы. Публикации дипломатических и иных документов страдают тенденциозностью и неполнотой; публикаторы, как правило, мало были заинтересованы в освещении курдского вопроса, явно считая его маловажным. Документы по курдскому вопросу турецкого, иранского и арабского происхождения вообще не публиковались.

Что касается литературы, то она большей частью тенденциозна и полна искажений. Отчасти это объясняется низким уровнем знаний о курдах и курдской проблеме, характерным для изучаемой эпохи и в значительной мере сохранившимся и в наши дни, отчасти — политическими мотивами самого разнообразного свойства, от националистических страстей и предрассудков до прямого социального заказа различных классов и групп. Особенно это характерно для прессы того времени, содержащей по поводу ситуации в Курдистане и вокруг него пеструю смесь из подлинных фактов, вымыслов, домыслов, слухов и т. п.

Таким образом, источниковая и литературная база предлагаемого исследования имеет серьезные изъяны. Однако они не таковы, чтобы опустить руки. Они усложняют поиски фактического материала по теме, но не делают их безнадежными. Даже при нынешнем состоянии доступных источников и литературы можно мобилизовать достаточное количество фактов и суждений, позволяющих создать более или менее адекватное представление о состоянии курдской проблемы в конце первой мировой войны и в первые послевоенные годы. И хотя из-за указанных особенностей источников и литературы определенные искажения, видимо, неизбежны, цель создания относительно достоверной картины вполне достижима. Именно такую задачу поставил перед собой автор.

Поиски материалов для данной работы шли в разных направлениях. Наиболее плодотворным было обращение к Национальному архиву Индии, фонды которого в виде микрофильмов хранятся ныне в Архиве внешней политики России в Москве. Документы этого архива являются настоящими первоисточниками по истории британской колониальной политики во всем ближневосточном регионе, включая Курдистан. В них сосредоточены данные, поступавшие британскому вице-королю в Индии непосредственно с Ближнего Востока [2] и из Лондона и всесторонне характеризовавшие политическую обстановку во всех частях Курдистана (лучше и полнее всего — в Южном и Восточном Курдистане), а также дипломатическую борьбу вокруг курдского вопроса. Информаторами обычно выступали знатоки своего дела — сотрудники британских разведывательно-политических служб, нередко профессиональные востоковеды, владеющие местными языками. Поэтому их донесения, как правило, вызывают доверие в части содержащихся в них конкретных фактов. Конфиденциальный характер этих донесений в значительной степени гарантировал их от сознательных искажений. Поступавшая из Лондона в Дели внешнеполитическая информация существенно дополняет ту, которую можно разыскать в официальных публикациях дипломатических документов.

Индийский архив является, пожалуй, единственным местом, где находится сплошной массив материалов по курдской тематике. Дальнейшие поиски производились по разным публикациям, главным образом дипломатических документов, в прессе, в общей и специальной литературе. Сведения по курдской проблематике в них не так многочисленны, порой их приходилось буквально выуживать.

Этим же отличаются известные советские, английские и американские издания внешнеполитической переписки [3]. По курдскому вопросу в них говорится фрагментарно, большей частью в связи с обсуждением всего «турецкого вопроса» на различных послевоенных международных конференциях и встречах. Здесь же можно почерпнуть отдельные факты, характеризующие внутриполитическую ситуацию в Курдистане и сопредельных землях.

Аналогичное значение для данной темы имеют и мемуары тогдашних политических деятелей (Ллойд Джорджа, Черчилля, Пуанкаре, Хауза и др.): курдский вопрос их сам по себе мало занимал, разве что в связи с армянским или арабским вопросами. Лишь Мустафа Кемаль (Ататюрк) в своей многочасовой речи историко-мемуарного жанра на съезде Народно-Республиканской партии в 1927 г. более подробно коснулся курдского вопроса в Турции во время национально-освободительной борьбы. Однако из всех мемуаристов он по отношению к курдам наиболее пристрастен, ибо выступал с позиции ярого турецкого националиста, прикрывавшего свой шовинизм в национальном вопросе личиной бескомпромиссного патриота-антиимпериалиста.

Трудоемким, хотя и благодарным, делом оказались поиски фактического материала в прессе. С возникновением курдского вопроса на международной арене журналисты, естественно, заинтересовались этим феноменом; в газетах и журналах как общего, так и специального направления появилась информация о курдах с первыми попытками анализа этого нового для широкой публики общественного движения.

Среди органов западной печати наиболее полезными были английские и французские журналы общеполитического и специально «азиатского» (особенно ближневосточного) профиля, такие, как английский «Нир Ист энд Индиа» (несколько раз

менял название), французский «Корреспонданс д'Ориан») и др. Ни один исследователь межвоенного периода не может пройти мимо итальянского реферативного журнала «Ориенте модерно», в котором воспроизводился не только журнальный, но и газетный материал, сам по себе далеко не всегда доступный и представляющий прессу всей Европы, стран Ближнего Востока и США.

Разумеется, в западной прессе преобладает тенденциозная интерпретация курдского вопроса, причем в пользу «своего» правительства (что также небезынтересно), но многие содержащиеся в ней факты, особенно собранные на месте, до наших дней сохраняют свое уникальное значение.

Много публикаций о курдах и курдском вопросе, особенно в 20-е годы, и в советской периодической печати, нацеленной на восточную тематику. И это понятно, ибо волнения в Курдистане непосредственно затрагивали безопасность южных границ молодых советских республик. Значительная часть содержавшейся в советской прессе информации о курдских делах была из вторых рук, что сказывалось на ее достоверности.

Безусловного внимания заслуживает намерение советских востоковедов и публицистов подойти с марксистских позиций к изучению ситуации в Курдистане и ко всей курдской проблеме. И здесь, конечно, были определенные достижения. Вместе с тем, как это часто бывает, стремление советских авторов актуализировать курдский вопрос не всегда укладывалось в рамки научной объективности. Были и перехлесты (такие, как стремление везде видеть империалистические козни, особенно «руку Англии» и т. п.), вполне, впрочем объяснимые обстоятельствами того времени. Отчасти эта неприемлемая для нынешнего состояния курдоведения тенденция сказывалась и на работах серьезных ученых 20—40-х годов.

Собственно научная литература по данной теме обширна, но неравноценна. Самую важную ее часть составляют произведения, написанные непосредственными участниками описываемых событий. В основном это были сотрудники британской колониальной администрации в Ираке и Иране, в том числе принадлежащие к спецслужбам, действовавшим среди курдских племен. То были, как правило, профессионалы высокой пробы, владеющие местными языками и являющиеся непосредственными наблюдателями (А. Вильсон, Г. Белл, С. Эдмондс, У. Хэй). Поэтому их работы, в которых отложился и полевой материал, могут рассматриваться отчасти и как источники. В то же время они являются и исследованиями, для составления которых привлечены и другие источники, а также литература. И в той, и в другой ипостаси произведения данного класса крайне субъективны и пристрастны. Их авторы стремились в наиболее благоприятном свете представить и свою деятельность на Ближнем Востоке, и политику Великобритании вообще. К тому же они писали главным образом о ситуации в Южном, Юго-Западном

и отчасти Восточном Курдистане, почти не касаясь других сторон курдской проблемы, в том числе международной.

Остальная литература хотя и многочисленна, но бедна непосредственно относящимися к данной теме материалами. Это можно сказать даже о специально курдоведческих работах, в которых, как говорилось, главный упор сделан на жгучей современности. О событиях интересующего нас периода там говорится только в общих словах и в крайне сжатой форме. Тем более это можно сказать о работах общего характера, как о тех, которые посвящены исключительно Ближнему Востоку после первой мировой войны, так и освещающих международные отношения.

Там можно встретить лишь спорадические упоминания о курдах и курдском вопросе без попыток сколько-нибудь обстоятельного анализа. Поэтому и использование всей этой литературы для написания настоящей монографии носит ограниченный характер. Ее главная ценность для историка, как это ни парадоксально звучит, заключается в тенденциозности подавляющего большинства публицистов и исследователей, помогающей вскрыть подлинные намерения отдельных западных и ближневосточных правительств в курдском вопросе.

Использование нами советской литературы также незначительно. Литература 20-х годов, представленная преимущественно публицистическими произведениями, в значительной мере устарела. Современная же литература (труды таких наших востоковедов, как А. М. Ментешашвили, М. А. Гасратян, А. Ф. Федченко, Л. Н. Котлов, М. А. Камаль[4] и др.) послужила подспорьем для изучения главным образом одной важной, но не главной темы настоящего исследования — курдских движений в Ираке, Иране, Турции.

Итак, и в количественном, и в качественном отношении фактографическая база этой монографии, видимо, далека от совершенства. Однако и то, что удалось покамест извлечь из разнообразных источников и многочисленной литературы, позволило создать труд, представляемый на суд читателей.

Глава V

СЕВР И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Севр

Мирный договор с Турцией, увенчавший всю так называемую Версальскую систему, был подписан 10 августа 1920 г. в пригороде Парижа Севре. В истории дипломатии нового и новейшего времени то был своего рода уникальный документ прежде всего по своей практической непригодности и, стало быть, недолговечности. Уже к моменту подписания Севрский договор не совсем соответствовал реальной военно-политической обстановке на ближневосточной арене, а несколько месяцев спустя уже стал полным анахронизмом. Всего этот договор просуществовал (причем чисто формально) около трех лет[1]. Примечательной, хотя и не главной, особенностью Севрского договора было то, что в нем впервые в международно-правовой договорной практике был поставлен курдский вопрос. Именно об этой его черте и пойдет дальше речь.

В процессе непосредственной подготовки к подписанию Севрского договора курдский вопрос никакой заметной роли не играл. Все было предрешено в Сан-Ремо[2]. Получив от Антанты условия мира (11 мая 1920 г.), Порта образовала комиссию для выработки контрпредложений, в которую для вида были введены три представителя от меньшинств, в том числе и один курд. В частности, турки требовали сохранения Курдистана в составе империи. Однако турецкий меморандум, в котором содержалась просьба смягчить условия мирного договора, был категорически отвергнут Верховным советом Антанты, и Дамад Ферид-паша, пытавшийся добиться уступок, вернулся из Парижа ни с чем. Оставалось только поставить подписи под мирным договором, что и было произведено, как говорится, без лишнего шума[3].

Севр был смертным приговором Османской империи. От нее оставалась только фикция власти султана-халифа в Стамбуле и зоне Проливов, подчиненной международному (практически английскому) контролю, и часть турецкой национальной территории в Центральной и Северо-Западной Анатолии с ограниченным суверенитетом и полуколониальным статусом. В тексте Севрского договора термин «Оттоманская империя» употребляется только в сочетании с прилагательным «бывшая» (например, в ст. 84), а сама страна, с которой заключался договор, именовалась «Турция» или «Оттоманское государство» (например, ст. 36), причем определение «оттоманский» (во французском произношении) относилось исключительно к правительству страны, к Порте. Все остальные территории некогда обширнейшей империи, раскинувшейся на трех континентах, принадлежавшие ей фактически или формально к моменту первой мировой войны, отторгались в пользу Англии, Франции, Италии, Греции и новообразуемых лимитрофных государств Армении, Курдистана, Хиджаза[4]. Прославленная в истории Османская империя была раздавлена, унижена, порабощена. В то же время этот «самый кабальный и грабительский из всех договоров Версальской системы»[5] оказался — таков парадокс истории! — и самым непрочным, самым ущербным в сравнении с договорами, которые Антанта навязала другим участникам Четверного союза.

Неполноценность договора определялась следующими причинами. Во-первых, он был несозвучен международной обстановке, характеризовавшейся нарастанием революционной, антимилитаристской и демократической борьбы трудящихся Запада, военно-политическими успехами Советской России и подъемом национально-освободительного движения на колониальном Востоке. Особое значение имел провал третьего антисоветского похода Антанты, обозначившийся как раз в период Севра (несмотря на поражение Красной Армии под Варшавой и наступление Врангеля). Вскоре советская власть победила и во всех республиках Закавказья (в ноябре 1920 г. в Армении, в феврале 1921 г. в Грузии). Рушилась вся стратегия Антанты, оправдывавшая раздел и порабощение Турции необходимостью превращения ее территории в антисоветский плацдарм.

Во-вторых, империалистический диктат, пронизывавший буквальной все статьи Севрского договора, был абсолютно неприемлем для народов Ближнего Востока, переживавших бурный национальный подъем. Народные массы Турции и арабских стран Азии единодушно выступили против английских и французских колонизаторов, открыто приступивших к их порабощению. Правда, несколько иначе обстояло дело с верхними и средними слоями населения, откуда рекрутировались руководители и наиболее активные деятели национального движения. В арабских странах англичане и французы могли временно опираться на феодально-клерикальные круги (особенно в Аравии), а также на определенные буржуазно-компрадорские и националистические элементы, рассчитывавшие с их помощью укрепить свое положение и власть. Отчасти находясь в плену «вильсоновских» иллюзий, они видели в мандатной системе некую переходную ступень к полной независимости. Кроме того, позиции англо-французов в бывших арабских вилайетах были подкреплены весомой воинской силой. В Турции же союзники, т. е. главным образом англичане, такой поддержки не имели с самого начала.

Они могли опереться только на марионеток из Порты с их призрачной военной силой и политической властью. Хозяевами положения в большей части Анатолии были кемалисты-националисты, настроенные резко антиантантовски и рассчитывавшие (не без основания) на помощь Советской России. Здесь исправить положение могла только авантюрно задуманная греческая интервенция, которая после первоначальных успехов встретила упорное сопротивление турецких патриотов. Поэтому провести в жизнь положения Севрского договора можно было относительно беспрепятственно только в арабской части Османской империи.

В-третьих, из держав-победительниц Севр устраивал только Англию и ее саттеллита Грецию (последней предстояло фактически силой оружия доказать свое право на территориальные приобретения в Анатолии). Все остальные претенденты на «оттоманское наследство» чувствовали себя обделенными. Франция осталась без Мосула и большей части предназначенной ей по соглашению Сайкс—Пико Юго-Восточной Анатолии (включающей и курдские земли), Италия — без Измира с обширным хинтерландом (обещанного ей по соглашению в Сен-Жан-де-Морьенн) и части Додеканесских островов. Что касается США, то они оказались вне турецкого мирного урегулирования не только в политическом его аспекте (см. выше), но и в экономическом: их оставили (по англо-французскому сговору в Сан-Ремо) без мосульской нефти. А с такими издержками (впрочем, вполне естественными) провала вильсоновского внешнеполитического курса американский большой бизнес никак не мог согласиться. «Неравенство выгод» (А. Ф. Миллер), получаемых империалистами от Севра, лишало договор какой-либо жизнеспособности в контексте расклада сил, сложившегося на мировой арене в рассматриваемое время.

Панегириков Севрскому договору не появилось. Напротив, так или иначе причастные к нему современники или уклонились от его общей оценки (Ллойд Джордж), или осудили его. Правда, это они сделали постфактум. Уинстон Черчилль писал, например; «...этот договор, подготовлявшийся в течение 13 месяцев, устарел раньше, чем он был готов. Выполнение всех его главных пунктов зависело от одного главного условия — от действий греческой армии» [6]. Достаточно было и разоблачений касательно мотивов, побудивших союзников навязать Турции Севр. Премьер-министр Италии в 1919—1920 гг. (до июня) Франческо Нитти писал: «За туманными романтическими видениями создания Великой Греции и Великой Армении лежала очень практическая мысль — захватить все сельскохозяйственные и минеральные богатства Малой Азии» [7]. Так же откровенен американский профессор Мун: «В общем и целом Севрский мирный трактат, который союзники заставили турецкое правительство подписать 10 августа 1920 г., был мозаикой из секретных трактатов. Империализм проявился в них чрезвычайно ярко» [8].

Итак, сторонники Севра с самого начала оказались в явном меньшинстве, ликовать им пришлось недолго. Однако была еще одна сторона (в собирательном смысле слова), многократно упоминавшаяся в договоре, которая, казалось, должна была всеми силами приветствовать его. То были знаменитые меньшинства, этнические, религиозные и лингвистические, угнетение которых турками уже более ста лет выставлялось краеугольным камнем всего восточного вопроса и главной причиной озабоченности держав и их активного вмешательства во внутренние дела Османской империи.

В Севрском договоре нет четкого определения понятия «меньшинства». Если понимать под ними всех нетурок, то вопрос о меньшинствах был поставлен в Севре в двух аспектах: внешнем и внутреннем. Первый касался отторгавшихся от Османской империи нетурецких территорий, где проживали сплошным массивом народы (главным образом арабы), которых можно было назвать меньшинствами лишь условно, разве что в общеосманском масштабе. Им была уготовлена подмандатная «независимость» (за исключением Хиджаза и других аравийских областей). Второй был неразрывно связан с первым и касался собственно Турции — Малой Азии, Восточной Анатолии и Восточной Фракии, т. е. территории, на большей части которой турки составляли абсолютное или относительное большинство. Часть этой территории (на востоке Анатолии, в Восточной Фракии и Измир с хинтерландом) по договору тоже отторгалась от Турции немедленно или в ближайшей перспективе, но границы пока не фиксировались. Поэтому, несмотря на признание Севрским договором независимости Армении, а в будущем — и Курдистана, а также присоединения к Греции Восточной Фракии и части западноанатолийских земель, меньшинствами в этом внутреннем аспекте могли считаться и греки, и армяне, и курды. Многонациональным оставалось население формально оставленных Турции Константинополя и Проливов. Да и в оставленных под чисто турецким управлением районах Анатолии проживало немало не турок (в том числе и курдов). Короче, меньшинства и после Севра были насущной проблемой Турции и во внутреннем, и в международном плане.

С арабами все ясно. Вслед за Сан-Ремо Севр заменил народам Ирана, Сирии (с Ливаном) и Палестины турецкое ярмо на цепи английского и французского колониального господства. Правда, Сирии и Ираку сулили полную независимость (ст. 94), которую в будущем должны были им предоставить державы-мандатарии, но народам этих стран ее предстояло еще завоевать в долгой и упорной борьбе, преодолевая яростное сопротивление колонизаторов. Палестине же не обещали ничего: напротив, подтверждая декларацию Бальфура от 2 ноября 1917 г. «в пользу устройства в Палестине «национального очага» еврейского народа» (ст. 95), союзники лишали арабов Палестины какой-либо национальной перспективы. Что касается призна-

ния независимости Хиджаза, а также захвата Англией Египта, Судана, Кипра, Францией—Марокко и Туниса, а Италией—Ливии и некоторых островов Эгейского моря, то это было всего лишь констатацией давно свершившихся фактов.

Из крупных меньшинств оставались греки, армяне, курды. Казалось, именно они, более чем кто бы то ни было, выигрывали от Севрского договора, сулившего им не ограниченную никакими мандатными рамками независимость. Первые в своем подавляющем большинстве присоединялись к «матери-родине», вторые также обретали независимость в составе «Армянской республики», третьи впервые в истории получали международно признанное государство. Те же из них, кто оставался в составе обкорнанного турецкого государства (в том числе и не поименованные в договоре меньшинства — арабы, ассирийцы, лазы, черкесы и др), попадали под защиту специальной «Части IV» Севрского договора, двенадцать статей которого (140—151) гарантировали им все права. Как гласила ст. 141, «Турция обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и их свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии». А в ст. 147 говорилось: «Оттоманские граждане, принадлежащие к меньшинствам этническим по религии или по языку, будут пользоваться тем же режимом и теми же правовыми и фактическими гарантиями, что и другие оттоманские граждане» [9].

Однако упования меньшинств (как их лидеров, так и рядовых участников движения) на Севр были совершенно беспочвенны прежде всего потому, что сам договор был построен на песке. Все его положения, в том числе и те, которые касались оттоманских меньшинств, были, выражаясь дипломатическим языком того времени, «ничтожными», ибо не соответствовали политическим реальностям момента. Они были далеки от реализма не только в общем смысле, имея в виду «глобальную» ситуацию в мире и на ближневосточной арене, но и в конкретном, специфическом смысле, если принять во внимание действительное состояние греческого, армянского или курдского вопросов.

Положение греческого меньшинства в Анатолии и Восточной Фракии было поставлено в прямую и непосредственную зависимость от реализации мегаломанских завоевательных планов Греции, за которой стояла Англия. Заведомый авантюризм этих планов, проводимых правительством Э. Венизелоса, грозил греческому меньшинству катастрофой, что и произошло на самом деле.

Аналогичная ситуация сложилась и вокруг армянского вопроса. Его решение было предопределено исключительно в рамках дашнакской «Армянской республики», признанной Антантой как независимое суверенное государство. Это уже само по себе было порочной перспективой для армян, ибо дашнакская Армения была нежизнеспособным государством, целиком зависевшим от поддержки Антанты и предназначенным на роль антисоветского и антитурецкого плацдарма. Но такая перспектива не только противоречила военно-политическим реальностям того времени, но и жизненным интересам самого армянского народа, который поднялся на борьбу против дашнакского режима. Еще более зловещими для армянского народа были территориальные постановления Севрского договора. Определение границы между Турцией и Арменией к западу от старой русско-турецкой границы 1878 г. (в вилайетах Эрзерум, Трапезунд, Ван и Битлис) предоставлялось «третейскому решению» президента США (ст. 89). Загвоздка была в том, что эту территорию (до так называемой границы по арбитражу Вильсона) армянам предстояло еще завоевать, имея противником не развалившуюся султанскую армию, а воодушевленные националистическим пылом дивизии кемалистов, руководимые армянофобски настроенными генералами (Кязым Карабекир-паша и др.). Результаты не замедлили сказаться. В начавшейся 24 сентября 1920 г. скоротечной армяно-турецкой войне дашнакская Армения была наголову разбита и потеряла не только те территориальные приращения, которые ей сулил Севр, но и земли, отошедшие к России по Берлинскому трактату 1878 г. Вал геноцида вновь прокатился по многострадальной Армении. Севр обернулся для армянского народа новой большой национальной трагедией.

В контексте всех этих особенностей Севрского договора, как характеризующих его в целом, так и относящихся к рассмотрению в нем национального вопроса, следует рассматривать и курдскую проблему. В ее постановке существовало такое же несоответствие между формой и существом, как и в постановке других этнических проблем. Однако было одно немаловажное отличие — *новизна* курдского вопроса в отличие от армянского и др., уже неоднократно фигурировавших на международных форумах. Это обстоятельство придавало включению курдского вопроса в Севрский мирный договор особое значение. Примечательно, что в основной части договора («Политические положения») Отдел III — «Курдистан» (ст. 62—64) следует непосредственно за отделами «Константинополь» и «Проливы» и впереди всех других территориальных постановлений, касающихся земель, населенных греками, армянами, арабами. Вряд ли такое расположение статей можно объяснить случайной прихотью составителей и редакторов Севрского договора.

Итак, курдский вопрос занимал в Севрском договоре одно из главных мест. Но это не означало, что авторы договора в самом деле были заинтересованы в решении курдской проблемы, как таковой, т. е. в фактической ликвидации ее путем создания курдского независимого демократического государства хотя бы на территории бывшей Османской империи. У них был собственный империалистический план, глубоко враждебный подлинным национальным интересам курдского народа. В этом отношении Севр был так же враждебен курдам, как и другим этническим меньшинствам Ближнего Востока.

62, 63 и 64-я статьи Севрского договора буквально воспроизводили соответствующие пункты соглашения о Курдистане в Сан-Ремо, о которых уже говорилось, с той лишь разницей, что пункты 3 и 4 последнего были совмещены в 64-й статье [10]. С такими же незначительными редакционными поправками было принято разработанное в Сан-Ремо Тройственное (Трипартитное) англо-франко-итальянское соглашение об Анатолии [11]. Общая характеристика всех этих документов была дана выше.

Косвенное отношение к курдской проблеме имели и другие статьи Севрского договора. Одни из них были общего характера (ст. 22 из Статута Лиги наций, касающаяся среди прочего и управления областями, «принадлежавшими ранее Оттоманской империи», статьи из Части IV «Защита меньшинств» и др.), другие — конкретного (Отдел VI «Армения» и Отдел VII «Сирия, Месопотамия, Палестина»). В особенности затрагивала интересы курдов ст. 89, касавшаяся установления границ между Турцией и Арменией «в вилайетах Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса» [12]. Ведь значительную часть населения двух последних вилайетов и часть населения вилайета Эрзерум составляли именно курды. Повторим еще раз: как «общая», так и «специальная» постановка курдской проблемы в Севрском мирном договоре на деле ничуть не приблизила ее действительное решение.

Уже для современников это было более или менее очевидно. Черчилль в изложении условий Севрского договора о курдах вообще не упоминает. В оценке близких курдскому вопросов, «решенных» в Севре, он также весьма скептичен: «Англия должна была взять на себя дорогостоящий и хлопотливый мандат над Палестиной и Месопотамией, а армяне должны были устроиться под крылышком Соединенных Штатов» [13]. Авторы официозной британской «Истории Парижской мирной конференции» при изложении условий Севрского договора о курдах обронили всего лишь одну фразу: «Курдистан получал автономное правительство с возможной модификацией его границ в пользу Персии». В прилагаемой карте «Турция и договоры 1920 г.» нет даже названия «Курдистан» и никак не обозначены его предполагаемые границы [14]. Статьи Севрского договора о Курдистане «не принимались всерьез», делают совершенно справедливый вывод авторы [15].

Обычно весьма многословный Ллойд Джордж о курдских статьях Севра отозвался лапидарно и без малейшего намека на какую-либо их оценку: «Курдистану предоставлялась местная автономия с правом через год отделиться от Турции» [16]. Зато на редкость выразительно его высказывание об армянских статьях: «Независимое армянское государство превратилось в безнадежный проект с того самого момента, как Америка отказалась взять на себя его защиту» [17]. Иными словами, бывший британской премьер признается в том, что в Севрский мирный договор был включен заведомо «безнадежный проект». Так и кажется, что он недоговаривает, не причислив к таковому и проект курдской независимости.

Вообще, «курдская» часть Севра не вызвала заметного интереса у историков-международников, и это не случайно. Упоминания о ст. 62—64 Севра носят редкий и случайный характер, грешат упрощенчеством и неточностями, как это часто бывает с историческими сюжетами, которым не придавалось серьезного значения. Например, известный русский международник и знаток ближневосточных проблем Андрей Мандельштам (эмигрировавший после революции во Францию) в специальном исследовании о проблеме меньшинств ограничился только упоминанием, что Севрский договор обещал «полную независимость» турецким меньшинствам (курдам, ассиро-халдейцам, армянам) [18], не проанализировав действительное содержание соответствующих статей договора. Немец Хессе вопреки действительному содержанию ст. 62 утверждал, что она предполагала создание буферного государства (на самом деле только местной автономии) курдов между Ираком и Турцией под французским (!) мандатом. Статья же 64, писал он далее, предусматривала возможность присоединения курдов (неизвестно каких) к этому государству и имела значение только для управления Ираком [19]. Подобного рода умолчания и искажения — явный признак пренебрежительного отношения к такой малозначащей, по мнению цитированных и многих других авторов, теме, как решение курдской проблемы Севрским мирным договором.

Единственный сюжет в курдских статьях Севра, который привлек к себе пристальное внимание современников и исследователей,— это приобретавший в то время все бо́льшую актуальность Мосульский вопрос. «Мосул,— отмечал Ховард,— занимает самую важную позицию в отношении Курдистана, насчитывает на своей территории большое число курдов, поэтому он географически господствует над Курдистаном» [20]. Терять Мосул никак не устраивало британских империалистов. Напомним, что «Дейли кроникл», ратуя за захват Мосула накануне Севра, приводила, в частности, и такой аргумент: «К тому же север Месопотамии, особенно Мосул и его окрестности, климатически наиболее благоприятен для расквартирования пограничных войск» [21].

Между тем судьба Мосула в Севрском договоре не была точно определена. «Северной границей Месопотамии,— отмечал Гофман,— должна была служить граница вилайета Мосул, в то время как с другой стороны курдским областям Месопотамии (т. е. вилайета Мосул) должна была быть гарантирована возможность присоединения к самостоятельному курдскому государству в случае образования такового» [22]. Кроме этого явного (не единственного) противоречия Гофман подметил, что Севр, собственно, не содержал определенного и окончательного отказа Франции от притязаний на Мосул: «В Сан-Ремо Франция косвенным образом уступила или потеряла Мосул, все же без

ясно формулированного отказа от своих прав и без признания перехода Месопотамии в сферу влияния Англии. Это признание и этот отказ от прав получили отчетливое выражение лишь 23 декабря 1920 г. в англо-французской конвенции по установлению границ в мандатных областях Передней Азии. Это произошло уже после того, как в Севрском мирном договоре (10 августа 1920 г.) британская точка зрения получила конкретное воплощение»[23]. Однако и в Севре осталась некоторая недоговоренность по этому вопросу.

Во всяком случае, хотя Севрский договор был в полной мере детищем британской дипломатии, ей не удалось в важном для британских имперских интересов мосульском вопросе свести концы с концами. И это было замечено современниками: в Лондоне еще не сделали окончательного выбора — то ли делать основную ставку на относительно крупное курдское государство, объединяющее Северный, Западный и Южный Курдистан, то ли опереться на влиятельные арабские национальные круги в Багдаде, Дамаске, Мекке. Сложная и противоречивая обстановка на всем Арабском Востоке, бурный подъем арабского национального движения, имевшего в отличие от курдского национального движения отчетливо выраженное антиимпериалистическое направление, не давали тогда однозначного ответа на эту дилемму.

Если в тексте самого Севрского договора мосульская проблема была только обозначена, но не решена, то за кулисами Севра англичане уже готовили вариант включения всего Мосульского вилайета с входившими в него курдскими землями в создававшееся тогда подмандатное, целиком подвластное Англии Иракское государство. Этим немедленно после подписания договора занялись Перси Кокс и британская администрация в Багдаде[24]. Итак, за упоминанием о Мосуле скрывалась серьезная политическая проблема, решение которой было оставлено на послесеврский период.

Правомерным ли будет на основании сказанного вывод о том, что «курдские» или близкие к ним статьи Севрского мирного договора имели «ничтожное» значение или, в лучшем случае, оставили только след в истории дипломатии? Думается, что нет. Прежде всего, эти статьи отражали определенный курс в ближневосточной политике Великобритании, который, хотя и провалился в его «турецкой» части вообще, а в «курдской» и «армянской» частях — в особенности, в других отношениях частично преуспел и оказал долговременное влияние на ситуацию во всем регионе, вплоть до нашего времени. Да и упоминание о Мосуле в Севрском договоре было отнюдь не эпизодическим, а имело непосредственное продолжение, стало важным деструктивным фактором англо-турецких отношений.

На эту сторону «курдской» части Севра (которую замалчивали или искажали западная наука и публицистика) советские востоковеды обратили внимание вскоре после подписания договора. Основатель марксистского направления в советском востоковедении М. Павлович (Михаил Лазаревич Вельтман) отметил, что слабым звеном британских имперских позиций в регионе от Каира до Калькутты была «необеспеченность подступов», особенно в районе Мосула и Багдада. Отсюда, по его мнению,— планы образования армянского буферного государства. «Отсюда,— продолжал он далее,— также план создания „независимого Курдистана", нового буферного государства, в состав которого должен был войти как персидский, так и турецкий Курдистан[25]. Англичане энергично ведут пропаганду идеи „независимого Курдистана". В Мосуле *два раза в день* выходит курдская газета, которая на английских аэропланах рассылается в районы, населенные курдами. Англия снабжает курдских вождей пулеметами и авионами, имеющими особое значение в горной войне. „Независимый" Курдистан, создание которого предусмотрено в Севрском договоре, должен, по английским планам, служить преградой одновременно и против возможного-де наступления России по направлению к Персидскому заливу и против наступления турок на Месопотамию. Несомненно, что скоро мы еще услышим о *курдском вопросе»*[26]. Весьма прозорливые замечания, хотя они и содержат ряд неточностей и преувеличений.

Не менее важной была и другая сторона постановки курдского вопроса в Севрском мирном договоре — идейно-политическая, которая до сих пор была в тени. После быстрого краха Севра она не принималась в расчет не только на Западе, но и у нас. Зато курдские националисты и вообще все курдские патриоты, независимо от их политических взглядов и принадлежности, придавали этой стороне чрезвычайно большое, подчас гипертрофированное, значение. Если принять во внимание все сказанное выше относительно «курдских» статей Севрского договора и отбросить преувеличения и перехлесты (мотивы которых в устах курдских националистов понятны и подчас извинительны), то следует признать, что ст. 62—64 Севрского договора не умерли вместе с ним, а остались в идейно-политическом арсенале курдского национализма и курдского национально-освободительного движения в целом. Будучи с самого начала практически неосуществимыми и утратив скоро и свою юридическую силу, они в то же время вплоть до наших дней остаются символом первого в истории международного признания права курдского народа на национальное самоопределение, существования курдского национального вопроса как самостоятельного субъекта в системе международных отношений. И это признание было не даровано свыше, а добыто кровью тысяч и тысяч борцов за свободу Курдистана, павших во время многочисленных курдских восстаний.

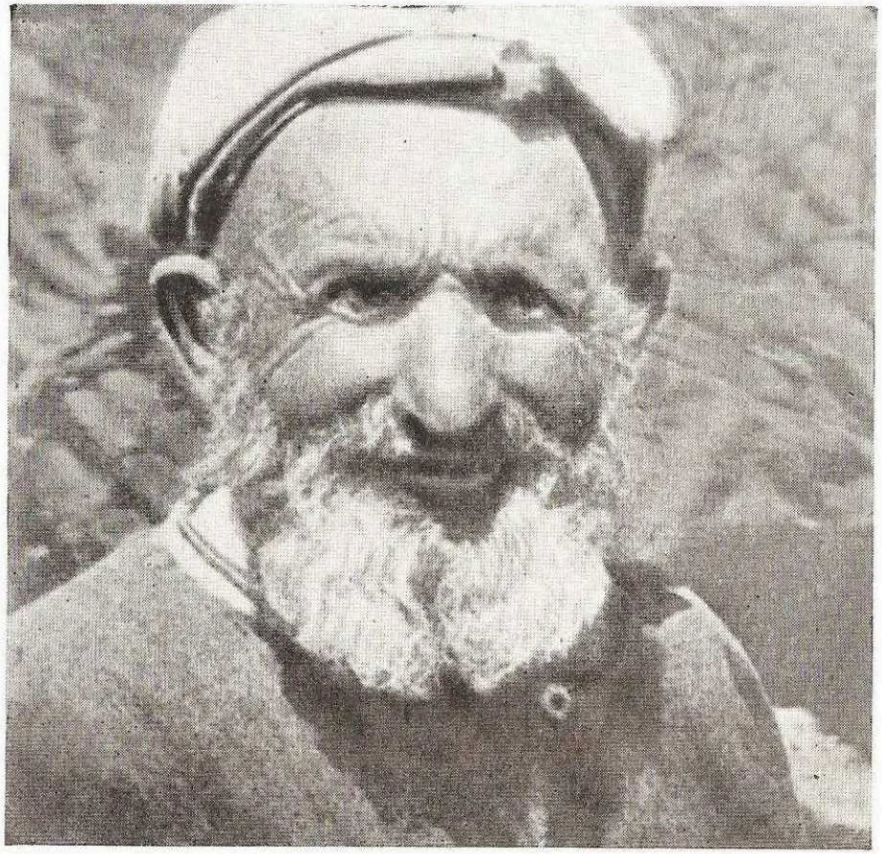
Видный курдский национальный деятель эмир Камуран Али Бадрхан писал в 1958 г. по поводу Севрского договора: «Договор, заключенный более четверти века тому назад, обеспечивал

курдскому народу право на единение и независимость; этот договор был добыт благодаря длительным усилиям и тяжелым жертвам. И хотя этот договор никогда не был проведен в жизнь, его моральная сила подкреплена новыми факторами. Мы имеем в виду принцип самоопределения, принятый Объединенными Нациями, право на самоуправление, моральные принципы, касающиеся прав и достоинства человека, которые происходят оттуда»[27]. Типичная для курдского националиста оценка Севра, при всей ее антиисторичности верно отражающая идейный и моральный факторы.

Но это были факторы, так сказать, долговременного воздействия. Непосредственный же эффект «демократической» фразеологии Севра (в том числе и по курдскому вопросу), которая служила обману народов, была данью времени, стремлением перехватить, извратить и обратить на службу империализму революционизирующие лозунги Октября,— близок к нулю. Сам Севрский мирный договор оказался мертворожденным документом, и вопрос о его пересмотре возник чуть ли не на следующий день после подписания. Недаром ни одна из стран, подписавших договор, его не ратифицировала (за исключением Италии). Не сделала это даже Порта, безвольная жертва антантовской дипломатии. Все последующие развитие курдского вопроса можно характеризовать как движение от Севра.

Неминуемое крушение Севра предопределялось, как уже говорилось, и общей международной обстановкой, и изменениями на ближневосточной арене. Замирение с поляками (октябрь 1920 г.), разгром Врангеля (ноябрь 1920 г.), советизация Армении и Грузии, победы революционных сил в Туркестане, Забайкалье и на Дальнем Востоке положили конец надеждам Антанты на свержение советской власти и расчленение России. Это круто меняло ситуацию и на ближневосточной арене, где рушилась система марионеточных, полностью зависимых от Антанты государств, предназначенных служить буфером между Турцией и Россией. Битой оказалась ставка и на греческую интервенцию. После первоначальных успехов греки столкнулись с растущим сопротивлением кемалистских сил, а в январе 1921 г. потерпели первое серьезное поражение (при Инёню). Стабилизировалась и расширялась власть руководимого кемалистами правительства ВНСТ. Укрепились и его внешнеполитические позиции, главным образом благодаря установлению прочных дружественных отношений с Советской Россией. Развивались контакты и с членами Антанты — Францией и Италией, недовольными Севром. Крайне напряженная для империалистов ситуация сложилась в Сирии и Ираке, где росло антиколониальное движение. В Ираке, кроме того, британской администрации приходилось решать сложные задачи по укреплению своего влияния на расположенную к ней правящую элиту и по стабилизации насаждаемого ею режима. Наконец, доживал свои последние дни британский протекторат над Ираном, где ширилось

Курдский пахарь



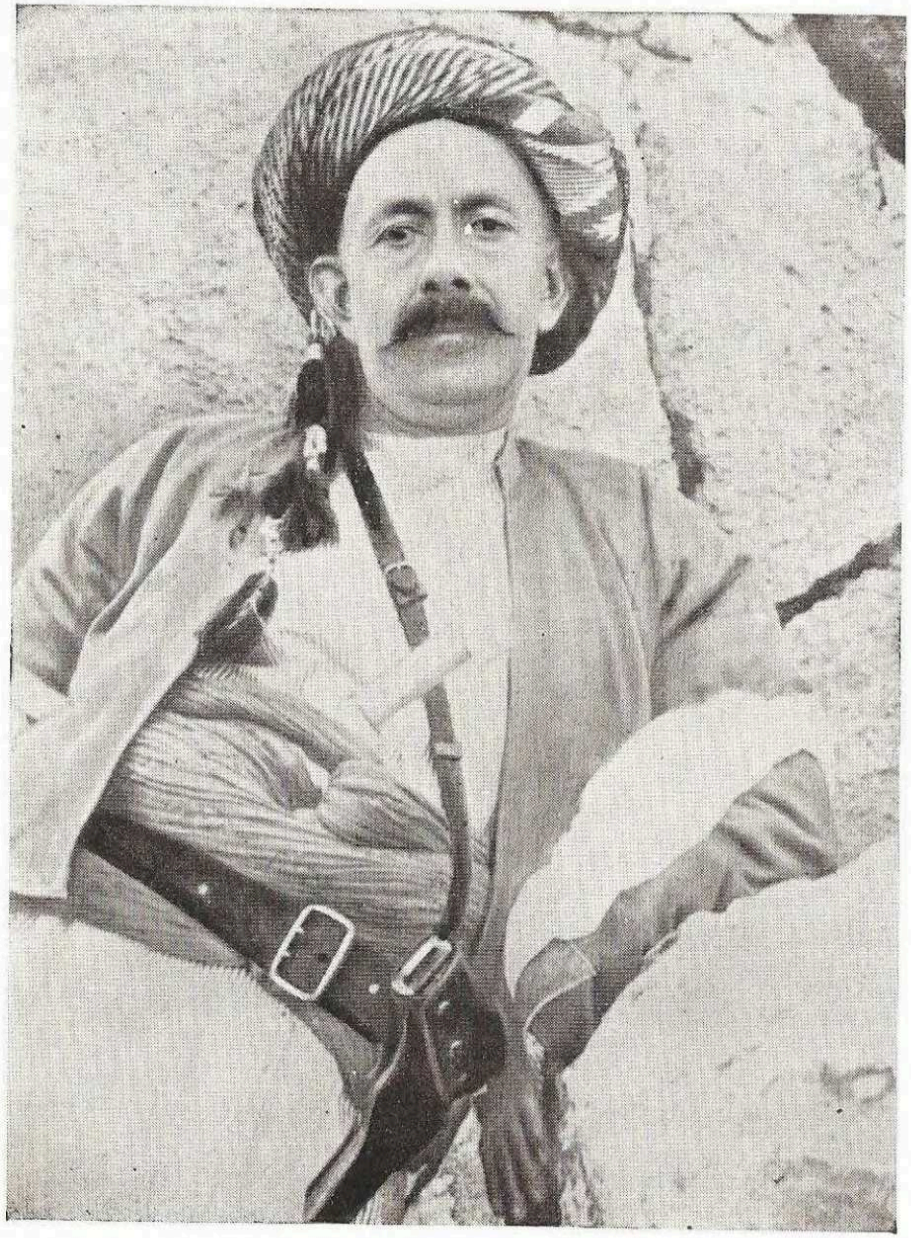
Старик-караванщик из Битлиса

Курдянка из Халабджи

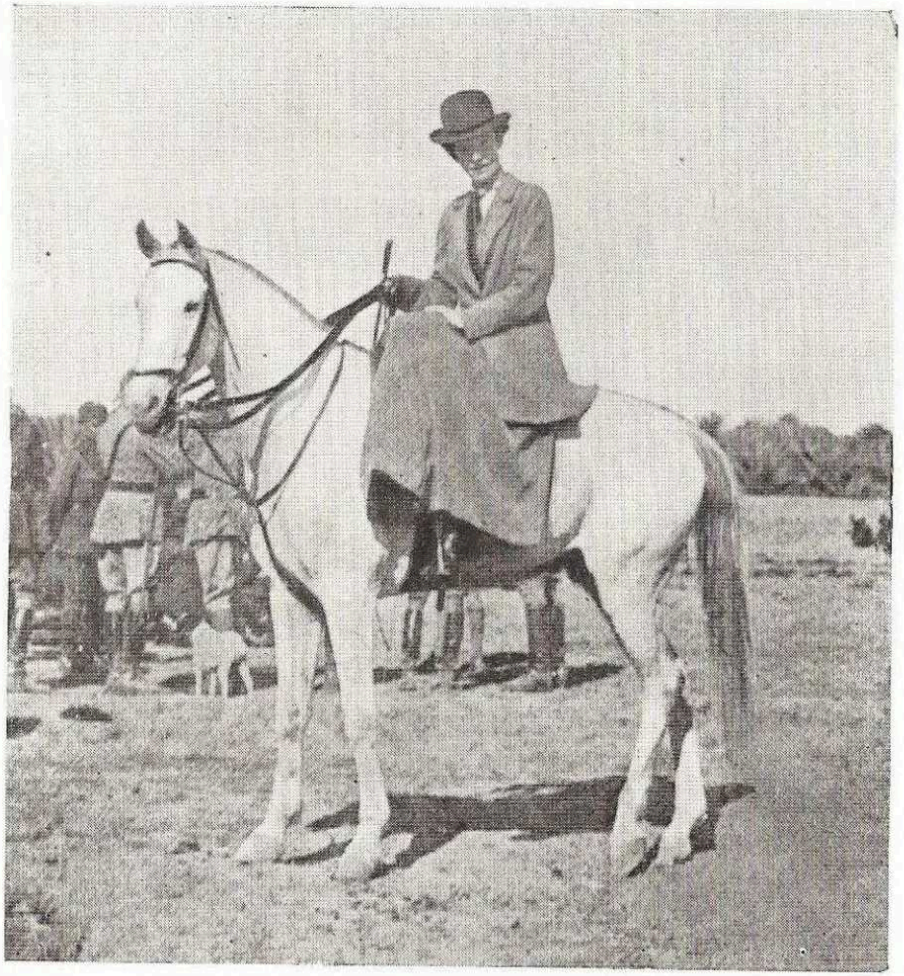
Езидский ага из Джебель-Синджара

Королевские воздушные силы над Равандузом

Мальчик-пастух из Палу



Шейх Махмуд Барзанджи



Гертруда Белл

У. Черчилль на Каирской конференции

движение за освобождение от пут военно-политической зависимости от Англии, за подлинную независимость.

В такой обстановке Севрский договор жить не мог. Он был обречен и в целом, и в отдельных своих частях. Конечно же, не составляли исключения и курдские разделы договора. Проект создания автономного или «независимого» Курдистана (фактически под протекторатом Англии) и в случае полной реализации Севрского договора был крайне сомнителен. В сущности, к проведению в жизнь этого проекта не были готовы ни Великобритания (с точки зрения военной, финансово-экономической и политико-дипломатической), ни сами курды в силу своей социальной отсталости и политической слабости и раздробленности. Все другие стороны, поставившие свои подписи под Севрским договором, или совсем не были заинтересованы в создании независимого Курдистана, или были прямо враждебны этой идее (Порта, дашнакская Армения и главные союзники Англии в Антанте — Франция и Италия).

Естественно, отрицательно относились к будущему «независимому» Курдистану отсутствовавшие в Севре Соединенные Штаты Америки и Иран, а также различные политические силы Арабского Востока. Советскую Россию не спрашивали, ее мнением пренебрегли, но оно существовало: в указанном проекте она справедливо видела империалистический заговор, обращенный против народов Востока (в том числе против подлинных интересов курдского народа) и, кроме того, имевший совершенно определенную антисоветскую направленность. В случае же неминуемого крушения Севрского договора шансы на создание какого-либо подобия независимого Курдистана смело можно отнести к разряду чистейшей фантастики. Это стало очевидным вскоре после отъезда представителей «высоких договаривающихся сторон» из Парижа.

На Каирской конференции

Идея создания независимого Курдистана была неосуществима. Однако эта идея, коль скоро она возникла, зажила как бы самостоятельной жизнью и была взята на вооружение курдским национализмом, конечные цели которого, в сущности, были противоположны тем, которые вынашивали правящие круги Великобритании. Курдское национальное движение (как и любое другое) могло быть только временным союзником империалистической державы (в данном случае Англии), их пути неминуемо должны были разойтись. Во всяком случае, реализация политической программы курдских националистов (независимость Курдистана или по крайней мере автономия его отдельных частей как переходный этап к ней) зависела не только и не столько от международного положения, сколько от ситуации в самом Курдистане, от развития курдского национально-освободительного движения. Обстановка же в курдских землях в после-

севрский период сложилась весьма острая, сложная и противоречивая.

По-прежнему центр курдского национально-освободительного движения находился в Южном (Иракском) Курдистане, где хозяевами положения были англичане. Господство британских колонизаторов в Ираке, в том числе и в его населенной главным образом курдами северной части, после подавления восстания 1920 г. переживало глубокий кризис. В сущности, англичане оказались в этой арабской стране у разбитого корыта, не выработав за несколько лет оккупации никаких приемлемых политических форм своего господства, возбудив резкое недовольство всех общественных и этнических групп населения. Не был создан надежный фундамент для предназначенного Ираку режима мандата.

Деморализованный неудачами Арнольд Вильсон предлагал или уйти из Ирака, или значительно увеличить британское военное присутствие в нем, т. е. сделать упор на голое насилие. Оба варианта Лондон не устраивали и по политическим, и по финансовым соображениям. А. Вильсон был заменен отозванным из Тегерана Перси Коксом, более опытным и гибким политиком, которому удалось к концу 1920 г. окончательно подавить арабское восстание в стране [28]. Возглавлявшаяся Коксом британская политическая администрация приступила к стабилизации военно-политического положения в Ираке. Но для этого потребовалось принятие важных политических решений на более высоком уровне.

За это дело взялся Уинстон Черчилль, в феврале 1921 г. сменивший портфель военного министра на пост министра колоний. Он начал с организационных мер, сосредоточив в министерстве колоний все ближневосточные дела (до того разделенные между министерством иностранных дел, министерством по делам Индии и военным министерством). Для этого в министерстве был создан средневосточный департамент, в котором трудились все светила британских разведывательно-политических служб в ближневосточном регионе, в том числе (по специальному приглашению Черчилля) знаменитый полковник Т. Э. Лоуренс. Первым делом нового департамента была организация конференции по разработке основ политики Великобритании на всем Арабском Востоке, включая Южный Курдистан [29].

Конференция заседала в Каире под руководством У. Черчилля с 12 по 30 марта 1921 г. В ней участвовали главы британской администрации в Ираке, Палестине, Трансиордании, Египте, высшие чины дислоцированных на Ближнем Востоке вооруженных сил Англии и такие асы британской агентурной сети в регионе, как Лоуренс, Ноэль, майор Янг, Гертруда Белл и др. Конференция разработала систему, которая обеспечивала сохранение британских колониальных позиций на Арабском Востоке и просуществовала несколько десятилетий.

В Ираке и Трансиордании создавались вассальные монархии во главе с преданными Англии со времен первой мировой войны сыновьями короля Хиджаза Хусейна. Фейсала, изгнанного французами из Сирии, было решено посадить на трон в Ираке, его старшего брата Абдаллаха — в Трансиордании. Военный контроль Великобритании на Арабском Востоке в целях экономии финансов предполагалось осуществить главным образом посредством «королевских воздушных сил». Таким образом, в этих арабских странах вводилась система косвенного управления, при которой колониальные интересы британского империализма обеспечивались (под жестким военно-политическим контролем) местными арабскими феодально-монархическими и компрадорскими кругами. Этим политическим маневром, носившим отчасти вынужденный характер и преследовавшим цель сбить накал арабского национального движения, английские империалисты надеялись упрочить свои позиции на всем Ближнем Востоке. Но это оказалось несбыточным делом.

Каирская конференция не решила всех проблем, стоявших перед политикой Англии в арабском мире. Открытым остался вопрос о судьбах центрально- и западноаравийских государств и княжеств: Хиджаза, Неджда, Йемена и некоторых других. На конференции обсуждался и курдский вопрос, тесно связанный с арабским, особенно в той его части, которая касается Южного и Юго-Западного Курдистана. Но если механика маневров британских колонизаторов в арабском вопросе подробно освещена в зарубежной и советской литературе, то о курдском вопросе этого сказать нельзя. Между тем о курдах в Каире говорили немало.

К моменту открытия Каирской конференции необходимость пересмотра Севра, в том числе его «курдских» статей, стала очевидной для всех заинтересованных сторон (подробнее об этом ниже). Независимый Курдистан стал сходить с повестки дня. Эту тенденцию отразил меморандум, составленный к конференции упомянутым средневосточным департаментом.

Примечательно, что до создания этого департамента возможность реализации проекта «независимого Курдистана» еще рассматривалась в британских правящих сферах. В отчете междепартаментского комитета говорилось, что в случае реализации ст. 64 Севра не будет возражений против включения в независимый Курдистан курдских районов Мосульского вилайета; на средневосточный департамент возлагалась вся ответственность за курдскую политику [30]. Однако в означенном меморандуме о независимом Курдистане — уже ни слова. При условии, что Курдистан не будет управляться Турцией, сказано там, его политический статус должен быть скорее связан с месопотамским правительством, чем с мандатной властью [31].

В меморандуме говорилось, что чисто курдские территории не должны быть включены в арабское государство, которое предполагалось образовать в Месопотамии. Правительство должно поддерживать принципы курдского «единства и нацио-

нальности» в такой степени, как это возможно. Размеры территории, к которой применяются эти принципы, зависят от «окончательных условий мирного урегулирования с Турцией» (т. е. Севр ставится под сомнение как по крайней мере временный акт. Независимо от этого контроль со стороны правительства и отношения с месопотамской администрацией будут значительно облегчены, если будет создана «какая-то форма центральной курдской организации с приданным ей британским советником», который был бы подчинен британскому верховному комиссару и через него сносился бы с правительством. Надо объявить всеобщую амнистию за все политические преступления, совершенные «месопотамцами или курдами» с начала военной оккупации [32].

Итак, судьба Южного Курдистана определялась в полном соответствии с классическими канонами политики «разделяй и властвуй». Отделялся он и от «независимого Курдистана», и от арабского государства в Ираке, а фактическая власть на этой курдской территории должна быть установлена британская.

На самой Каирской конференции курдский вопрос в Месопотамии подвергся подробному рассмотрению на заседаниях Политического и Военного комитетов. Интересно проследить за аргументацией участников этих заседаний. На четвертом заседании Политического комитета 15 марта обсуждение шло под знаком необходимости ревизии Севрского договора и изъятия южнокурдских районов из подчинения правительству Ирака. Кокс высказался за то, чтобы курдские районы Киркука и Мосула управлялись мутесаррифами совместно с британскими политическими офицерами и с курдскими чиновниками. Он утверждал, что эти районы, а также Сулеймания составляют интегральную часть Ирака, особенно в экономическом отношении. Они должны иметь представительство в иракском парламенте, но население Сулеймании вряд ли этого желает. Такого же мнения придерживалась Гертруда Белл.

Майор Янг предложил не медлить с созданием в Месопотамии курдского государства, формально независимого от иракского правительства и находящегося под прямым контролем британского верховного комиссара. Но это государство не должно обладать никакими атрибутами подлинной независимости, особенно от Англии. Сейчас удобный момент для выборов в «совет» курдских районов. Для обеспечения безопасности не надо посылать туда ни арабских *леви,* ни британские войска: порядок обеспечат сами курды.

Майор Ноэль ничего не мог ответить на вопрос председательствующего У. Черчилля об отношении курдов к Севру (и это весьма показательно: о Севрском договоре в курдистанской «глубинке» почти ничего не слыхали). Ноэль указал на опасность турецких интриг в случае эвакуации британских войск, особенно в районе Сулеймании, которую турки (т. е. практически кемалисты) хотят присоединить. Сами курды предпочитают

гомруль (автономию в рамках иракского государства), но они могут и активно выступить против иракского правительства, особенно если турки будут нажимать. Англичане должны создать «курдское буферное государство, которое может быть использовано как контрбаланс любому возможному серьезному антибританскому движению в Месопотамии». Если не будет таможенного барьера между обоими месопотамскими государствами, курды могут стать хорошим источником дохода для Англии. Наконец, Ноэль высказался за включение района Амадии в зону британского влияния.

Полковник Лоуренс также возражал против подчинения южных курдов власти «арабского правительства», хотя оно и будет стараться этого добиться. В отличие от Кокса и Белл он считал, что для управления Южным Курдистаном достаточно одного мутесаррифа (но не курдского владетеля), т. е. был против административного раздела этой страны.

Подытоживая прения, Черчилль согласился с проектом создания «дружественного буферного государства между Ираком и Турцией», которое будет надежно защищать британские интересы. Он поддержал идею создания сепаратного совета (местного парламента) для Южного Курдистана и заявил о необходимости субсидировать «курдского вождя (?) и его наиболее влиятельных подданных», отвратить их от турок и привлечь на сторону Англии. Кроме того, Черчилль особо подчеркнул необходимость сохранения и усиления верховной власти Великобритании над всей Месопотамией, как арабской, так и курдской. Он заявил, что существует полная аналогия между функциями генерал-губернатора Южной Африки (в отношении Южно-Африканского Союза и Родезии) и верховного комиссара Месопотамии (в отношении Месопотамии и Курдистана). Британская политика, продолжал министр колоний, много сделала в поддержку арабов, но не следует пренебрегать правами курдского меньшинства. Следует для начала сформировать два курдских полка для Сулеймании и Киркука. Под эгидой верховного комиссара Курдистан и Ирак должны идти к сближению и в будущем создадут одно государство. По мнению Черчилля, по этому вопросу можно было прийти к окончательному решению здесь же, в Каире, даже не ставя в известность «Форин офис», но только Лигу наций (!). Черчилль также обменялся мнениями с Г. Белл и Янгом о том, что Мосул «несомненно» должен быть включен в Ирак и о желательности создания пограничных сил из курдов под командованием британских офицеров [33].

Итак, Южный Курдистан должен был целиком подпасть под эгиду Англии. Такова была установка Черчилля и его советников с самого начала обсуждения курдской проблемы в Каире. В таком же духе протекало и дальнейшее обсуждение. На заседании Военного комитета, происходившем в тот же день, 15 марта, Кокс откровенно признал, что меры по созданию «дружественного Курдистана» проистекают из существования «недружест-

венного Ирака», иначе говоря,— из существования арабского национально-освободительного движения. Курдов планировали натравить на арабов (и наоборот) — в этом сердцевина британской политики в Ираке в послесевركский период. Кокс и иракский генерал Джафар-паша подробно изложили намеченный Политическим комитетом план управления Южным Курдистаном на южноафриканский манер, в реализации которого важное место занимала организация курдских *леви* под командованием британских офицеров [34].

Эти мнения были подтверждены и обобщены на объединенном четвертом заседании Политического и Военного комитетов 16 марта 1921 г. Окончательного решения по курдскому вопросу на этом заседании принято не было. Было только зафиксировано, что верховному комиссару в Ираке предпочтительнее иметь дело с курдским, нежели с арабским правительством. Гарнизоны Киркука и Мосула желательно пополнить за счет «курдских источников»; следует создать там «местные силы», дабы высвободить британские гарнизоны [35]. В таком же духе был подан результат обсуждения курдского вопроса и в заключительном отчете о конференции. «Конференция пришла к выводу,— говорилось в нем,— что всякие попытки насильственно поставить курдские районы под контроль арабского правительства неизбежно встретят сопротивление». До того как курды смогут высказать свое мнение, Курдистан следует поставить под прямое управление верховного комиссара, и он должен управляться отдельно от Ирака. Тогда можно будет создать курдские формирования под командованием британских офицеров; они будут лучше защищать границы, чем арабская армия [36].

Таким образом, на Каирской конференции были разработаны фундаментальные основы курдской политики Великобритании, на первое время в пределах Месопотамии. Ее основными чертами были, во-первых, фактический отказ от предусмотренного Севром включения южнокурдских земель в независимое курдское государство, во-вторых, установление жесткого британского колониального контроля над Южным Курдистаном, в-третьих, противопоставление курдского марионеточного государства в Месопотамии такому же арабскому государству с целью предотвращения развития как арабского, так и курдского национально-освободительного движений. Именно в таком духе и проводилась политическая линия британского империализма в Ираке в 20—40-е годы XX в.

Как уже говорилось, никаких окончательных решений по курдскому вопросу в Каире [37] не было принято. Ни Черчилль, ни его советники не имели ясного представления о том, какая конкретная политическая ситуация сложится в ближайшем будущем в Ираке и какие организационные формы примет насаждаемый ими мандатный режим в стране. Намечавшаяся англичанами кандидатура эмира Фейсала аль-Хашими, изгнанного французами из Дамаска и оказавшегося не у дел, на роль короля Ирака встретила активную оппозицию в стране (не только у курдов, но и у значительной части арабов, особенно шиитов). Антиимпериалистическое движение продолжало шириться и в арабской, и в курдской частях страны. Тревожная для Англии обстановка сложилась в Иране и Турции, где также крепли антиимпериалистические силы. Особенно неспокойно было на разделявшей Курдистан ирако-иранской и ирако-турецкой границах. Поэтому на Каирской конференции ограничились черновым наброском будущего устройства Южного Курдистана. Как показали дальнейшие события, такой подход к курдской проблеме в Ираке оказался дальновидным.

Ситуация в Иракском Курдистане

Поначалу английские власти в Ираке считали, что они контролируют ситуацию в Иракском Курдистане, которая не внушала им серьезных опасений. Основные очаги курдских восстаний были потушены, в иракском восстании 1920 г. курды были не слишком заметны. Курды отказались участвовать в первом организованном англичанами (октябрь 1920 г.) временном правительстве Ирака во главе с Абд ар-Рахманом аль-Гайлани. Но, как справедливо замечает Майкл Брукс, «враждебное отношение курдов к новому иракскому правительству до некоторой степени устраивало Англию», ибо давало ей предлог держать военные силы в Ираке и служило средством давления на иракское правительство, которое заключалось в угрозе предоставления курдам независимости [38]. Антианглийская пропаганда из Турции также не слишком тревожила Лондон, поскольку в первое время не оказывала серьезного «развращающего» влияния на племена Южного Курдистана [39].

Итоги Каира вполне устраивали британские колониальные круги, в том числе и иракскую администрацию. Было ясно, что предусмотренное Севром курдское государство не будет создано (хотя об этом в Каире прямо не говорили), ибо сам Севрский договор был сметен турецким национально-освободительным движением.

Такой оборот, в общем неблагоприятный для британского империализма, устраивал, однако (хотя бы временно), его *частные* интересы в Ираке, ибо снимал возможность присоединения курдских районов Месопотамии к «независимому Курдистану». А такой вариант (с точки зрения Лондона) с самого начала был рискованный, ибо был приемлем только при установлении фактического протектората Англии над всем Курдистаном, чему было немало препятствий. К моменту, когда крах Севра стал неминуем, английские колонизаторы предпочли выбрать менее заманчивую, но зато реальную перспективу — подчинение Южного Курдистана твердой и, казалось, непоколебимой власти багдадской мандатной администрации.

Разумеется, такой курс был полностью несовместим с пре-

доставлением иракским курдам какого-либо реального самоопределения. Но и ставить курдов на одну доску с арабами, т. е. практически подчинить их власти марионеточного багдадского правительства, англичане не хотели. Это помешало бы им проводить политику «разделяй и властвуй». Курды Мосула, Киркука и Сулеймании,— писал Лонгриг, совершенно не готовые к самоуправлению, могли чувствовать себя неловко в арабском государстве», правительство которого считало их интегральной частью Ирака [40]. Поэтому англичане установили в Иракском Курдистане особый административный режим в духе решений каирской конференции. Их цель была установить непосредственный британский контроль над курдскими районами Ирака, чтобы, с одной стороны, противопоставить их Багдаду, а с другой — не допустить развития в них сепаратистских тенденций. Управление населенными курдами землями было раздроблено. Согласно коммюнике верховного комиссара в Ираке от 6 мая 1921 г., в Южном Курдистане была установлена следующая административная система:

Лива Мосул будет управляться как интегральная часть Ирака: ее курдские районы образуют субливу, находящуюся под надзором британского политического офицера; низшие административные должности могут заниматься курдами или говорящими по-курдски арабами, но все назначения делаются верховным комиссаром. Британские политические офицеры будут «советниками» администрации Эрбиля, Кой-Санджака и Равандуза. Сулеймания образует «мутесаррифлик», управляемый мутесаррифом, назначаемым верховным комиссаром, и его британским советником, обладающим, в сущности, неограниченными полномочиями. Каймакамами временно должны быть англичане, в дальнейшем они могут быть заменены курдами, в Киркук назначался отдельный мутесарриф [41].

Таким образом, Иракский Курдистан делился на четыре административные единицы, управляемые формально по-разному, но фактически подчиненные жесткому контролю британских колониальных властей. Эдмондс признал, что, хотя эта административная система не дала «формального эффекта», на практике она позволяла верховному комиссару активно вмешиваться в курдские дела, вплоть до заключения договора с Турцией в 1926 г., а в действительности — до окончания существования режима мандата в 1932 г. [42]. Режим, установленный англичанами в Иракском Курдистане, был схож с тем, который существовал во многих районах Британской Индии, т. е. был совершенно однозначно колониальным, несмотря на существование кое-где, на весьма низком уровне, местной курдской администрации.

Брукс верно заметил: «Конечно, имперские дипломаты не могли всерьез думать о предоставлении полной автономии населению в таком важном районе, как Месопотамия». «Но, вообще говоря,— продолжал он,— постоянные восстания курдов представляли большое неудобство». Он процитировал известного дипломата Гарольда Никольсона, который сетовал: «Курды, которые оставались пассивными, когда мы хотели пробудить в них национальное самосознание, вдруг стали неожиданно проявлять интерес к „четырнадцати пунктам“ в 1922 г.— совершенно несвоевременно» [43]. На самом деле это произошло раньше. Установление колонизаторской по форме и существу британской административной системы в курдских районах Ирака сразу вызвало активный отпор всего населения.

Одним из поводов для нового роста недовольства среди курдского населения Ирака было введение англичанами в стране арабской марионеточной власти. Курдами это было воспринято как посягательство на их национальные права, как доказательство нежелания англичан предоставить им обещанное и по Севрскому договору, и «в частном порядке» право на самоопределение. Уже организация временного правительства Аль-Гайлани в октябре 1920 г. «в острой форме подняла вопрос о будущем курдских районов», тем более что именно в это время усилилась турецкая пропаганда среди иракских курдов, которых убеждали в необходимости сохранения верности султану и халифу [44]. Большинство курдов Ирака отказалось поддержать это правительство. Избирательный закон, который игнорировал «специальные права курдов по Севрскому договору», был подвергнут ими резкой критике [45].

Лето 1921 г. было в Ираке поистине жарким, и не только в климатическом, но и в политическом отношении. То было время возведения на престол эмира Фейсала ибн Хусейна аль-Хашими. Эта кандидатура безусловно устраивала только англичан. В самой же стране Фейсал не имел никаких корней и не пользовался популярностью ни среди народа, ни в национальных кругах. Для арабов-шиитов, составлявших 60% населения страны, он был неприемлем как суннит, но и среди суннитов не пользовался повсеместной популярностью. Фейсал был возведен на престол 23 августа 1921 г. только в результате интенсивнейшего нажима британских колониальных властей. Что касается курдов, то они в своем подавляющем большинстве крайне враждебно отнеслись к новоявленному монарху, воспринимая его как символ ненавистной арабской власти, к тому же возведенной милостью британских поработителей. В избрании короля участвовали только курдские нотабли Эрбиля и частично курдских районов ливы Мосул. Представители Киркука голосовали против Фейсала, а Сулеймания вообще не участвовала в голосовании. Однако и голосовавшие за короля потребовали признания национальных прав курдского народа, в первую очередь — автономии [46].

Именно в это время после непродолжительного спада вновь обозначился подъем курдского национального движения в «подмандатном» королевстве Ирак. Тревожной стала атмосфера и в Сулеймании, и в долине Шахризура, где волновались племена авроман во главе с Махмуд-ханом Дизли, бывшим соратником

шейха Махмуда, к тому же связанного с кемалистами. Происходили нападения курдов на Халабджу. Неспокойны были и джафы, предводительствуемые «леди» Адела-ханум [47]. Очаги волнений возникли в Пишдере, Акре и в других пунктах Южного Курдистана. Атакам курдских повстанцев подверглась Рания, где активно действовала турецкая агентура. Здесь для усмирения курдов впервые широко применялась английская авиация. Шейхи Барзанджи вели, по словам Эдмондса, «интенсивную войну нервов под фасадом курдского национализма»; они требовали возвращения из ссылки шейха Махмуда [48].

В конце 1921 г. на востоке ливы Эрбиль восстало племя сурчи, уже давно причинявшее беспокойство английским военным властям. Бои, происходившие в окрестностях Равандуза, приняли ожесточенный характер. Восстание было подавлено англичанами с большим трудом и только после интенсивного применения авиабомбежек, имевших, по выражению влиятельного рупора колониальных кругов Великобритании журнала «Нир Ист» [49], значительный «моральный эффект» [50]. Особое беспокойство внушала англичанам связь курдских повстанцев Равандуза с турецкой агентурой [51].

Курдские восстания на севере и северо-востоке Ирака продолжались и в течение первой половины 1922 г. Особенно сильные бои присходили в окрестностях Халабджи (в январе 1922 г.) и Чемчемаля (в мае 1922 г.), где выступило могущественное племя хамавенд [52].

Короче говоря, англичане ни в коей мере не чувствовали себя хозяевами положения в Южном Курдистане. Более того, их трудности из месяца в месяц возрастали. Они испытывали острую нехватку наземных сил и финансов для проведения карательных экспедиций против непокорных курдов. Одной авиации при всей ее эффективности было недостаточно для полной победы над курдами. Военные и политические успехи кемалистов в 1921 — начале 1922 г. позволили им усилить свое вмешательство в Южном Курдистане, что еще больше осложняло ситуацию. Турецкие агенты (самочинно назначенный турками каймакам Равандуза Рамзи-бей, полковник Али Шефик-бей, известный под кличкой Оздемир, и др.) вели среди курдских племен Северного Ирака широкую протурецкую и панисламистскую агитацию, снабжали их оружием, боеприпасами и деньгами, призывали к всеобщему восстанию против английского господства [53].

В силу сложившихся обстоятельств английские колониальные власти в Ираке пришли к выводу, что для подавления курдских выступлений одной военной силы недостаточно; необходимо ее подкрепить политическими маневрами. Среди них были традиционные, такие, как натравливание одних племен на другие, использование межплеменной розни. Например, англичанам удалось привлечь на свою сторону вождя племен Пишдера Бабакр-агу, поссорив его с его соплеменником Аббас-агой, сторонником шейха Махмуда. Бабакр-ага сотрудничал с Оздемиром и другими турецкими агентами и вообще, по словам Эдмондса, был столпом английского влияния в Южном Курдистане; выступления против него расценивались как выступления против багдадского правительства [54].

Но Бабакр-ага и ему подобные были мелкой сошкой. Не они делали погоду в Южном Курдистане. К лету 1922 г., когда весь этот регион бурлил и британское влияние в нем упало до чрезвычайно низкой точки, перед мандатными властями встал вопрос о привлечении на свою сторону таких крупных деятелей, как шейх Махмуд и сейид Таха.

Необходимость возвращения шейха Махмуда из ссылки в Индии мотивировалась стремлением «заполнить вакуум» [55]. Англичане рассчитывали приручить этого влиятельнейшего и популярного во всем Курдистане деятеля, дабы сбить накал всенародного возмущения в курдских ливах. Это было необходимо сделать и в целях укрепления британского влияния на иракскую правящую верхушку, которую как раз в это время принуждали пойти на заключение кабального договора с Англией (подписал 10 октября 1922 г.). Шейх Махмуд был переведен сначала в Кувейт, а в середине сентября 1922 г. уже прибыл в Багдад. 30 сентября 1922 г. он с триумфом въехал в Сулейманию, сопровождаемый майором Ноэлем.

Шейх Махмуд до времени не раскрывал своих карт, создавая у англичан иллюзию, что будет следовать их приказаниям, но, утвердившись в родной Сулеймании, повел себя вполне самостоятельно. В начале октября он провозгласил себя хукумдаром Курдистана, причем держался как независимый правитель и обращался с Ноэлем скорее как с иностранным посланником, чем как с представителем верховного комиссара. В ноябре он провозгласил себя королем (маликом) Курдистана со столицей в Сулеймании. Было образовано правительство курдского государства во главе с братом шейха Махмуда шейхом Кадиром (он же стал главнокомандующим).

Это событие нельзя ни переоценивать, ни недооценивать. Конечно, ни о каком реальном курдском государстве не могло быть и речи. Географически власть Махмуда Барзанджи распространялась только на Сулейманийскую ливу, т. е. только на часть, к тому же не самую крупную, Южного Курдистана. В социально-политическом отношении «королевство» шейха Махмуда не выходило за рамки традиционного курдского феодального княжества с авторитарной властью правителя. В правительстве были представлены феодально-племенная знать, клерикалы и выходцы из купеческой среды. Лишь некоторых из них условно можно было назвать интеллигентами, поскольку они были причастны к художественному творчеству и нарождавшейся курдской национальной журналистике. Никакой цельной и реальной экономической основы «королевство» не имело. Отсутствовало и что-либо похожее на регулярную армию: во-

оруженные силы шейха Махмуда по-прежнему состояли из племенных ополчений. Кое-что было сделано лишь по созданию внешних атрибутов независимости (выпуск денежных знаков, марок, организация сбора налогов, объявление курдского языка официальным, учреждение органов печати на курдском языке) [56]. Но всего этого было явно недостаточно для внутренней спайки и консолидации новообразованного государства. Да и времени ему было отпущено слишком мало — всего несколько месяцев. Наконец, полностью отсутствовали какой-либо международно-правовой статус «королевства» шейха Махмуда: оно никем не было признано.

И все же эфемерное государство шейха Махмуда сыграло свою роль, оставило заметный след в курдской истории. Отношение к нему в первую очередь определяется тем, что оно возникло именно в ходе антиимпериалистической борьбы народа Южного Курдистана. Иными словами, это было первое в истории антиимпериалистическое государственное (вернее, полугосударственное) образование на территории Курдистана, возникшее в обстановке послеоктябрьского подъема революционного и национально-освободительного движения, в эпоху начавшегося распада колониальной системы империализма. Прогрессивное значение события несомненно. Эту оценку не могут изменить ни преобладание феодально-клерикальных сил в социальном базисе и политическом руководстве «королевства», ни его малые размеры, ни его военная и политическая слабость и недолговечность.

Общеизвестно, что современникам всегда труднее дать объективную оценку тому или иному историческому событию, чем историкам — на дистанции времени. Английские колониальные деятели на Ближнем Востоке недооценили шейха Махмуда Барзанджи. Они мыслили по шаблону и обращались с ним как с традиционным племенным вождем, которого можно казнить или миловать, в зависимости от сиюминутной потребы британской политики. Возвращая его в Ирак и водворяя в Сулеймании, они, в частности, рассчитывали превратить его в орудие борьбы против растущего турецкого влияния в Северном Ираке. Это было тем более актуально, что коренным образом изменившаяся политическая обстановка на Ближнем Востоке потребовала безотлагательной замены несостоятельного Севрского договора новым мирным соглашением с Турцией. Кемалисты же на гребне своей победы над интервентами собирались предъявить Антанте серьезные контрпретензии по многим политическим и территориальным вопросам, в том числе и касавшимся бывшего Мосульского вилайета, и с этой целью усиливали свою агентурно-политическую деятельность среди тамошних курдских племен.

Эти планы, однако, оказались несостоятельными. Шейх Махмуд мыслил не племенными, а национальными категориями и вовсе не собирался играть роль пешки в английской игре. У него были собственные цели и своя тактика в предстоящей борьбе.

Наибольшую угрозу для народа Южного Курдистана в ту пору представляли английские колонизаторы и их багдадские подручные. Против них он не прочь был воспользоваться и турецкой помощью, тем более что турки не располагали для операций в Северном и Северо-Восточном Ираке сколько-нибудь значительными военными контингентами, полагаясь больше на организацию своей агентурой антианглийских выступлений курдских племен.

Англичане, однако, на первых порах не теряли надежды использовать шейха Махмуда в своих интересах. Когда же обнаружился независимый и патриотический образ действия курдистанского малика, они прибегли к излюбленной тактике раскола и разжигания межплеменной вражды. Впоследствии политический офицер в Киркуке и автор лучшей английской книги о ситуации в Иракском Курдистане в те годы Эдмондс напишет: «Конфликт с шейхом Махмудом расколол Южный Курдистан сверху донизу» [57]. Он мог бы добавить, что этот раскол в значительной мере организовали сами англичане. Правда, для этого существовала объективная почва, заключавшаяся в нежелании феодально-племенной и купеческой верхушки Эрбиля, Киркука и других центров Иракского Курдистана подчиняться властной руке правителя сравнительно отсталой Сулеймании. Широко используя традиционный курдский партикуляризм, англичане в борьбе против широковещательных политических амбиций шейха Махмуда прибегли и к политическим маневрам общеиракского масштаба. 22 декабря 1922 г. Эдмондс от имени британского правительства выступил со следующим заявлением курдским вождям, врученным, кстати, первому из них шейху Абдул Кериму, злейшему врагу шейха Махмуда: британское правительство и правительство Ирака «признают право курдов, живущих в пределах иракских границ, на создание курдского правительства в этих границах. Они надеются, что как только различные курдские элементы как можно скорее придут между собой к соглашению относительно форм, которые должно принять это правительство, и относительно границ, в пределах которых оно будет действовать, они пришлют в Багдад своих ответственных представителей для обсуждения своих экономических и политических отношений с британским и иракским правительствами» [58].

Эта декларация не содержала никаких конкретных обязательств британских хозяев Ирака относительно предоставления курдам подлинного самоуправления, хотя бы и в рамках автономии. Заведомо нереальное условие касательно соглашения между «различными курдскими элементами» сводило на нет не только результаты предполагаемых переговоров между курдами и англо-иракскими властями, но и возможность создания самого «курдского правительства». Действительной же целью декларации было оказать политическую помощь врагам шейха Махмуда в Иракском Курдистане и тем самым расширить и углу-

бить раскол в курдском лагере. И этой цели англичане достигли.

Отношения между правительством шейха Махмуда и английскими властями в Ираке особенно быстро стали портиться после того, как британские власти сорвали намечавшиеся в Киркуке переговоры с курдской делегацией, возглавлявшейся шейхом Кадиром, об установлении автономии курдов Ирака, ссылаясь на неурегулированность мосульской проблемы [59]. Махмуд, со своей стороны, укреплял контакты с турецкой агентурой в Северном Ираке и ее главой — Оздемиром. Правда, правитель Сулеймании вовсе не собирался поступаться в пользу турок курдскими национальными интересами и тем более содействовать восстановлению турецкого господства в Южном Курдистане. Его сближение с турками преследовало исключительно тактические цели, было продиктовано расчетом произвести давление на англичан, вынудить их к уступкам. Заметим, кстати, что аналогичным был и турецкий подход к движению шейха Махмуда, хотя цели турок были, разумеется, прямо противоположными: не независимость Южного Курдистана, а его присоединение к Турции. Как замечает Эдмондс, Оздемир «искусно уклонился» от дачи курдам каких-либо гарантий защиты их прав [60]. Но каковы бы ни были цели сторон, оживленные связи между «курдистанским королем» и турецкой агентурой в Северном Ираке только подлили масла в огонь растущей враждебности между Сулейманией и Багдадом. «При таких обстоятельствах,— писал Эдмондс,— вряд ли можно было ожидать прогресса в решении курдской проблемы» [61]. Провалились попытки наладить прямые переговоры между ним и шейхом Махмудом, потому что представители последнего, по словам Эдмондса, прибывали к нему с «экстравагантными» инструкциями [62]. По сведениям английских властей, шейх Махмуд готовил в Киркукской ливе большое восстание и поднял в Рании свой флаг. Дело быстро шло к окончательному разрыву между сулейманийским правителем и британскими властями в Ираке.

Между тем усиливалось турецкое вмешательство, что особенно беспокоило англичан. Вторжения турецких регулярных и иррегулярных курдских отрядов, руководимых турецкими офицерами, в Северный Ирак участились. Особенно активно они орудовали в районах Равандуза и Рании, нанося существенный урон англо-индийским войскам. Вместе с курдами подчас выступали и ассирийские отряды, несмотря на все старания англичан поссорить курдов с ассирийцами. Интенсивные налеты «королевских воздушных сил» не приносили ожидаемых результатов. Они наносили существенный ущерб курдским селениям (особенно Равандузу, Рании) и стадам, но не могли сломить дух сопротивления курдского населения английским колонизаторам [63].

К началу 1923 г. северо-восточная часть Иракского Курдистана (в том числе важнейший стратегический пункт Равандуз) была фактически оккупирована турецко-курдскими отрядами.

Развернувшаяся в этом районе диверсионно-подрывная деятельность, направленная против английского присутствия, поддерживалась и планировалась вали Диарбекира Ихсан-пашой, который, подавляя курдское движение в Юго-Восточной Анатолии, не прочь был канализировать его на юг, в пределы Ирака, дабы нанести военный и политический ущерб главному противнику кемалистской Турции в то время — Англии [64].

Исключительно на экспорт предназначался не только курдский национализм, но и панисламистские идеи. Кемалисты, например, распространяли в Северном Ираке памфлет под названием «Манифест исламского союза», направленный против короля Фейсала. Его власть объявлялась незаконной, несовместимой с принципами халифата, и имя его возбранялось упоминать в хутбе [65]. Турецкий «командующий фронтом Джазиры», призывал курдов к «священной войне», к единению с «оттоманским правительством», к борьбе против Англии и Фейсала. Оздемир присвоил себе титул «командующего национальным восстанием». В ходу были распространявшиеся турецкими эмиссарами воззвания на бланках «командующим исламской нацией в Ираке и Курдистане». С ведома Мустафы Кемаля и его приближенных поощрялись связи протурецких элементов в Иракском Курдистане с их единомышленниками в Иранском Курдистане. На иранскую территорию (в Везне, южнее оз. Урмия) был послан «делегат Курдистана» с 50 турецкими солдатами» [66].

Конечно, вся эта громкая титулатура («фронты», «командующие») была фикцией, рассчитанной на пропагандистский эффект. Но для англичан перспектива турецко-курдского союза даже в масштабе одного Ирака была достаточно неприятной. К тому же престиж правительства Махмуда Барзанджи быстро рос и начал приобретать общекурдистанское значение. В августе 1922 г. в Багдад прибыл Шериф-паша с намерением наладить сотрудничество с шейхом Махмудом и заодно принять заведование его иностранными делами [67]. Но, видимо, дело не пошло дальше предварительного зондажа.

Сближение шейха Махмуда с турками, хотя бы и в тактических целях, убедило англичан, что их ставка на приручение сулейманийского властителя бита. Однако британские администраторы в Ираке были достаточно искушены в колониальной практике, чтобы не подготовить загодя запасные варианты, не подумать о создании себе опоры в Южном Курдистане в лице других влиятельных курдских вождей. Первый из них был, конечно, сейид Таха.

Связи британской администрации с этим влиятельным курдским феодалом, как было показано выше, имели свою историю. Они особенно оживились после подавления первого восстания шейха Махмуда в 1919 г. Тогда сейид Таха приезжал в Багдад и торжественно поклялся на Коране в главной мечети иракской столицы в верности Англии. Члены его семьи там и остались в качестве заложников. Сам же сейид Таха получил от англий-

ского правительства пенсию в 1 тыс. рупий и монопольное право взимать с подвластных ему курдских районов соляной налог [68]. В послесеврский период англичане старались поддерживать тесные отношения с сейидом Таха.

В день подписания Севрского договора Арнольд Вильсон инструктировал британского политического офицера в Эрбиле, как ему следует обращаться с Тахой: упор следовало делать на разъяснении в соответствующем духе «курдских» статей договора [69]. Неизвестно, в каких именно выражениях разъясняли шемдинанскому вождю статьи Севрского договора, зато переговоры с сейидом Таха пролили свет на некоторые важные моменты в англо-курдских взаимоотношениях в послесеврский период.

В беседах с британским политическим офицером сейид Таха продемонстрировал решимость в первую очередь отстаивать свои, а отнюдь не британские интересы. А его политические установки, с одной стороны, укладывались в рамки представлений, типичных для традиционного курдского феодального вождя, политического перевертыша, каким он себя показал во время мировой войны. С другой стороны, в его действиях усматривается влияние освободительных идей эпохи и устремлений курдского национализма. В этом причудливом переплетении реакционных и прогрессивных установок и заключается вся сложность подхода к оценке деятельности таких курдских лидеров, как сейид Таха или Измаил-ага Симко.

Сейид Таха, ссылаясь на переписку курдского командира из Баязида Джавид-бея с Симко, осведомил английского собеседника о продвижении большевиков к турецко-иранской границе и о намерении их использовать армян, чтобы вместе с турками выгнать англичан из Ирана и Месопотамии. Он спросил англичанина, где будет проходить линия обороны против большевиков. По его мнению, Иран в этом качестве бесполезен, и «барьер» между англичанами и большевиками должен проходить в Курдистане. Он упрекал англичан в недоверии к курдам («Русские ошибаются, доверяя всем, а мы ошибаемся, не доверяя никому»,— передает англичанин слова Таха) [70].

Думается, что тактика курдского вождя ясна. Конечно, большевиков он не любил и их соседства опасался. Но гораздо важнее для него было использовать жупел большевистской «угрозы» для оказания давления на англичан, дабы те усилили политическую поддержку курдского движения и лично его как хозяина важнейшего в стратегическом отношении района Курдистана, где сходились границы Турции, Ирака и Ирана. А. Вильсон сразу раскусил шантажистское намерение курдского вождя, ибо в реальность большевистского нашествия на Иран и Ирак он, конечно, не верил. Он писал политическому офицеру в Эрбиле, что информацию Джавид-бея считает блефом; сейида Таха не следует осведомлять о намерениях Англии в Северном Курдистане, и вообще он не должен рассчитывать на активную поддержку с ее стороны [71].

В последующих беседах с британскими политическими офицерами в Эрбиле и Мосуле сейид Таха раскрыл свои карты: совет курдистанских вождей во главе с Симко решил создать на турецко-иранской границе курдское государство при британской поддержке. Это стало необходимым в связи с советизацией Азербайджана и дружбой большевиков с Кемалем, что позволяло туркам возвратить свои прежние территории, если Курдистан не станет барьером между Турцией и Месопотамией.

Таха особенно нажимал на «турецкую опасность». По его словам, турецкое правление в некоторых районах Курдистана сохраняло свой престиж. Турки, утверждал он, хотят «подрезать в корне курдский национализм» и добьются своего, если англичане не поддержат курдов; идея же создания курдского государства встречает положительный отклик у многих племен Юго-Восточной Анатолии. Британский политический офицер в Мосуле майор Хэй выслушал эту информацию сдержанно, но благожелательно, указав, что идея курдской независимости отражена в мирном договоре, но процесс ее достижения будет медленным из-за раздоров между племенами. Он охотно поддержал тезис о большевистской угрозе, особенно из-за сотрудничества большевиков с турками [72].

На новой встрече с политическим офицером в Эрбиле сейид Таха утверждал, что племена не только турецко-иранской границы, но и Шемдинана, Тергевера и Урмии (шеккак, хакярийской группы, харки, хайдеран, бекзаде и др.) выступают за создание на федеративных началах курдского государства при помощи и под покровительством Англии, которое, разумеется, должно стать борьером против турок и большевиков. Он просил прислать офицера для связи и оказать помощь оружием и снаряжением. Сейид Таха обратил внимание на трудности реализации положений Севрского договора в Северном (Турецком) Курдистане. Хотя тамошние племена и готовы при финансовой поддержке Англии объединиться в независимое государство, успешной работе предусмотренной Севром комиссии должно предшествовать объединение вечно враждовавших друг с другом вождей в конфедерацию, но до этого еще далеко. Таха вновь запугивал собеседника большевистской угрозой. В распоряжении большевиков, фантазировал Таха, большие силы на Кавказе плюс Энвер-паша с армией из 40 тыс. турецких военнопленных. Эти силы образуют Красную и Зеленую армии, готовые напасть на Месопотамию и Индию, чему должен помешать курдский барьер и пр.

На англичанина эти доводы не произвели впечатления. Он назвал сейида Таха искренним идеалистом, преувеличивавшим большевистскую угрозу, имея при этом, однако, вполне материальный интерес — стать главой курдской конфедерации при моральной и финансовой поддержке Англии. По мнению резидента в Эрбиле, Таха и поддерживавшие его курдские вожди стремились присоединить к курдскому государству и территорию Восточного (Иранского) Курдистана [73].

Из всех этих пространных бесед можно заключить, что у сейида Таха созрел план воспользоваться послесеврской ситуацией для попытки создания под фактическим протекторатом Англии и под своей эгидой большого объединенного курдского государства, ядром которого на первых порах должны были стать территории Южного и Центрального Курдистана, где он и его союзники пользовались преобладающим влиянием. Однако ясно и другое. Англичане не слишком высоко ставили этого нового претендента на курдскую корону, не верили в его политическое влияние и в его способность объединить вокруг себя большинство влиятельных курдских вождей. Попытка же сейида Таха сыграть на антисоветских настроениях английских правящих кругов не имела никакого успеха, ибо была шита белыми нитками. Слишком очевиден был его личный интерес: сделать себя незаменимым в глазах Англии.

Правда, частично предостережения курдского шейха насчет «большевистской угрозы» все же были услышаны. Этому способствовали победы Красной Армии и успехи советской власти в Закавказье, особенно советизация Армении в ноябре 1920 г. Тревожило Лондон и растущее сближение кемалистской Турции с Советской Россией. Министр по делам Индии допускал в связи с этими новыми обстоятельствами возможность турецкого нападения на Месопотамию, что, по его мнению, увеличивало ценность создания предложенной сейидом Таха курдской конфедерации. Репатриация на север Ирака ассирийцев, которых англичане планировали использовать в охранительных целях, могла служить гарантией соблюдения британских интересов в Курдистане [74]. П. Кокс согласился вступить с Таха и другими курдскими вождями в переговоры об оказании им британской помощи и отправить для связи с ними майора Ноэля [75]. Однако дальше этого британские власти не пошли, и надежды сейида Таха на британскую помощь в создании курдского государства на федеративных или конфедеративных началах повисли в воздухе.

На время отношения между Таха и британскими властями в Ираке были заморожены, предпочтение отдавалось шейху Махмуду. Когда же последний не оправдал доверия, вновь вспомнили об активном шемдинанском вожде. Его хотели использовать, чтобы прервать связи между Сулейманией и турками и вытеснить последних из Северо-Восточного Ирака. Сторонниками переориентации на сейида Таха были Ноэль и Эдмондс. Ноэлю было поручено установить связь с Таха, находившимся летом 1922 г. в районе Урмии. В октябре он был уже в районе Эрбиля и потребовал от англичан передачи ему в управление Равандуза, Акры и Амадии. Англичане этого не в состоянии были сделать, ибо указанные пункты надо было еще отвоевать, но оказали Таха некоторую помощь, в результате которой удалось заставить турок уйти из Рании, отданной потом Бабакру Али [76].

В это время на бурной политической сцене Южного Курдистана появилось еще одно действующее лицо — Измаил-ага

Симко. Он переживал плохие времена. Ведя одновременно борьбу против персов и турок, он потерпел поражение от тех и других и бежал в Ирак. Здесь он попал в поле зрения британской администрации, которая решила его использовать наряду с сейидом Таха и шейхом Махмудом как противовес усилившемуся турецкому влиянию. Был расчет и противопоставить Симко державным амбициям шейха Махмуда, мечтавшего играть первую роль в Курдистане, а может быть, и импульсивному сейиду Таха. Таким образом, в этом треугольнике — Махмуд, Таха, Симко — каждой из сторон была предназначена своя роль, призванная содействовать, разумеется, не курдскому делу, а укреплению британских колониальных позиций в Ираке вообще и в Иракском Курдистане в частности.

В начале января 1923 г. в Сулейманию с триумфом прибыл Симко. Ему были оказаны поистине королевские почести, он принял парад войск. Местные газеты величали его «отважным защитником Курдистана, его превосходительством Измаилом-ага Симко». Англичане поначалу благожелательно относились к этим эскападам, надеясь, что, питая личную ненависть к туркам (они незадолго до этого убили его жену и взяли в плен сына), он побудил и шейха Махмуда занять антитурецкую позицию. Этого, однако, не произошло. Сумасбродный феодальный властитель, всегда отличавшийся политической беспринципностью, он тем не менее упорно стоял за курдские национальные интересы (в своем, конечно, понимании). Симко не захотел подыгрывать англичанам, а, напротив, помогал шейху Махмуду наладить сотрудничество с турками, ибо, как и сулейманийский властитель, не в них, а в английских колонизаторах видел главную угрозу порабощения Южного и Восточного Курдистана. Рухнула надежда англичан создать в лице Симко, равно как и сейида Таха, противовес «королю Курдистана», популярность которого росла [77].

Между тем шейх Махмуд проявлял все больше самостоятельности и решительности. Аффектация его дружбы с Симко вряд ли произвела отрадное впечатление на британские власти. Союз двух влиятельнейших лидеров курдского освободительного движения в их глазах был опасным предзнаменованием. Сношения с турками (Оздемиром и др.) продолжались. А тут еще новый поступок «короля Курдистана», совершенно непростительный с точки зрения Лондона,— обращение к Советскому правительству с просьбой о поддержке. Оно было выражено в письме от 20 января 1923 г., полученном советским консульством в Тебризе. В этом послании разоблачались происки англичан, высоко оценивался освободительный характер русской революции 1917 г., говорилось о дружественных чувствах, которые питает народ Южного Курдистана к Советскому государству. Махмуд выразил заинтересованность в помощи оружием и боеприпасами и в установлении дипломатических отношений «между нашими двумя сторонами». «Весь курдский народ,— писал шейх

Махмуд,— считает русских освободителями Востока и поэтому готов связать свою судьбу с их судьбой»[78].

По понятным причинам почин шейха Махмуда не имел последствий. В то время отсутствовали какие-либо предпосылки для установления конкретных связей между Советской Россией и правительством шейха Махмуда, безвластным на большей части Южного Курдистана и висевшим на волоске. Неизвестно даже, получено ли было это послание в Москве и кто вообще его читал (но англичане вполне могли о нем прознать). Важно другое. Это послание говорит о необычно высоком для представителя феодально-клерикальной элиты курдского общества уровне политической культуры и сознательности, который вполне соответствовал «текущему моменту», т. е. послеоктябрьскому этапу курдского освободительного движения. Несомненно, шейх Махмуд как деятель курдской истории в исследуемую эпоху был наголову выше сейида Таха и многих других курдских вождей, для которых «большевизм» был только пугалом (или на самом деле, или пригодным для нажима на англичан и других их политических противников).

Во всяком случае, к середине февраля 1923 г. англичане решили порвать с шейхом Махмудом, убедившись в его явной неблагонадежности. Он был вызван в Багдад, а после отказа его прибыть туда, 24 февраля, было выпущено заявление английских властей о непризнании государства шейха Махмуда, якобы нарушившего условия, по которым он был допущен в Сулеймания. Это был полный разрыв.

Против Сулеймании были развернуты враждебные действия. Им предшествовала изоляция Симко, которому предложили вернуться в Иран в обмен на ходатайство перед Тегераном и его прощении[79]. В начале марта 1923 г. начались авиабомбежки Сулеймании и были арестованы многие влиятельные вожди, поддерживавшие шейха Махмуда; некоторые из них бежали в Турцию. Были сформированы два карательных отряда: один наступал от Мосула на Эрбиль, другой — от Эрбиля к Равандузу. 4 марта Махмуд вынужден был покинуть Сулеймания и уйти в горы. Его попытки наступать на Сулеймания были сорваны английскими ВВС. Призыв шейха Махмуда к джихаду не получил широкого отклика. Напротив, англичанам удалось натравить на Махмуда некоторых предводителей племен (в том числе Ризабея и Абдуррахман-пашу, которых Эдмондс называл «мои старые друзья»). 22 апреля 1923 г. англичане овладели Равандузом[80].

Это была важная победа стратегического значения, ознаменовавшая перелом в борьбе англичан с курдскими повстанцами и турецкой агентурой за Иракский Курдистан. Отныне англичане контролировали основные коммуникации, ведущие к турецкой границе, и могли выставить заслоны против проникновения турецких войск. В начале мая 1923 г. британские войска выступили на Сулеймания; им помогали некоторые курдские племена. 28 мая они вошли в город. На следующий день туда прибыл премьер-министр Ирака Абд аль-Мухсин ас-Саадун в сопровождении британских советников, а вскоре — и новый верховный комиссар Англии в Ираке сэр Генри Доббс[81].

Обсуждалась общая ситуация в курдских районах Ирака и вопросы дальнейшего управления ими. Задача была не из легких. Англичан не устраивал режим военной оккупации и по финансовым соображениям, и по внешнеполитическим. Они предпочитали переложить тяжелое бремя расходов по усмирению курдов на подвластное им иракское правительство. Но они не хотели и устанавливать режим прямого правления своих багдадских марионеток в Южном Курдистане, чего последние добивались. Это лишало англичан выгод, которые давала излюбленная и многократно испытанная политика косвенного контроля над покоренными Британской империей народами и странами, в данном случае — возможность играть на арабо-курдской розни.

Введение в бывшем Мосульском вилайете «арабского режима» было неприемлемо еще и потому, что осложняло позицию британской стороны на происходивших в то время в Лозанне (Швейцария) переговорах о заключении мирного договора с Турцией взамен Севрского. Было легче парировать турецкие притязания на Мосул, имея «под рукой» какое-то подобие курдской национальной власти, нежели арабской. Ведь права Багдада на владение курдскими землями, в сущности, были не менее спорны с исторической точки зрения, чем права Стамбула или Анкары. Поэтому, хотя Доббс и выступал против установления в Сулеймании какого-либо автономного режима, он считал, что все же лучше договориться с шейхом Махмудом[82].

Таким образом, в «курдской» политике британских колониальных властей в Ираке по-прежнему отсутствовала твердая линия, можно сказать, пробовались варианты. Военная оккупация Сулеймании оказалась непродолжительной — до 17 июня 1923 г. Город заняли союзники шейха Махмуда хамавенды, а вскоре там появился и он сам. Однако англичане сразу же постарались локализовать сферу его влияния одним округом Сулеймании. Под угрозой репрессий верховный комиссар запретил ему распространять свою власть на Ранию, Халабджу, Чемчемаль и другие районы, расположенные в восточной части Иракского Курдистана[83]. Там и в других стратегических пунктах Северо-Восточного Ирака англичане сажали на административные посты своих сторонников из курдской племенной верхушки, отдавая, естественно, предпочтение традиционным врагам и соперникам шейха Махмуда. Так, каймакамом в Равандузе был назначен сейид Таха, претендовавший на единоличное лидерство в Южном Курдистане. Ему был придан воинский контингент из ассирийских леви, с помощью которых он быстро ликвидировал турецкую агентуру во всей округе[84].

В июле 1923 г. в Киркук прибыл премьер-министр Ас-Саадун, а вскоре и сам верховный комиссар Генри Доббс. Они

предложили курдской верхушке выработанный Эдмондсом план управления курдскими районами с некоторыми уточнениями, учитывающими «курдские национальные чувства». Все это были косметические мероприятия, ничуть не колебавшие фактический контроль Англии над Иракским Курдистаном: британские войска оставались во всех стратегически важных пунктах, а местная курдская администрация вводилась только «со временем», когда будет наведен порядок. Главной целью англичан на данном этапе было установление «санитарного кордона» вокруг контролируемого шейхом Махмудом округа Сулеймании [85].

Прибегая к политике «кнута» по отношению к активным противникам установления колониальных порядков в Иракском Курдистане, англичане по обстоятельствам демонстрировали и политику «пряника». Так, при подготовке выборов в Учредительное собрание Иракского королевства, призванное одобрить конституцию и следить за выполнением англо-иракского договора 1922 г., по распоряжению британских властей иракское правительство обнародовало специальную декларацию, в которой заявлялось, что правительство не будет назначать в курдские районы арабских чиновников, за исключением технических служащих, что жителей этих районов не будут принуждать использовать в официальных сношениях арабский язык и что их религиозные и гражданские права будут строго соблюдаться [86].

Однако эти пропагандистские приемы не возымели успеха. Курдские националисты в самом Ираке и вне его не верили Англии. Отношения между шейхом Махмудом и британскими властями вновь обострились, и вскоре (в августе 1923 г.) английская авиация возобновила террористические бомбежки Сулеймании. Политика «санитарного кордона» стала проводиться интенсивнее. Но и враждебные шейху Махмуду вожди признавали его моральный и политический авторитет и призывали англичан договориться с ним. Один из них, Абдул-Керим, убеждал Эдмондса, что следует поддержать шейха Махмуда «как бастион для консолидации наших позиций» [87].

Словом, британские колонизаторы в период между Севром и Лозанной, когда сперва на полях сражений, а потом и на дипломатическом поприще окончательно решался «турецкий вопрос», так и не смогли добиться удовлетворительного решения проблем Южного (Иракского) Курдистана, где правитель Сулеймании шейх Махмуд высоко держал знамя сопротивления. Не оправдалась ставка на голую силу, хотя бы и с применением новейших по тому времени военно-технических средств. «Таймс» еще 18 июля 1921 г. саркастически писала: «Черчилль заявил нам о фантастическом плане „управления Курдистаном". Но еще никто в истории не мог справиться с курдами. Недавно наши аэропланы налетели на курдские селения и подвергли их в течение трех дней ожесточенной бомбардировке. Это ли называется управлять Курдистаном?» [88]. Как мы видели, прогноз оказался верным, «королевские воздушные силы» не подавили

у иракских курдов волю к сопротивлению. Не смогли этого сделать и различные политические маневры с участием багдадских марионеточных властей.

В целом иракские курды, прежде уповавшие на британскую помощь в борьбе за свои национальные чаяния, спустя уже несколько лет после перемирия повернулись спиной к Англии. Английский разведчик Раулинсон, хорошо осведомленный о ситуации не только в Южном, но и в Восточном (Иранском) Курдистане, со знанием дела писал об утрате того «небольшого доверия», которые поначалу питали курды по отношению к «справедливости и компетенции западных держав» [89]. Рухнули надежды англичан на то, что курды, извечно враждовавшие с арабами, предпочтут прямое управление от имени британского верховного комиссара подчинению багдадскому правительству, что поможет Лондону укрепить свое влияние в Южном Курдистане и во всем Ираке [90]. Советский востоковед В. П. Осетров (Ирандуст), указывая на провал попыток Англии использовать курдов Ирака в своих интересах, сделал такой несомненный вывод: «Однако результаты пагубного „курдского увлечения" английских дипломатов налицо. Курдское движение действительно существует, но оно направлено против самих англичан» [91].

Здесь в первую очередь имелось в виду движение иракских курдов. Но и в Иранском Курдистане события в послесеврский период разворачивались в весьма неблагоприятном для Англии направлении.

Курдские движения в Иране

Вообще говоря, курдское национальное движение в первые послевоенные годы трудно изучать по политико-географическим сегментам. Оно развивалось более или менее синхронно во всем Курдистане, было взаимосвязано и в организационном отношении. Иными словами, оно носило не только страновой, но и региональный характер. Эта особенность была присуща всему освободительному, антиимпериалистическому движению на Ближнем Востоке, что, кстати говоря, понимали те, против кого оно было направлено. Вот что писал, например, в своем меморандуме один из руководящих чиновников «Форин офис» Дж. П. Черчилль: «Персидские советы, без сомнения, соединятся с кемалистскими силами, так же как и с курдскими племенами Западной Персии, с целью причинения наибольшей угрозы нашим позициям в Месопотамии» [92]. Движения, развернувшиеся в Иранском Курдистане в исследуемый период, как правило, перехлестывали турецкую и в особенности иранскую границы (и наоборот), а такой общепризнанный лидер иранских курдов, как Измаил-ага Симко, был фигурой общекурдистанского масштаба; соперничавший с ним в популярности сейид Таха часто действовал на территории Ирана.

Послевоенный Иран находился в состоянии глубокого политического кризиса, вызванного переплетением острейших социально-политических противоречий, развивавшихся на фоне фактического и формального порабощения страны британским империализмом. Среди этих противоречий этнические противоречия стояли безусловно на переднем плане, а в их числе курдский вопрос был самым болезненным. Хотя его обострению способствовали и события в курдских провинциях соседних Турции и Ирака, побудительным толчком для движения иранских курдов всегда служили внутриполитические сдвиги.

Поэтому не случайно новый подъем курдского движения в Иране наступил после переворота 21 февраля 1921 г. (3 хута 1299 г. по традиционному иранскому календарю), приведшего к существенным, хотя и противоречивым, сдвигам во внутриполитическом строе и внешнеполитической ориентации Ирана. Какова бы ни была оценка движущих сил и социально-политических последствий этого переворота (по этому вопросу в нашей иранистике велась дискуссия), к власти пришли круги во главе с военным министром Реза-ханом, выступавшие за независимый и централизованный Иран. Их политика объективно была направлена на упрочение национального суверенитета Ирана, на создание условий для развития капиталистических отношений в стране. Это неминуемо приводило Иран к противоборству с Англией и к осознанию необходимости установления нормальных добрососедских отношений с Советской Россией. В один и тот же день, 26 февраля 1921 г., было денонсировано Ираном англо-иранское соглашение 1919 г. и подписан в Москве равноправный договор с РСФСР. Вскоре английские войска покинули территорию Ирана (за исключением некоторых южноиранских портов). К лету того же года советские войска и флот покинули прикаспийские районы Ирана, где шла к концу так называемая Гилянская революция.

Эти события имели далеко не однозначный исторический смысл. В международном аспекте они вполне вписывались в процесс послеоктябрьского кризиса колониальной системы, особенно ярко и наглядно проявившийся на Ближнем Востоке. Однако в каждой из стран региона борьба против колониализма и империализма имела свою специфику, порожденную внутренними условиями.

В Иране крайняя отсталость экономического развития и социальной организации общества сочеталась с развитыми классовыми, демократическими и национальными (этнополитическими) движениями, активизации которых способствовала давняя связь с революционными движениями в соседней России, но которые из-за своей внутренней слабости и раздробленности не могли объединиться и добиться решающих успехов. Поэтому борьбу против колониализма, против британской агрессии, за национальный суверенитет, за подъем экономики, культуры и т. п. вели в общем консервативные слои иранского общества, состоявшие из полуфеодальных помещиков, верхушки купечества и формировавшейся буржуазии, немногочисленной интеллигенции и сановников, получивших образование и политическую стажировку главным образом за границей (в России, Англии, Франции, Германии), наконец,— из армейской верхушки, также воспитанной иностранными инструкторами.

Последняя в обстановке всеобщего политического хаоса в конечном счете и выдвинулась на первый план, а ее наиболее энергичный представитель полковник Реза-хан вскоре после переворота «3 хута» захватил реальную власть, а потом стал и абсолютным диктатором страны, основателем династии Пехлеви. Автономной, но в условиях Ирана могущественной силой было и шиитское духовенство, позиция которого существенным образом влияла на расстановку политических сил в стране.

Все эти элементы, выступая за возрождение иранского государства и борясь против проводимой Англией политики порабощения и расчленения страны, одновременно обрушивались на народно-демократические движения, подрывая тем самым собственный базис и оставляя почву для сохранения империалистического влияния в Иране. Поэтому реализация поставленных историей перед иранским обществом насущных задач встретила труднопреодолимые препятствия; они были выполнены лишь в небольшом объеме, и Иран так и остался страной отсталой и зависимой.

Все сказанное относится и к национальному вопросу (в условиях Ирана — этноплеменному) [93]—насущной проблеме иранского общества, особенно обострившейся, как и все другие проблемы, в кризисный период. Зыбкое равновесие в национально-государственной структуре Ирана, основанное на общности интересов каджарской верхушки и ханов племен, было нарушено, племена пришли в движение. Периферия иранского государства, где в основном были расселены племена-этносы, стала ареной острых столкновений различных противоборствующих политических сил как реакционного, так и прогрессивного направлений. Разумеется, ситуацией воспользовались и английские империалисты, раздувая в собственных интересах сепаратистские движения. Возникла реальная угроза территориальной целостности Ирана.

Наиболее опасное для Тегерана направление этноплеменной сепаратизм принял в Западном и Юго-Западном Иране. На Западе волновались курды, южнее и восточнее — родственные им луры и бахтиары, ближе к Персидскому заливу, в Хузестане,— арабские племена. Эти национальные движения были неравнозначны ни по своему размаху и опасности для иранского государства, ни по социально-политическому содержанию, ни по отношению к ним Англии.

Движения лурских, бахтиарских и арабских племен Юго-Западного Ирана имели больше локальное значение, но именно в них больше всего была заметна вовлеченность англичан. Они бы-

ли кровно заинтересованы в том, чтобы важное в стратегическом и экономическом отношении северо-восточное побережье Персидского залива, куда впадал Шатт-Эль-Араб и где находились единственные тогда на Ближнем Востоке эксплуатировавшиеся английским капиталом нефтяные поля, было окружено надежным хинтерландом. Не считаясь с затратами, англичане среди феодально-племенной верхушки этого района усиленно вербовали свою агентуру и немало в том преуспели, хотя, конечно, у поднявшихся на борьбу с Тегераном племен были и свои национальные цели, а у их предводителей — свои счеты с центральными властями.

Национальное движение иранских курдов существенно отличалось от движений луров, арабов и других этнических меньшинств страны. И не только по масштабам, но и по идеологическим и политическим установкам. Оно воодушевлялось идеями курдского национализма, хотя бы и выраженными еще в первоначальной, незрелой форме, и стремилось к территориально-политическому самоопределению курдского народа. Не менее важной была его органическая связь с движениями зарубежных курдов. Дополнительным стимулом для иранских курдов была легитимизация курдского вопроса в международном аспекте благодаря упоминанию о нем в Севрском договоре, хотя он и не касался Ирана. Сочетание этих факторов делало отпадение Иранского Курдистана реальной перспективой, что не могло не тревожить не только Тегеран, но и Лондон. Англичане иногда могли использовать те или иные выступления иранских курдов в своих интересах (главным образом для оказания нажима на Тегеран), но в целом относились к национальному движению в Иранском Курдистане в лучшем случае настороженно, а то и с откровенно враждебных позиций. В этом — существенное отличие политики Англии в Иранском Курдистане от ее действий в других национальных окраинах Ирана.

Движение под предводительством Симко набирало силу всю первую половину 1921 г. Курды без труда разбили посланные против них войска, после чего к Симко присоединились племена Соуджбулака (ныне Мехабад): мамаш, мангур, дебокри, пиран, зарза, говрик, фейзоллахбек, поштдар, бане и кадерхан. Повстанцы начали угрожать Миандоабу и Мераге. В октябре 1921 г. Симко основал свою штаб-кватиру в Соуджбулаке и подчинил себе афшаров. Иранские войска, которыми командовал начальник штаба армии генерал Аманолла Мирза Джахабани, после ряда поражений вынуждены были перейти к обороне и на несколько месяцев прекратить активные военные действия. Конец 1921 и всю первую половину 1922 г. правительство поддерживало относительный мир с Симко и пыталось прийти с ним к соглашению на базе обещания предоставить курдам какое-то подобие автономии [94].

Симко, однако, избегая прямых столкновений с правительственными войсками, расширял зону своего влияния на юг и на

север. Через сейида Таха он установил связи с британскими властями в Ираке, получая из Мосула и Киркука некоторую военную помощь (орудия, пулеметы, винтовки, деньги). Англичане охотно шли на это, видя в разжигании племенного сепаратизма, особенно на юге Ирана, эффективное средство давления на Тегеран, внешнеполитическая ориентация которого после переворота «3 хута» внушала им опасения. Они позаботились о том, чтобы луры и бахтиары поддержали восстание Симко. На юге страны английский агент начал издавать газету на курдском языке. Среди курдских племен Юго-Западного Ирана кельхор и сенджаби английская агентура развела интриги, побуждая их примкнуть к Симко.

Аналогичную политику вели англичане среди бахтиар и луров. С этой целью была организована проанглийская партия «Звезда Бахтиарии». Среди луров, по слухам, орудовал майор Ноэль. К маю 1922 г. восставшие заняли обширную территорию от иракской границы почти до Хамадана и Кума. Образовался как бы сплошной фронт из восставших курдов, луров и бахтиар; можно добавить и арабские племена Хузестана во главе с правителем Мохаммеры (современный Хорремшехр) шейхом Хазалем. Возникла угроза, что Тегеран будет отрезан от южных провинций; стало реальным отпадение всего Юго-Западного Ирана [95]. В округах Керманшах (ныне Бахтаран), Хамадан и в Лурестане образовались обширные «освобожденные» районы. «...Власть Тегерана существует здесь скорее номинально, чем фактически»,— отмечал очевидец [96].

На северном направлении Симко встретил больше затруднений. Здесь ему мешал извечный антагонизм между курдским и тюркским (главным образом азербайджанским) населением, стародавняя вражда со стороны некоторых курдских племен и активное противодействие правительства и местных властей, позиции которых окрепли после подавления революционного движения на северо-западе Ирана и переворота «3 хута».

В начале лета 1921 г. губернатор Тебриза направил экспедицию против Симко, но участвовавшие в ней курды мангур и дебокри разбежались [97]. Есть сведения и о намерении турок использовать в своих интересах восстание Симко, дабы превратить Иранский Курдистан в форпост против Ирана и англичан и заодно удовлетворить стародавние территориальные притязания Турции в пограничной полосе. Симко из Турции была оказана некоторая помощь людьми и оружием [98].

В своих планах продвижения на север, в приурмийский район и далее на северо-запад, к стыку границ с Россией и Турцией, где курды обитали чересполосно с азербайджанцами, другими тюркскими народами, а также с христианами — ассирийцами, армянами, Симко пытался воспользоваться царившими здесь в то время смутами. В Макинском ханстве, занимавшем важное стратегическое положение, шла борьба между сыновьями умершего сердара (правителя) ханства Теймур-хана, в которую бы-

ли вовлечены и курдские племена. К западу от оз. Урмии усилилась борьба между христианскими беженцами (ассирийцами и армянами) и курдами. Иранские власти безуспешно натравливали христианские меньшинства на курдов, как на местных, так и на примкнувших к Симко. Результатом было только усиление неразберихи, из которой ни одна из сторон не извлекла ощутимых выгод [99]. Наконец, бурные волнения вспыхнули в самом Тебризе, столице Иранского Азербайджана и втором городе по значению во всем Иране. Здесь арьергардные бои вели левые демократические силы, среди которых было и немало курдов по национальности. На этом основании появились даже сообщения, что в Тебризе организовалось курдское правительство, что не соответствовало действительности [100]. В начале февраля 1922 г. в Тебризе под руководством вышеупомянутого Лахути-хана вспыхнуло восстание, через несколько дней подавленное правительственными войсками [101].

Симко не сумел в полной мере воспользоваться этой ситуацией. Правда, ему удалось укрепить свои позиции непосредственно в приурмийском районе, где он на рубеже 1922 г. разбил правительственный отряд и установил, по сведениям английского источника, «автономное курдское правительство» [102]. Но дальше этого дело не пошло.

Тем не менее всю первую половину 1922 г. он укреплял свою власть на западе, в особенности на юго-западе Ирана. В мае 1922 г. он провозгласил себя королем «Независимого Курдистана», включив в него и незанятые им районы. Известен герб этого новоиспеченного курдского королевства: два крестообразно расположенных горных орудия с надписью вокруг них — «Независимый Курдистан». Больше об этом «королевстве» в литературе нет никаких определенных указаний [103]. Конечно, это было фиктивное государство, как и «королевство» шейха Махмуда, объявленное несколько позднее. Однако провозглашение «независимых королевств» в Восточном, а потом и в Южном Курдистане говорило не только о непомерных амбициях отдельных курдских вождей, но и об общераспространенности идеи курдской независимости, создания суверенных курдских государств [104].

Летом 1922 г. успехи Симко продолжались. В начале июня он разбил правительственные войска у Соуджбулака и начал угрожать Тебризу. Вскоре пал Хамадан. «В середине лета курдский вопрос стал принимать чрезвычайно угрожающие размеры»,— писал В. Осетров [105]. Под Тебризом активизировался союзник Симко Мустафа-паша Нимруд. Симко превратил Соуджбулак в столицу своего «государства», где издавалась его официальная газета «Независимый Курдистан» и куда не допускались правительственные чиновники. К восстанию присоединились курдские вожди Али Мирдан-хан, Сердар Аманулла-хан и конфедерация сенджаби. Симко заключил соглашение с ханами луристанских племен о совместных действиях против Тегерана. Чтобы разрядить напряжение, правительство вынуждено было заключить с Симко временное перемирие, по которому силы противоборствующих сторон разъединялись, обеспечивалась свобода торговли, производился обмен пленными и заключенными [106].

Правительство воспользовалось передышкой, чтобы консолидировать свои силы и подготовиться к решительному наступлению на курдских повстанцев. Была проведена и внешнеполитическая подготовка. Кабинет Мошира од-Доуле направил в Анкару дипломата Момтаза оль-Мамалека для согласования с кемалистами совместных действий против курдского движения. Видимо, персам удалось добиться от Анкары прекращения поддержки Симко и его союзников [107].

В августе 1922 г. военный министр Реза-хан Сардар Сепах нанес курдам решительный удар. Против повстанцев были брошены все военные силы под непосредственным командованием начальника генштаба Аманулла-хана и генерала Абдуллы Тахмасба. К правительственным войскам примкнули отряды шахсевенов во главе с Амиром Аршадом. На стороне правительства было явное военное превосходство в живой силе и технике, не говоря уже об обученности противостоящих войск и компетентности командования. Симко не знал даже устройства пулемета. И вообще он располагал только 45 тяжелыми легкими пулеметами и тремя горными пушками [108]. Вскоре Симко потерпел полное поражение, его резиденция Чехрик была захвачена, сам он бежал в Турцию, а оттуда, как было сказано, перебрался в Ирак, поближе в шейху Махмуду [109]. Потерпели поражение и союзники Симко луры. Только бахтиары продолжали успешно сопротивляться [110].

Поражение курдского движения в Восточном Курдистане, возглавленного Измаилом-ага Симко, было значительным, но не окончательным. Новой власти в Тегеране удалось отвести угрозу курдского сепаратизма, могущего привести к отпадению от Ирана его западных провинций, но не удалось радикально подавить курдское национальное движение в стране, ибо причины, его порождавшие и питавшие, не только не исчезли, но и, напротив, еще более усугубились. И главная из них — жесткая централизаторская политика правительства, призванная покончить с феодально-племенным сепаратизмом и обернувшаяся для этнических меньшинств Ирана самым неприкрытым и грубым шовинизмом.

Кроме Западного Ирана, где курдский вопрос уже давно заявил о себе как проблема и внутренняя, и международная (часть общекурдской), курдское движение после первой мировой войны возникло и в Северо-Восточном Иране, в Хорасане. Здесь вперемежку с туркменами обитали племена зефераилу и шаделлу, переселенные сюда еще шахом Аббасом Великим в начале XVII в. Этих «некурдистанских» курдов общекурдские проблемы если и интересовали, то больше эмоционально; их

выступления носили локальный характер. Правители трех полунезависимых курдских ханств — самого крупного Боджнурдского (племя шаделлу), Кучанского и Ширванского (племя зафаранлу) — в происходивших в начале 20-х годов в Хорасане бурных политических столкновениях преследовали в основном не национальные курдские (пусть даже только в хорасанском масштабе) цели, а личные, владетельные. Поэтому далеко не все их выступления шли на пользу прогрессивным, демократическим силам иранского общества.

Так, правитель Боджнурда Азизолла-хан Сердар Моаззез вместе с кучанскими ханами летом и осенью 1921 г. выступил на стороне иранской реакции против руководителя демократического и антиимпериалистического движения в Хорасане полковника Мохаммеда Таги-хана и 2 октября 1921 г., захватив его в плен, убил. Он также активно помогал правительству подавлять туркменское движение. В то же время, имея крепкие связи с англичанами, он держал себя по отношению к правительству довольно независимо, проявляя сепаратистские намерения.

Вместе с тем в движении хорасанских курдов в это время проявилась и демократическая струя, выражавшая интересы трудящихся масс. Такой характер имело крестьянское восстание летом 1920 г. под руководством Ходоу-хана (Ходаверды-хана), жестоко подавленное генерал-губернатором Хорасана Кавамом ос-Салтане (Ахмед Кавам), игравшим тогда и впоследствии видную роль в политической жизни страны [111].

Таким образом, курдское движение в Хорасане по отношению к курдскому движению в Западном Иране, Восточной Турции и Северном Ираке занимало маргинальное положение и вряд ли носило подлинно национальный характер, даже в местных пределах. Его воздействие на состояние курдской проблемы в Иране было косвенным: то был один из немаловажных факторов становления этноплеменной ситуации в послевоенном Иране.

Изучая материалы о курдском движении в Иране в начале 20-х годов, да и позже, нельзя не обратить внимание на одну особенность: несоответствие между действительным положением дел и их восприятием современниками. Последние, как это всегда бывает, в своих оценках находились под воздействием злобы дня и поэтому, в частности, во всех курдских движениях были склонны видеть «руку Англии». Такой подход характерен для советских авторов—современников описываемых событий и очевидцев многочисленных преступлений британского империализма против народов Советской России и колониального Востока. Так, Л. Перлин утверждал, что Симко действовал по наущению англичан, планировавших включение в «независимый Курдистан» всего Азербайджана и Турецкого Курдистана. Они же подстрекали к восстанию племена Лурестана, раздавая им оружие. Англичане выставили лозунг «Независимая Западная Персия», действуя руками «полдюжины высококвалифицированных

агентов-англичан, знающих все местные диалекты, открыто разъезжающих из одного кочевья в другое и для завоевания популярности живущих, охотящихся и иногда воюющих вместе с курдами». Сея смуту между племенами, англичане прибегали и к такому провокационному методу воздействия на некоторых англофобски настроенных вождей, как распускание слухов об их сотрудничестве... с Англией [112]. Довольно хитроумный способ извлечь выгоды из непопулярности политики Англии среди населения Юго-Западного Ирана!

С аналогичными утверждениями выступал и В. А. Гурко-Кряжин. Англичане, уходя из Персии, писал он, «сумели вызвать ряд восстаний в Хорасане, Курдистане, Лурестане и в стране бахтиар». Восстание Симко он аттестовал так: «...известный курдский разбойник Симко вновь подготовляет наступление на Урмию, Хой и Салмас, причем среди его союзников находится известный курд, англофил Сеид Таха» [113].

В таком же духе писала и А. Виноградова: «Никто из курдских общественных деятелей не поддерживает муссируемого англичанами движения в пользу „Независимого Курдистана", и эту авантюру возглавляет крайне подозрительная фигура, Измаил-Хан (Смитко)» [114]. В другой статье, говоря о том, что нельзя смешивать «национально-демократическое движение с феодально-разбойничьей партизанщиной», она утверждала: «Ко всякому движению, создающему политические и экономические затруднения персидскому правительству, охотно примазываются агенты иностранного империализма, стремящиеся овладеть им и использовать его в своих целях. Тем осторожнее приходится подходить к оценке различных политических выступлений в Персии, избегая, с одной стороны, необдуманных происков „иностранной интриги" там, где ее нет, и не усматривая революционно-национальной подоплеки там, где движение действительно питается „внешним влиянием", как это имеет сейчас место с Симко в Персидском Курдистане» [115].

Таких же взглядов держался и иранист В. П. Осетров, один из наиболее авторитетных авторов по тому времени. Он говорил о наличии у Великобритании программы расчленения Ирана после краха ее политики подчинения центрального правительства ее влиянию. Этот перелом, писал В. П. Осетров, «загадочно совпал с неожиданным усилением курдского движения, десятилетия осложнявшего жизнь Персидского Азербайджана и во время международной войны принявшего английский лозунг „независимого Курдистана"». Победы Смитко В. П. Осетров связывал с приездом в Тегеран нового посла Англии Перси Лорена [116].

Приведенные примеры (а их можно было бы умножить) дают наглядное представление об отношении советских востоковедов 20-х годов к современному им курдскому движению в Иране. Наряду с правильной констатацией отдельных фактов оно в целом было тенденциозно, выдержано в «духе времени» [117] и почти

полностью игнорировало внутренние (социально-экономические и политические) причины послевоенного подъема национального движения в Иранском Курдистане. Лежавший на поверхности фактор внешнего (английского) влияния абсолютизировался, и тем самым невольно искажалась вся панорама событий. В оправдание тогдашним советским востоковедам можно сказать, что были объективные причины такого предвзятого подхода к курдскому движению, приписывания ему почти исключительно агентурного характера.

Во-первых, британский империализм действительно активно вмешивался в межнациональные отношения в странах Востока, являвшихся объектами его экспансии, пытаясь использовать обострение этих отношений в своекорыстных целях. Во-вторых, и в Иране, и в других государствах региона общественное мнение и влиятельные национальные круги, возмущенные агрессивной политикой англичан, склонны были видеть в них главных (а то и единственных) виновников восстаний меньшинств.

Орган оппозиционных кругов в Иране газета «Сетаре-йе-Иран», описывая козни английской агентуры среди племен Азербайджана, Курдистана и Керманшаха, вопрошала: «Может быть, английское правительство видит величие Персии в отделении Курдистана?» [118]. В Гиляне распространялся памфлет, клеймивший Англию за поддержку ею Симко, шейха Махмуда и других курдских вождей [119]. Поступали сведения о связях шейха Махмуда, которого в Иране считали порученцем Англии, с вождями курдских племен Керманшаха [120]. Возмущение в Иране политикой Англии было повсеместным. Общераспространенным было мнение, что «английские интересы требуют расчленения Персии» [121].

Однако все это доказывает только одно — наличие высокого накала антианглийских настроений в Иране как закономерной реакции на колонизаторские методы политики Великобритании по отношению к этой стране. В такой идейно-политической атмосфере объяснить восстание Симко и другие курдские выступления английской инспирацией было делом естественным и правдоподобным, но не более того. Эта версия почти безоговорочно была принята и советской литературой 20-х годов, не имевшей других источников информации, кроме иранских, официальных и официозных. В действительности все обстояло не так просто.

Нет никаких оснований утверждать, что Англия хотела видеть Симко победителем, а возглавлявшееся им движение — принявшим определенно сепаратистское направление. Если они и помогали Симко (как и другим племенным вождям Ирана), то только спорадически, в сравнительно небольших размерах и исключительно в тактических целях. Главный интерес британской политики в Иране находился все же не на периферии, в том числе и курдской, этого еще во многом лоскутного государства, а в его центре, который Лондон стремился подчинить своему влиянию. Примечательно, что, оказывая некоторую военную и

финансовую помощь племенам, англичане одновременно по просьбе Реза-хана и меджлиса предоставили заем для организации и экипировки экспедиционного корпуса, брошенного против восставших курдов и луров [122]. Все делалось по классическим рецептам политики ««разделяй и властвуй».

Восстание Симко и его последующая деятельность, о которой уже говорилось, стали предметом переговоров британского посла в Тегеране Перси Лорена с иранским правительством. Правительство Кавама ос-Салтане было крайне встревожено пребыванием Симко на ирано-иракской границе и в Сулеймании, его контактами с сейидом Таха и шейхом Махмудом. 29 ноября 1922 г. Тегеран обратился со специальной нотой к Лондону, в которой содержалась просьба принять меры против Таха и Симко. В последующей беседе с Лореном Кавам ос-Салтане просил, чтобы англичане арестовали Симко, когда он будет в пределах их досягаемости, и выдали его иранским властям. На это Лорен ответил, что британские власти не могут контролировать действия Симко и что вообще между Ираном и Ираком нет соглашения о выдаче «политических беженцев». Запрашивая инструкции, Лорен выразил свое мнение о желательности предоставления Симко свободы действий в Иране [123]. Иначе говоря, по мнению британского посла, курдский козырь следовало сохранить.

Британскому посольству в Тегеране не удалось успокоить иранское правительство и убедить его в непричастности Англии к враждебным вылазкам отдельных курдских вождей. Кавам ос-Салтане посылал в английское посольство ноту за нотой, обвиняя англичан в прямой поддержке деньгами, оружием и инструкторами сейида Таха, ведущего враждебную деятельность среди племен Иранского Курдистана. Настойчивость иранского премьера объяснялась тем, что, как он справедливо полагал, на Таха юрисдикция британских властей безусловно распространялась. Персы утверждали, что Таха и Симко с помощью английских инструкторов собирают силы для нового восстания. Посол отвергал все обвинения в попустительстве Таха и Симко, обещал пресекать возможное вмешательство Таха в дела племен Иранского Курдистана, но в то же время требовал от иранского правительства взаимности, утверждал, что иранские офицеры посещали Равандуз и оказывали помощь протурецки настроенным вождям [124].

В начале января 1923 г. у Лорена с Кавамом ос-Салтане состоялась обстоятельная беседа по курдскому вопросу. Иранский премьер поддержал политику Англии в мосульском вопросе, направленную на недопущение возвращения Мосульского вилайета Турции. Лорен на это заметил, что, препятствуя возвращению Мосула Турции, Англия отстаивает и персидские интересы. Иран должен помогать в этом Англии, а не докучать ей жалобами. Англия, продолжал посол, выступает за спокойствие в Иранском Курдистане. Идея автономного курдского государства,

выраженная в Севре, никогда не коснется этой территории.

Кавам выразил понимание английской точки зрения, в том числе и касательно создания курдской администрации в Сулеймании во главе с шейхом Махмудом, но высказал опасения в связи с отправкой последним эмиссаров к иранским курдам с призывами присоединиться к нему. Между собеседниками возник спор по вопросу о дальнейшей судьбе Симко и Таха. Лорен просил «простить» их. Кавам отказывался это сделать, но обещал изучить этот вопрос [125].

Дискуссия о Симко и других курдских вождях продолжалась и в дальнейшем. Тегеран обвинял Симко в намерении поднять новое восстание, базируясь в Сулеймании, англичане заявляли, что он недосягаем для них. В конце концов иранское правительство обещало амнистировать Симко, если он сдастся и прибудет с повинной в Тегеран, а затем согласится поселиться вдали от ирано-иракской границы [126].

Однако Тегерану так и не удалось изолировать Симко и других вождей Иранского Курдистана от всех «внешних» влияний. Поселившись в родных местах близ Котура, Симко, связавшись с племенами Турецкого Курдистана, уже к лету 1923 г. начал проявлять признаки активности. Неспокойно было и в районе Хоя — Маку, где иранские военные власти пытались уговорить турецких пограничников арестовать Симко. В Керманшахе весной 1923 г. начались столкновения с Сердаром Рашидом, которого также инспирировали извне. Продолжались волнения и в Бахтиарии [127].

Во всех этих смутах трудно усмотреть только английскую инспирацию. В источниках на этот счет нет никаких данных. Зато участие турок в организации курдских волнений в Западном и Юго-Западном Иране несомненно. В особенности турки были заинтересованы в укреплении «треугольника» шейх Махмуд — сейид Таха — Симко, который мог причинить серьезные затруднения англичанам в Мосуле, спорной территории между Англией и Турцией, и в сопредельных районах. Но именно по этой причине англичане предпочитали, чтобы курдское движение развивалось только в рамках Иранского Курдистана и под жестким контролем, дабы не допустить его решительной победы и распространения на Южный Курдистан. Собственно это и показывают переговоры Лорена с Кавамом, когда англичане отказались выдать Симко и Таха «с головой» Ирану. Но и сколько-нибудь ощутимой помощи, которая позволила бы курдскому вождю получить перевес над войском Реза-хана, англичане не предоставили.

Наконец, следует обратить внимание еще на то, что правящие круги Ирана имели корыстный интерес представить курдское движение под руководством Симко как агентурное, специально инспирированное Англией в целях расчленения Ирана. Это позволяло, с одной стороны, оправдать проводимый режимом, утвердившимся после переворота «3 хута», шовинистический курс в национальном вопросе а, с другой стороны, с помощью антианглийской риторики укрепить престиж правительства в глазах общественного мнения и народных масс, справедливо предъявлявших британскому империализму свой счет. Примечательны аргументы, приведенные в передовой статье газеты «Иттехад» (17 января 1923 г.) под названием «Персия и Лозаннская конференция», написанной Ибрахимом Хильми, издателем газеты «Ал-Мофид».

«Проблема Курдистана — только оружие в руках капиталистических европейских держав, которые хотят разделить исламские страны Центральной Азии»,— утверждает автор. Далее, описывая действия Симко и ответные мероприятия правительства, он спрашивает: «Почему Турция и Персия (когда Ирак порабощен) не могут уничтожить это движение в его зародыше и положить конец нелегальной деятельности Симко?».

Иранское правительство, продолжает автор, встревожено пребыванием Симко в Сулеймании, созданием здесь курдского правительства. Хотя курды, несмотря на свою безграмотность, заслуживают свободы, сейчас для этого нет условий. Нельзя сравнивать Курдистан с Польшей. Нынешнее курдское движение защищает интересы армян «в шести восточных вилайетах Анатолии» и «сирийцев» (видимо, ассирийцев) в Северном Ираке и Южном Азербайджане. Симко и шейх Махмуд не понимают политику западных держав и недостижимость независимости в данный момент [128].

Итак, в начале 20-х годов курды Ирана повсеместно включились в борьбу за свои национальные права. Напряженная ситуация в Иранском Курдистане способствовала обострению курдской проблемы во всем ближневосточном регионе.

Брожение в Турецком и Сирийском Курдистане

Наибольшее воздействие оказал Севр на ситуацию в Турецком Курдистане. И это естественно, ибо только юридически субъектом и объектом договора была вся Османская империя, фактически же — одна Турция, и, следовательно, статьи договора, прямо или косвенно касавшиеся курдов, в сущности, относились только к турецким курдам, населявшим Восточную Анатолию. Именно им, и только им, светила перспектива создания автономного или независимого Курдистана. И лишь они могли рассчитывать на помощь извне, со стороны держав Антанты (практически — одной Англии). Однако именно турецкие курды очутились в наиболее трудном положении, встретили наибольшие препятствия в своей борьбе.

Внутренняя и внешняя обстановка объективно сложилась крайне неблагоприятно для них. Курдский национализм непосредственно схлестнулся с турецким национализмом. Силы были явно неравны. Первый находился в процессе становления. В во-

енном, политическом и идейном отношении он был слаб, раздроблен и обременен феодально-племенными и религиозными пережитками. Его поддержка Антантой была корыстна, условна и вообще декларативна. Второй же имел богатые традиции, находился на подъеме, в авангарде мощного антиимпериалистического движения, пользовавшегося морально-политической поддержкой всех прогрессивных сил в самой Турции и вне ее (в том числе и одержавшей победу над объединенными силами внутренней реакции и империализма Советской России) и руководимого выдающимся лидером Мустафой Кемалем. Курдское национальное дело, таким образом, силой обстоятельств отходило на второй план, заняло подчиненное положение в противоборстве политических сил.

С начала 20-х годов курдский национализм стал главным внутриполитическим противником кемалистов. Их главнейшей целью, отмечал в свое время А. Ф. Миллер (А. Мельник), было «создание сильного, централизованного и единонационального буржуазного государства». Кемалисты извлекли уроки из краха оттоманизма. «Выдвигая на первый план проблему образования монолитного чисто турецкого государства, кемалисты решительно рвут с панисламистскими увлечениями младотурок, отказываются от всяких притязаний на нетурецкие, хотя бы и мусульманские, земли и одновременно добиваются устранения инонационального населения из областей, относящихся к Турции» [129].

Иначе говоря, поднявшись на гребне антиимпериалистической волны, кемалисты предстали как националисты чистой воды и долго были образцом для всех националистов колониального Востока, боровшихся против империализма. Недаром «Таймс» впоследствии писала: «Национализм Кемаль-паши — заразителен» [130]. Та же газета вскоре после Севра излагала точку зрения Кемаля на национальные проблемы Турции: «Реальные интересы Турции находятся против греческого, армянского, европейского или курдского сепаратистского влияния в Анатолии с помощью „азиатского“ (? — *М. Л.*) правительства в Москве» [131]. Если не придираться к терминологии, то суть дела «Таймс» уловила неплохо.

Национализм кемалистов в его внешнеполитическом проявлении имел в исследуемый период несомненно позитивный заряд, ибо главным образом был оборонительной реакцией на агрессивную антитурецкую политику Антанты, в первую очередь Англии. Что касается внутренних дел, особенно политики в области национальных отношений, то здесь этот же национализм оборачивался самым махровым шовинизмом, напоминавшим ассимиляторский курс султанов и младотурок. На примере кемалистской Турции этот двуликий облик буржуазного национализма проступал, можно сказать, в образцовом виде. Особенно досталось курдам, представлявшим, по мнению кемалистов, главную угрозу целостности страны.

Курдофобский настрой руководителей «новой Турции» подметил еще проницательный Тойнби, посетивший Анкару, видимо, в конце 1922 г. (уже во время Лозаннской конференции). От бесед с премьером Хюсейном Рауф-беем (Орбай) он вынес впечатление, что «преобладающий мотив, стоящий за турецким требованием возвращения этой провинции (Мосульского вилайета.— *М. Л.*), не экономический или стратегический, но политический, и он целиком связан с курдами». Ибо турки хотят «ассимилировать курдов в своем политическом организме».

Надо отдать должное Тойнби, он уже тогда понял опасность и бесперспективность политики, которая, несмотря на отсталость курдов, принесет Анкаре такие же затруднения, «какие приносили албанцы старой Османской империи». Было бы мудро со стороны Кемаля и его коллег «предложить курдам позицию равных партнеров», но они предпочли «политику амальгамации». Тойнби убедился, что кемалисты мечтают об объединении всего Курдистана под турецкой эгидой, ибо в разделенности Курдистана видят источник постоянной угрозы для Турции [132].

Имеется и прямое свидетельство, исходящее от советского посла в Турции С. И. Аралова, о взглядах самого Мустафы Кемаля на курдский вопрос. «Цель наша,— говорил Кемаль,— создать национальную Турцию в рамках территории, населенной турками» [133]. О курдах турецкий лидер высказался следующим образом: «Курдский вопрос... запутанный, трудный вопрос. Поймите: Курдистан богат нефтью, медью, углем, железом и другими ископаемыми. На Курдистан зарятся многие, прежде всего Англия — наш основной враг. Влияет здесь и стратегия, торговые пути в Персию, на Кавказ, в Месопотамию. Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам — Турции и Персии, и играет на этом. Англия хочет создать курдское государство под своим владычеством и тем самым командовать над нами, Персией и Закавказьем. Англичане исстари подкупают курдских вождей. Теперь курдские вожди разделились: одни тянут к Ирану, другие — к Англии, третьи — к нам. Английские агенты Вуль, Ноэль и другие кричат о независимости Курдистана. В Сулеймании англичане заставили выступить против Турции шейха Махмуда».

Обвиняя Англию в провокации курдских восстаний, Кемаль продолжал: «Мы, турки... не останемся в долгу. Помогли на юге Курдистана восстать против англичан курду Феттику и другим... Предатель Турции великий везир Дамад Ферид-паша заключил договор с Англией и в нем дал согласие на отделение Курдистана от Турции. Договор этот был опубликован во французских газетах. Я не знаю, подписан ли договор. Не думаю, чтобы у султана-халифа и Ферида могла заговорить совесть,— у них совести и любви к Турции нет, но международное положение и наши победы не позволят Англии подписать его. Франция протестовала бы» [134].

Сразу же бросается в глаза основное: для Кемаля сущест-

вует только международный аспект курдской проблемы, ее внутриполитическое (этнополитическое), в данном случае внутритурецкое, содержание он как бы выносит за скобки, вернее, сознательно игнорирует. Это была уже позиция, хотя, конечно, Кемаль учитывал собеседника, взгляды которого по национальному вопросу несомненно были ему известны. И Аралов, конечно, сразу же разглядел шовинистическую подоплеку отношения турецкого лидера к этническим меньшинствам. «Кемаль стоял за равноправие национальностей,— писал он,— но не давал самостоятельности курдам, армянам и другим национальным меньшинствам» [135].

Заметна и еще одна особенность высказываний Кемаля по курдскому вопросу: он признавал наличие фактически только двух Курдистанов — Турецкого и Иранского, об Иракском Курдистане — ни слова. Это надо понимать было однозначно: Кемаль не признавал отторжения от Турции Мосульского вилайета. Выпады против Англии должны были создать впечатление, что Турция намерена активно бороться против ее политики по курдскому вопросу в Ираке и во всем Курдистане. Естественно, что Кемаль педалировал свои антианглийские настроения, ибо надеялся на сочувствие и помощь Советской России.

Словом, курдский вопрос стал одним из ключевых моментов в борьбе кемалистского движения против британского империализма, пытавшегося поставить себе на службу идею создания независимого Курдистана. «Турецкий Курдистан,— писал Лахути,— становится в настоящий момент главным узлом в борьбе кемалистской Турции с английской политикой захвата Северной Месопотамии и создания курдского авангарда на подступах к нефтяным полям Мосула. В этой борьбе — та и другая сторона стремятся использовать особенности национального курдского движения в своих целях» [136].

Итак, у курдской политики кемалистов был свой «экспортный вариант», который они охотно демонстрировали как демократический, антиколониальный, антиимпериалистический и который действительно таковым отчасти являлся. Поддержка из Турции, как уже отмечалось, сыграла известную роль в подъеме национального движения в Южном и Восточном Курдистане в послесеврский период. В этом смысле, по словам Лахути, Северный Курдистан явился «сильным орудием в руках кемалистов» [137].

Активизация политики кемалистов в Южном и Восточном Курдистане шла синхронно с их успехами на военном и дипломатическом поприще. Победы кемалистской армии над дашнакской Арменией осенью 1920 г. и над греческими интервентами в январе и в начале осени 1921 г. повысили престиж Турции в Северном Ираке [138]. Этому же способствовали внешнеполитические достижения кемалистской власти «установление дружественных отношений с Советской Россией и с советскими республиками в Закавказье, политические и экономические соглашения с Францией и Италией, приведшие к расколу антитурецкого фронта Антанты и к военно-политической изоляции Англии на Ближнем Востоке). Не случайно поэтому именно с начала 1921 г. кемалисты приступили к укреплению своих позиций среди племен Южного и Восточного Курдистана.

На первых порах кемалисты столкнулись со значительными трудностями. Не так просто было преодолеть укоренившиеся у курдского населения антитурецкие настроения, питавшиеся воспоминаниями о шовинистической политике султанов и младотурок. Так, кемалисты потерпели неудачу в Джебель-Синджаре. Они пытались привлечь на свою сторону местных езидских ага, выступавших против Турции во время мировой войны, но не смогли преодолеть традиционную езидо-мусульманскую рознь [139]. В январе 1921 г. в Турецкий Курдистан прибыл Сиди Ахмед аш-Шериф ас-Сенуси, представитель мусульманской династии Сенусидов, возглавивший борьбу против итальянской колонизации Ливии. С конца мировой войны он жил в Стамбуле, а затем перешел к кемалистам, которые пытались использовать его в своих политических интересах. В конце 1921 г. пронесся слух, что турки собираются его поставить правителем некоего полунезависимого «трансиракского государства», куда вошли бы не только весь Южный, но и часть Юго-Западного Курдистана (Джазира). Но его кандидатура не пользовалась популярностью ни среди арабов (особенно шиитов), ни среди курдов. Не закрепившись ни в Багдаде, ни в каком-либо другом пункте, он скоро отбыл в Аравию, где и канул в политическое небытие [140].

Кемалисты же, одержав первые победы над греками и обретя уверенность в собственных силах, с середины 1921 г. начали действовать сперва в районе Равандуза, а потом и в других районах Южного Курдистана, без посредников и все более активно, особенно после открытия Лозаннской конференции. Помогая курдским повстанцам деньгами, оружием, военными инструкторами и даже отдельными контингентами «турецких» курдов, о чем уже говорилось, кемалисты стремились если и не сразу присоединить Южный Курдистан к Турции, то по меньшей мере поддерживать там неблагоприятный для Англии политический климат. Это было тем более актуально для них, что англичане пытались, особенно в первые годы существования мандатного режима в Ираке, всемерно укрепить позиции новой династии и марионеточного багдадского правительства в курдских районах страны. С этой целью в ноябре 1922 г. в Мосул прибыл брат короля Фейсала эмир Зейд, который принял депутацию курдских вождей и всячески агитировал за улучшение отношений между курдами и арабами [141].

Намерение кемалистов в разгар боев против греческих интервентов причинить Англии затруднения в Северном Ираке, используя поддержку курдских повстанцев, частично осуществилось и сыграло свою роль в конечном решении Великобритании договориться с Анкарой. В Лондоне были встревожены успеха-

ми кемалистов в Северном Ираке. Популярный в то время английский журналист Валентайн Чирол писал о «кемалистской угрозе Месопотамии через Курдистан» [142]. У. Черчилль раньше других государственных деятелей Великобритании понял необходимость добиться политическими средствами прекращения турецкого вмешательства в Иракском Курдистане. Он заявил в палате общин в начале августа 1921 г., что «спокойствие в Месопотамии зависит от делового соглашения с националистической Турцией» [143].

И все же достижения кемалистов в Иракском Курдистане были относительны и преходящи. Им не удалось настолько закрепиться в этом районе, чтобы всерьез претендовать на его присоединение к Турции. Турецкие подразделения смогли временно захватить некоторые районы только на периферии Мосульского вилайета, прилегающей к турецкой границе. На остальной территории дело ограничилось агентурно-подрывной работой и материальной помощью (в общем, небольшой) некоторым вождям. Однако далеко не все из них (в том числе и ярые англофобы) безоговорочно приняли турецкую сторону, а если и шли на союз с турками, то только из конъюнктурных соображений (как, например, шейх Махмуд). Некоторые же предводители иракских курдов сразу заняли резко антитурецкую позицию. Много неприятностей туркам причинили такие влиятельные вожди, как Абдуррахман-ага из Ширнака и Бабакр-ага [144]. В целом же население Южного Курдистана, хотя оно и поднималось на борьбу против британских колонизаторов и их багдадских подручных, вовсе не стремилось к реставрации турецкого господства в своей стране и не собиралось помогать в этом кемалистам. «Нир Ист» писал даже о «полном поражении» турок в Южном Курдистане» [145]. Во всяком случае, когда в Лозанне запахло договоренностью с Англией и ее союзниками, турки без особых проволочек ушли из занятых ими районов Северного Ирака (Равандуза и других) и прекратили явное вмешательство — в других. Не отказавшись от притязаний на Южный Курдистан, Анкара вынуждена была перенести борьбу исключительно в сферу дипломатическую, что не сулило ей реальных шансов на успех.

Если на юго-восточной границе Турецкого Курдистана к лету 1923 г. воцарилось относительное спокойствие, то на южной границе, где начиналась французская Сирия, напротив, возрастала напряженность, причиной которой были непрестанные волнения курдских племен. К этому времени относится возникновение курдского вопроса в Сирии, ставшей подмандатным владением Франции. В территорию Сирии оказались включенными несколько районов компактного расселения курдов (в округах аль-Джазира, Джебель-аль-Акрада и Айн-аль-Араба на севере страны), составлявших в то время 10% населения страны [146]. Эти районы потом стали именоваться Сирийским (или Юго-Западным) Курдистаном. Национальное движение сирийских курдов привело к возникновению относительно самостоятельного курдского вопроса в Сирии.

В его основе лежала борьба сирийских курдов против французской колонизации. Первое антифранцузское выступление сирийских курдов, предводительствуемое братьями Наджибом и Ахмед-агой Барази, произошло под Тель-Калахом в декабре 1919 г. В следующем, 1920 г. курды приняли самое активное участие во всенародной борьбе против французских оккупантов, участвовали в боях вдоль Багдадской железной дороги. С конца 1920 г. отряды курдов во главе с Ибрахимом Ханану находились в самой гуще крестьянского восстания, охватившего обширный район Северо-Западной Сирии от Халеба до Александретты и продолжавшегося до середины 1923 г. Курды были участниками и многих других антиимпериалистических выступлений сирийского народа [147].

С самого своего возникновения курдский вопрос в Сирии осложнился прямым и косвенным вмешательством со стороны Турции, которое осуществляли и сами курды, и турецкие власти, чему способствовала, как ни странно, французская интервенция в Юго-Восточной Анатолии в 1919—1921 гг. Борясь с французскими оккупационными войсками, разноязычное и разноплеменное население региона — арабы, курды, турки — привыкло считать свой район как бы за единое целое с Сирией и нимало не считалось с турецко-сирийской границей, проведенной вчерне в Севре. Анкара и местные турецкие военные и гражданские власти также без особого уважения относились к этой границе, выступая к тому же с притязаниями на некоторые прилегавшие к ней с юга территории Сирии. Все это приводило к тому, что в ходе противоборства, в котором участвовали турки, курды и французы, отряды конфликтующих сторон свободно переходили границу, творя насилия по обеим ее сторонам.

Пресса пестрела сообщениями об этом. Летом 1923 г. газеты особенно много писали о столкновениях на турецко-сирийской границе, о сожжении турецкими карательными войсками курдских деревень (например, возле Нусайбина), о массовом переселении в Сирию курдских племен, спасавшихся от турецких репрессий. Некоторые курдские вожди боролись одновременно и с турками, и с французами. В августе 1923 г. в Северной Сирии насчитывалось до 2 тыс. курдских повстанцев. Все эти события приводили к взаимным обвинениям турок и французов в подстрекательстве курдов и к дипломатическим представлениям в Анкаре и Париже [148]. С тех пор постоянно напряженная ситуация в Юго-Западном Курдистане и в сопредельных районах Сирии и Турции, населенных курдами, стала одним из главных факторов, осложнявших турецко-французские отношения [149].

Ситуация на восточной границе Турции, разделявшей Турецкий и Иранский Курдистан, была более спокойной, хотя и эта граница была легкопроницаема, но односторонне — в основ-

ном с запада на восток. Это было вызвано особым отношением кемалистов к национальному движению иранских курдов, заметно отличавшимся от их политики в Иракском и Сирийском Курдистане.

Причина состояла в разном отношении к местным правящим кругам арабских стран и Ирана. В первых кемалисты видели простых подручных Англии и Франции и, естественно, стремились ослабить их поддержкой курдского движения; важную роль играли и территориальные притязания. В правителях же Ирана, пришедших к власти после переворота «3 хута», кемалисты видели уже самостоятельную политическую силу, которая хотя и может в принципе угрожать Турции, но в данный момент скорее будет противопоставлена Англии; стародавние пограничные споры с Ираном не представляли для Турции жизненного значения. Поэтому и поддержка кемалистами иранских курдов, как уже отмечалось, носила в целом незначительные размеры. Ее назначение состояло главным образом в том, чтобы обеспечить Турции возможность влиять на ситуацию в Иранском Курдистане и Азербайджане и организовать через территорию этих провинций транзит в Сулейманию, эту, по словам каирской газеты «Аль-Мукаттам», «цитадель курдского сепаратизма» [150].

На ограниченные цели отпускались и ограниченные средства. К иранским курдам были направлены турецкие политические офицеры, установившие контакты с сейидом Таха и шейхом Обейдуллой. В район Урмии прибыло до 50 турецких кавалеристов. Через иранскую территорию в Равандуз была отправлена партия турецкого снаряжения. Турецкая агентура в приурмийском районе натравливала курдов на местных христиан (в основном ассирийцев), в которых турки видели своих традиционных врагов [151]. Турецкие официальные представители в Западном Иране (в особенности консул в Тебризе), пытаясь «снискать благосклонность курдов», самочинно брали на себя роль посредников между ними и иранскими властями. Были сделаны попытки напрямую связать курдов Сомая, Барадоста и других районов с турецким каймакамом в Ване, который также выступил с претензией стать посредником в сношениях с иранскими военными властями. Такой же «посреднической» деятельностью занимались и агенты турецкой разведки в Маку, Хое и Салмасе [152].

Таким образом, размеры турецкого вмешательства в Иранском Курдистане были сравнительно невелики и не оказали заметного влияния на ход и результаты курдского национального движения в этом районе. Оно развивалось относительно автономно и не отразилось, в свою очередь, сколько-нибудь заметно на ситуации в Турецком Курдистане.

Можно было ожидать, что после Севра турецкие курды немедленно поднимутся на борьбу за обещанную им независимость или автономию, за реализацию своих национальных прав,

наконец-то получивших международное признание. Национальный подъем в Северном и Западном Курдистане действительно стал нарастать, но далеко не так быстро и не в таких размерах, как следовало ожидать. Наряду с общеизвестными стимулирующими факторами действовали и тормозящие. К последним относится не только традиционная политическая и культурная отсталость курдского общества, исконная раздробленность сил национального движения, но и сложившаяся в послесеврской Турции внутри- и внешнеполитическая конъюнктура, весьма неблагоприятная для курдского дела. На пути курдского движения встали серьезные отвлекающие преграды.

То было время наивысшего подъема турецкого национально-освободительного движения, против которого выступили объединенные силы империалистической агрессии, возглавлявшиеся британскими империалистами. Вопрос стоял о жизни или смерти исторически сложившегося турецкого государства на территории, которую оно частично или целиком занимало свыше шести столетий и которая все это время была общей родиной не только для основного и самого многочисленного этноса — турок, но и для курдов и других этнических меньшинств.

Победа империалистических агрессоров и их подручных при обстоятельствах того времени могла иметь катастрофические последствия не только для самих турок, но и для проживавших вместе с ними меньшинств, и в первую очередь для курдов, какие бы широковещательные обещания ни давали им державы Антанты. Прямое колониальное порабощение было наихудшим вариантом для их будущего. В таком случае только бы возросло извечное историческое проклятие курдского народа — его этническая разделенность, т. е. государственно-территориальная раздробленность Курдистана, не говоря уже о других общеизвестных отрицательных последствиях колониального закабаления. Таким образом, для турецких курдов альтернативой подключению к империалистическому проекту раздела Турции оставалась совместная борьба с национальными силами Турции против интервентов.

Самим курдам это не сулило национального освобождения, ибо они в этой борьбе могли занимать лишь подчиненное положение перед кемалистами, настроенными по отношению к ним шовинистически. Казалось бы, куда ни кинь — везде клин. Однако только поражение империализма в Турции открывало перед курдским населением страны национальную перспективу. Независимость, ликвидация экономического и политического господства империализма создавали единственно необходимые условия для развития народов Турции по пути социального прогресса, демократизации всего общественного строя страны, решения остроактуального национального вопроса.

Другое дело, что эти возможности так и не были никогда реализованы и что курды Турции до сих пор порабощены. Но из этого логически вовсе не следует, что «проимпериалистическая

альтернатива» была предпочтительнее. Просто обстоятельства исторической жизни турецких курдов были крайне противоречивы и неблагоприятны для их национального развития.

Были и отвлекающие моменты, тормозившие подъем освободительного движения турецких курдов. Первый из них — это конфронтация Турции с дашнакской Арменией, способствовавшая оживлению стародавней курдо-армянской розни [153]. Второй — вмешательство кемалистов в Иракском Курдистане, создававшее у некоторых курдских националистов и племенных вождей иллюзию, что Анкара выступает за курдов. Но, главное, сама обстановка национально-освободительной войны, возникшая в Турции после начала греческой интервенции, объективно отодвинула курдский вопрос на задний план, тем более что часть курдов примкнула к патриотическим силам турецкой нации и приняла участие в отражении агрессии.

Наибольшее рвение проявили курды в борьбе против французской интервенции в Юго-Восточной Анатолии в 1920—1921 г., и это понятно, ибо курдское население защищало родные места, противостояло империалистической агрессии, так сказать, лицом к лицу. Курды самоотверженно сражались в районах Мараша, Мардина и Айнтеба (Газиантеба), и самостоятельно, и в составе турецко-арабских регулярных и иррегулярных формирований [154]. Что касается основного фронта борьбы против греческих интервентов, то здесь в отношении вклада курдов имеются разноречивые свидетельства.

Некоторые авторы утверждали, что курды сражались против греков наравне с турками. Действительно, такие факты известны. Г. Астахов рассказывал про женщину-курдянку из-под Анкары (Фатьма-ханум, родственница Симко), которая командовала курдским отрядом в несколько сот бойцов. «Она носила мужской военный костюм, отличалась мужскими ухватками и пользовалась огромным авторитетом среди подчиненных ей мужчин. Ее отряд был единственным курдским отрядом, сражавшимся против греков в рядах армии ВНСТ» [155]. Французский автор Поль Жантизон писал об активном участии курдов в войне с греками на стороне кемалистов. Вполне возможно, восклицал он, что запечатленный в памятнике неизвестный солдат, погибший у Домлу-Пынара, «принадлежит к курдской расе» [156].

Однако, судя по всему, указанные факты не получили широкого распространения. Патриотизм выказывали главным образом те сравнительно изолированные группы курдов, которые были расселены в Центральной Анатолии, недалеко от линии фронта. Основная масса курдского населения Турции вела себя более или менее пассивно. Как утверждал тот же Астахов, в подавляющем большинстве курды уклонились от участия в турецком национальном движении и порой поднимали восстания против ВНСТ, «не без участия англо-константинопольских интриг» [157]. М. В. Фрунзе, посетивший Турцию во главе украинской делегации в конце 1921 — начале 1922 г., на основании

личных наблюдений заключил, что курды и черкесы «не проявляют особой ретивости в отношении к ведущейся борьбе; они предпочитают служить в тыловых частях, а при посылке на фронт обыкновенно дезертируют... При всем том отношение к правительству и особенно к Кемалю хорошее» [158]. Кызылбаши же, т. е. обитатели главным образом Дерсима (али-илахи, «алеви»), как заметил Фрунзе, «не только не служат в войсках, но и причиняют правительству большие хлопоты рядом повстанческих вспышек», хотя они, как и курды-сунниты, несут воинскую повинность наравне с турками. Кызылбашей «держат в загоне и не допускают к занятию административных должностей» [159]. Кемалисты сделали попытку привлечь на фронт бывших хамидие, но они «оказались неспособными к серьезному и продолжительному ведению военных действий вдали от тех районов, в которых они привыкли совершать свои подвиги в мирной обстановке» [160].

Итак, курдское население Турции не проявило единодушия в этот критический для судеб страны послесеврский период. При непосредственном контакте с империалистическими агрессорами оно, естественно, вставало на защиту своих очагов, но в своей основной массе большого патриотизма не обнаружило. И это тоже естественно, ибо кемалисты отнюдь не делали секретов из своих шовинистических установок в национальном вопросе.

Характерна, например, позиция кемалистской прессы. К. Юст, тщательно проанализировавший содержание основных анатолийских газет за 1920—1922 гг., отмечал шовинистическое направление большинства из них. «Курдский, черкесский, сельджукский вопросы прессой совершенно замалчиваются. Даются лишь сведения хроникерского порядка»,— таков его общий вывод [161]. Эта линия была присуща и газетам относительно левого направления (например, газете «Ени гюн» известного журналиста Юнуса Нади) и даже газетам, выходившим в самом Курдистане (газета «Диарбекир»). Газета «Сатвете миллие» («Национальная мощь») «с правопатриотическим и пантюркистским уклоном» о национальном вопросе писала: «Его можно было бы ставить лишь тогда, когда существовали капитуляции; с отменой же их он автоматически разрешился и отпал» [162]. Левоиттихадистская газета «Ал байрак» («Красное знамя») была в начале 1921 г. закрыта за резкую критику действий властей по усмирению курдов [163].

Кемалисты предприняли организационные меры против распространения курдского национализма. Курдская пресса подверглась гонениям. Кемалистская власть обрушилась и на курдских лидеров, обосновавшихся в Стамбуле и не очень успешно пытавшихся руководить оттуда курдским движением в самой Турции и даже за ее пределами. После Муданийского перемирия (11 октября 1922 г.) и установления фактического контроля кемалистов над Стамбулом и Восточной Фракией многие курдские нотабли вынуждены были покинуть бывшую столицу

Османской империи и эмигрировать (главным образом на Запад) [164]. Курдское движение в Турецком Курдистане с тех пор было большей частью предоставлено самому себе, чем пытались воспользоваться англичане [165]. Опытные провокаторы и интриганы, работники британских спецслужб не упускали случая сыграть на обострившихся отношениях между кемалистами и курдскими националистами, с тем чтобы подчинить курдское движение своим целям. Как будет показано ниже, в этом они особенно не преуспели, но зато дали немало поводов для разговоров об агентурном, проанглийском характере национального движения в Турецком Курдистане. Эту не подтвердившуюся фактами версию брали на веру и в нашей литературе. «В настоящее время,— писал некогда в общем весьма компетентный в курдских делах и лично к ним причастный Лахути,— курдская интеллигенция и главные политические деятели курдов в значительном большинстве находятся под английским влиянием» [166]. В действительности курдские лидеры и идеологи руководствовались собственными национальными, а не заимствованными импульсами и реальной помощи извне почти не получали.

По указанным выше причинам в рассматриваемый послесеврский период в Турецком Курдистане не было условий для развертывания всенародного национального движения. Однако здесь накопилось достаточно горючего материала для того, чтобы в наиболее «горячих точках» региона разгорелись очаги вооруженного сопротивления. Одной из них закономерно, как это часто бывало в истории Курдистана, стали Дерсим и его окрестности, где курдское население в наиболее обнаженной форме испытывало национальный гнет.

Напряженность в этом районе стала расти летом 1920 г., как раз в период заключения Севрского договора. Произошел ряд стихийных столкновений курдов с правительственными силами. Но были предприняты попытки внести в борьбу и организованное начало. «Общество возрождения Курдистана» (Абдул-Кадыр и др.) развернуло агитацию за реализацию статей Севрского договора по курдам. Оно установило контакты с полковником Халид-беем, в прошлом командиром дивизии хамидие, и с другими курдскими военными, примкнувшими к национальному движению и пропагандировавшими идею курдской независимости [167].

Анкарские власти, пытаясь разрядить обстановку, удалили Халид-бея в Эрзерум и назначили некоторых влиятельных нотаблей из Дерсима и других курдских районов депутатами ВНСТ. Отчасти кемалистам удалось внести раскол в ряды курдской верхушки, но предотвратить неизбежный взрыв они не смогли. В начале марта 1921 г. в районе Дерсима — Кочкири вспыхнуло крупное восстание курдов, на подавление которого были брошены многочисленные войска, в том числе и снятые с греческого фронта. Только к концу апреля командующий карательными силами Нуреддин-паша смог нанести курдским повстанцам решающее поражение, после чего власти приступили, как водится, к жесточайшим репрессиям [168].

Особенно прославился на ниве усмирения курдов и других меньшинств керасундский феодал лаз Осман Топал-ага. Он «с навербованным им отрядом из добровольцев-лазов прошел огнем и мечом взбунтовавшиеся против турок курдские районы Восточной Анатолии и греческие — Самсунского санджака (губернаторства). Отряд навел должный порядок сообразно восточным правилам, т. е. после его прохода — хоть шаром покати». Написавший эти строки М. В. Фрунзе говорит далее об «обстановке звериной национальной борьбы, толкающей целиком один народ на другой и не щадящей ни пола, ни возраста, не знающей ни сострадания, ни милосердия» [169].

Итак, уже на заре кемалистской эры на примере отношения новой власти к курдам проступили черты истинно традиционного, султанско-младотурецкого подхода к обострившимся национальным противоречиям. И хотя размеры выступлений турецких курдов были сравнительно невелики (в Дерсиме всего повстанцев было не более 6 тыс. и они оперировали на территории примерно в 16 тыс. кв. км) [170], они были очередным угрожающим симптомом для Анкары. В то же время сами курды получили возможность лишний раз убедиться, что у новых правителей страны есть лишь один ответ на их законные национальные требования — голая сила, лишь иногда приправленная нехитрыми политическими маневрами, закулисными интригами, рассчитанными на подкуп и раскол курдской верхушки и бьющими на внешний эффект пропагандистскими кампаниями. Следовательно, не было сделано ни шага для решения курдской проблемы в Турции. Кемалисты этого сделать не могли и не хотели.

Поэтому, как и следовало ожидать, подавление восстания в районе Дерсима — Кочкири не принесло подлинной разрядки в Турецком Курдистане. Повсеместно продолжалось брожение курдского населения, возмущенного кровавыми репрессиями и требовавшего самоопределения. Во второй половине 1921—1922 г. возмущения курдов отмечены в Гарзане (к западу от Сиирта), в районе Диарбекира и в других пунктах Восточной Анатолии. На командующего Восточным фронтом Казыма Карабекир-пашу, штаб которого находился в Сарыкамыше, была возложена в качестве первоочередной задачи борьба против курдского повстанческого движения [171]. В середине 1922 г. в Диарбекир в связи с курдскими волнениями прибыл с чрезвычайными полномочиями инспектор 3-й армии Джевад-паша [172]. Нервозность проявляли и власти в Битлисе, где также было неспокойно [173].

О серьезности ситуации в Турецком Курдистане в это время (вторая половина 1921 — начало 1922 г.) говорит широкое распространение всевозможных слухов, часть которых, видимо, имела под собой какую-то почву. Появилось, например, известие о провозглашении в Диарбекире курдской республики с президентом Мустафой Кемалем во главе. По другому сообщению, Ке-

маль взял на себя общее командование по подавлению курдского движения, но одновременно решил созвать какой-то курдский конгресс [174].

Английская пресса писала, что председатель военного суда при правительстве Дамада Ферид-паши Мустафа-паша отправился в Курдистан и поднял восстание, внушившее «большие опасения Ангоре», хотя кемалисты и стремились преуменьшить в глазах мирового общественного мнения размеры курдского движения. Курды требовали сохранения халифата, отказывались признавать власть Анкары. Кемаль сместил командующего центральной армией (со штабом в Сивасе) Нуреддин-пашу и командующего «иракской» армией Нихад-пашу якобы за связь с Энвером, а на самом деле — за неспособность справиться с курдами. В подстрекательстве курдов обвинялись, известное дело, англичане и новоявленный король Ирака Фейсал [175].

Во французской литературе тоже гуляла версия, что курдов против кемалистов поднимали английские агенты (в Сивасе, Малатье, Дерсиме), чем пытались воспользоваться юнионисты (иттихадисты-энверисты) с целью реабилитации своей прежней политики и в надежде нажить новый политический капитал [176]. Конечно, во всех этих сообщениях много домыслов и прямых вымыслов, но нет дыма без огня. И брожение в Турецком Курдистане имело место, и англичане были заинтересованы в его использовании против кемалистского движения (хотя факты о прямом участии и инспирации отсутствуют). Не случайно кемалисты, чтобы сбить накал страстей, в ноябре 1922 г. отправили комиссию в Кочкири и освободили от наказания рядовых курдских повстанцев [177].

Таким образом, вскоре после заключения Севрского мирного договора в Северном и Западном Курдистане, находившихся под контролем кемалистов, начался подъем курдского национального движения. Коренные причины лежали в исконном национальном гнете, испытываемом курдским меньшинством в Турции, но поводом послужили обещания самоопределения, содержавшиеся в договоре. Движение носило обычный стихийный характер и поначалу имело ограниченные, локальные размеры, и к тому же оно не выдвинуло четких политических целей. Несмотря на все эти слабости и недостатки, вообще типичные для курдских национальных движений, события в Дерсиме — Кочкири имели важное значение, поскольку они положили начало мощному процессу освободительной борьбы, развернувшейся в Турецком Курдистане в 20—30-е годы. Австрийский автор Норбер Бишоф, имея в виду последующие события, пишет даже о едином большом курдском восстании, которое длилось в Турции с 1921 по 1926 г. [178]. Во всяком случае, курдский вопрос в новой Турции громко заявил о себе, что имело и несомненный международный резонанс.

Глава VI

ЛОЗАННА

Лондонская конференция (февраль—март 1921 г.)

Международные осложнения по поводу ближневосточных дел продолжались, Севр не подвел черты ни под всем турецким вопросом вообще, ни под курдским вопросом в частности. Путь в Лозанну сопровождался ожесточенной политической и дипломатической борьбой, в которой курдский вопрос всегда находился в фокусе взаимоперекрещивающихся интересов.

До начала 1921 г. «Независимый Курдистан» оставался на знамени британской дипломатии. Несколько позже рупор мусульманских кругов Индии газета «Хабль-уль-Матин» рассказала, что, по ее мнению, за этим крылось: «План лорда Керзона о независимости объединенного персидского и турецкого Курдистана также базируется на указанном стремлении напасть на Россию.

Мы неоднократно говорили и продолжаем утверждать, что Англия не откажется проводить этот план, если даже 100 раз потеряет голову. В случае необходимости Ирак чрезвычайно быстро может вооружить и заставить напасть на Россию и курдов, и айсор, и халдеев.

И до тех пор, пока Ирак и Палестина находятся в руках Англии, этот план будет ею проводиться.

Некоторые предполагают, что Турции и Персии будет дана какая-либо территория взамен Курдистана, чтобы из последнего можно было бы прямо пойти на Россию и наступать на нее. В этом последнем случае будет сделан один выстрел в несколько целей:

1. Отделив Турцию и Персию от России, а также друг от друга, можно будет каждое из этих государств (Турцию и Персию) ограничить, сделать незначительным государством и принудить к полному повиновению воле Англии.

2. Для нападения на Россию Курдистан является кратчайшим путем.

3. В случае, если Англия и Италия объединятся и в их руках будет Константинополь, Франция не сможет удержать Сирию под своим владычеством» [1].

При некоторых преувеличениях и перекосах здесь метко схвачена суть британской политики в курдском вопросе — ис-

пользовать проект предоставления курдам самоопределения в качестве инструмента (и не более того) антисоветской, а также и антифранцузской (на Арабском Востоке) политики Лондона.

Осенью и в начале зимы 1920 г., казалось, ближневосточная политика Антанты протекала по севрским предначертаниям. Дожидаясь победоносного окончания греческого наступления на владения кемалистов-националистов (на которых с востока одновременно напали дашнаки), англичане и французы уточняли пределы и размеры поделенного османского наследства.

23 декабря 1920 г. в Париже была подписана англо-французская конвенция, разграничившая подмандатные территории обеих держав в Ираке и Сирии. С этой даты формально начинается Сирийский Курдистан, ибо новая граница отреза́ла Сирии часть курдских земель. По разные стороны границы оказались и близкие друг другу, часто родственные курдские племена, в том числе и этнически сплоченные принадлежностью к единому вероисповеданию езидские племена Джебель-Синджара [2]. Однако в действительности в сохранении в неприкосновенности Севрского договора и в реализации его постановлений, в том числе и касавшихся курдской проблемы, была заинтересована одна Англия.

Все расчеты англичан строились на предполагаемом поражении кемалистов. Если бы события приняли такой оборот, то осуществилась бы заветная мечта британских империалистов — создание от Босфора до индийской границы, по словам турецкой газеты «Шефак», «средних буферных государств», в том числе и курдских государств, обеспечивших бы безопасность «жемчужины Британской империи» [3]. В Ираке и Иране англичане уже готовили почву для такого переустройства географической карты региона. В Турции планировалось создание независимого Курдистана. «...В эпоху Севрского мирного договора Англия предпринимала бесплодные попытки добиться образования самостоятельного Курдистана»,— писал Гофман [4].

Уже говорилось, что эти замыслы Лондона не только не разделялись другими главными участниками раздела Турции, Францией и Италией, но и внушали им самые серьезные опасения. Эти державы пошли на севрскую сделку только потому, что рассчитывали таким путем быстрейшим образом удовлетворить свои колонизаторские притязания в самой Турции — как в области сохранения и укрепления финансово-экономического контроля над всей страной, так и в фактической аннексии некоторых ее наиболее богатых областей. Франция, кроме того, надеялась, что Севр укрепит ее довольно шаткие позиции в Сирии.

Не следует упускать из виду, что, хотя львиную долю выгод от Севра получала Англия, Франция и Италия имели и общие с ней интересы в Турции (сохранение финансово-экономического контроля, режима капитуляций и т. п.). Наконец, и Франция, и Италия, не говоря уже о малых участниках Севрского договора, были заинтересованы в английской поддержке в других интересующих эти державы международных вопросах (Франция — особенно в германском). На этих основаниях и держалась некоторое время севрская «система».

Очень скоро, однако, обнаружилось, что для Франции и Италии ее невыгоды значительно превосходили ожидавшуюся пользу. Первым звонком была провалившаяся дашнакская авантюра. Победа советской власти в гражданской войне и крах антисоветской интервенции, коренным образом изменив ситуацию в кавказо-черноморском регионе, нанесли еще один, чрезвычайно болезненный удар по севрской системе: сближение кемалистов с Советской Россией лишило ее антисоветской основы. Наконец, политические успехи кемалистской власти и ее первые военные победы над греками в начале 1921 г. окончательно разочаровали французов и итальянцев в Севре.

Это не означало, что позиция Парижа и Рима в турецком вопросе претерпела какие-либо принципиальные изменения. Ее колонизаторская сущность оставалась прежней. Не отпала и необходимость придерживаться единого фронта с Англией по многим важным вопросам ближневосточного урегулирования. Эта позиция просто стала более реалистичной, соизмеримой со значительно сократившимся военно-экономическим потенциалом Франции и Италии. Она не исключала и применения агрессивных, интервенционистских методов (французами в Юго-Восточной Анатолии). Правительства этих держав поняли необходимость переориентации со Стамбула на Анкару, надеясь с помощью кемалистов сохранить основные из своих колониальных привилегий в Турции. Но кое-чем все же пришлось поступиться. Охотнее всего они готовы были расстаться с «независимым Курдистаном», в существовании которого в каком бы то ни было виде ни Париж, ни Рим никак не были заинтересованы.

Конечно же, и для Лондона нежизнеспособность севрской системы стала очевидной в то же время, что и для других европейских столиц. В самой Англии, даже в высших эшелонах власти, нарастала критика авантюристической ближневосточной политики Ллойд Джорджа — Керзона. Министр колоний Уинстон Черчилль, реалистически оценивая международную обстановку, писал премьер-министру 22 февраля 1921 г. в связи с планировавшимся новым наступлением греков (после отпора, полученного ими у Инёню): «Возможные последствия крайне неблагоприятны для нас. Турки окажутся в объятиях большевиков; в Месопотамии вспыхнут волнения как раз в тот критический период, когда наша армия в этих краях сокращается; по всей вероятности, нам не удастся удержать за собой Мосул и Багдад без помощи большой и дорогостоящей армии... Армянам придется испытать еще новые бедствия» [5].

Надо думать, что не только критикам, но и критикуемым было ясно, что ситуация в Турции начинает приобретать неблагоприятный для Англии оборот. Однако в Лондоне не спешили делать из этого решительные выводы. Оставались надежды, что

неудачи на Ближнем Востоке преходящи и что имеются реальные шансы на победу интервенции. Самое большое, на что были готовы пойти англичане,— это на всякий случай наладить контакты с кемалистами, дабы получить возможность влиять на их внутреннюю и особенно внешнюю политику.

Ради этого Лондон был готов пойти на частичное исправление Севрского договора, оставив в целостности его сущность. При этом проект создания «независимого» или «автономного» Курдистана заметно потускнел, хотя формально еще оставался в повестке дня. Во всяком случае, Иракский Курдистан, не говоря уже о Иранском Курдистане, был из этого проекта изъят, а курдские владения Турции рассматривались главным образом в плане оказания постоянного давления на Анкару.

Короче говоря, не прошло и полгода после подписания Севрского договора, как встал вопрос о его пересмотре. Первыми проявили сперва негласное, а потом и явное стремление к этому французы и итальянцы, а потом к ним были вынуждены присоединиться и англичане. Решение об этом было вынесено Верховным советом Антанты в Париже 25 января 1921 г., причем на будущую конференцию была приглашена и делегация от Анкары, что означало признание правительства ВНСТ де-факто.

То был зловещий знак для курдов, которым от кемалистов ничего хорошего нельзя было ожидать. Конференция происходила в Лондоне с 21 февраля по 14 марта 1921 г. Наряду с турецким на ней обсуждался и репарационный вопрос. Делегации от Анкары и Стамбула образовали фактически единую турецкую делегацию во главе с министром иностранных дел ВНСТ Бекиром Сами-беем, реакционером и шовинистом, входившим в прозападную оппозицию Кемалю. На Лондонской конференции курдскому вопросу было отведено немалое внимание [6].

Позиция объединенной турецкой делегации по курдскому и армянскому вопросам была изложена Бекир Сами-беем 24 февраля. Турки потребовали восстановления существовавшей границы с Ираном, Арменией и Кавказом. Бекир Сами-бей разъяснил, что турецкая сторона признает границу с Арменией, установленную Александропольским договором от 2 декабря 1920 г., а границу с Ираном — довоенную, установленную в соответствии с «принципом национальностей» [7].

На заседании 25 февраля курдский и армянский вопросы затронули уже представители союзников. Сперва делегации Англии, Франции, Италии и Японии обсудили их между собой, а потом от их имени Ллойд Джордж сообщил турецкой делегации, что события после Севра повлияли на эти вопросы и поэтому они могут быть обсуждены и «окончательно решены на настоящей конференции». Тем самым державы Антанты дали понять, что они идут на уступки Турции, соглашаясь повторно обсуждать будущее Армении и Курдистана. Бекир Сами-бей заявил, что «будущее этих двух стран представляет большой интерес для Турции. поскольку они примыкают к ее восточной

границе», однако он не спешил конкретизировать позицию турецкой стороны, видимо желая выиграть время для маневров и торга.

Ллойд Джордж, однако, настаивал на немедленном рассмотрении этих вопросов. В ответ глава турецкой делегации применил прием, который с тех пор всегда использовали турецкие правящие круги при обсуждении курдской проблемы: его делегация представляла не только Турцию, но и Курдистан, поскольку включала в свой состав и депутатов от курдских районов страны. Тем самым курдский вопрос из международного превращался как бы во внутренний, не подлежащий обсуждению с другими державами. В данном случае маневр Бекира Сами-бея не произвел впечатления на делегатов Антанты, тем более что среди членов делегации ВНСТ не было ни одного депутата из восточноанатолийских вилайетов (сам Бекир Сами-бей представлял Амасью, Джами-бей — Айдын, Хюсрев-бей — Трабзон, Юнус Надибей — Измир, Зеки-бей—Адану) [8]. На следующий день, 26 февраля, курдский вопрос подвергся на конференции специальному отдельному рассмотрению.

От имени союзников выступал британский министр иностранных дел лорд Керзон. Он подтвердил намерение союзников подвергнуть курдские и армянские статьи Севрского договора новому рассмотрению. Основное внимание Керзон уделил выяснению планов турецкой стороны в отношении курдской проблемы. И то было, конечно, не праздное любопытство, а стремление узнать, способны ли кемалисты создать реальную угрозу английской политике в Курдистане.

Бекир Сами-бей пространно изложил взгляды турецкой стороны на курдский вопрос в стране. Он уверял, что курдское население имеет «полное представительство» в ВНСТ, поскольку каждый санджак избирает пять депутатов, представляющих как курдов, так и турок. Курды «всегда заявляли, что они образуют нераздельное целое с Турцией: обе расы объединены общими чувствами, общей культурой и общей религией».

Правда, признал Бекир Сами-бей, после перемирия «небольшое число курдов» хотело отделиться от Турции, и в Константинополе был образован «маленький комитет» во главе с двумя османскими сенаторами (один из них — Шериф-паша). Но этот комитет никого не представлял и руководствовался «скорее личными, чем национальными мотивами». Члены комитета ныне «дезавуированы даже константинопольскими курдами». Правительство Анкары готово принять в Курдистане комиссию для проведения расследования или плебисцита. Новый «органический статус» для вилайетов, который вырабатывает ВНСТ, дает им местную автономию. Во всяком случае, правительство примет принципы местной автономии для районов с «преимущественно курдским элементом», но границы, обозначенные ст. 62 мирного договора, «не соответствуют реальной этнографической ситуации». Западные и южные части вилайетов Мамурет-уль-

Азиз и Диарбекир, особенно санджак Сиверек,— чисто турецкие. В вилайете Диарбекир только округ Дерсим — курдский. Курды наиболее «плотно» населяют вилайеты Битлис, Ван и часть Мосула. Преобладают они также вдоль иранской границы и далее на север. В Мосульском вилайете районы Эрбиля, Алтынкёпрю и Туз-Хурматли населены преимущественно турками.

Догошный Керзон перебил турецкого делегата и спросил его, сколько санджаков имеют курдское большинство и сколько курдских депутатов в ВНСТ, какую часть его они составляют. Бекир Сами-бей отказался сообщить на этот счет точные данные. В качестве примера он привел... себя: будучи черкесом, он был выбран нечеркесами, поэтому турецкие депутаты могут быть выбраны курдами, и наоборот. В ВНСТ пропорция курдов выше, чем она существует в стране, заявил совершенно голословно Бекир Сами-бей.

Однако сбить Керзона с его позиции не удалось. Он заявил, что османское правительство должно дать автономию вилайетам с курдским большинством и точно определить их границы. На это Бекир Сами-бей ответил, что автономия будет предоставлена не только курдским, но и вообще всем вилайетам, которые будут иметь собственный бюджет и самоуправление, т. е. будет проведена широкая децентрализация. На замечания Керзона, что это только местное самоуправление, которое ничего не дает «курдам как курдам», глава турецкой делегации ответил, что курды ничего больше не желают, как жить с турками как с братьями; между курдами и турками различий не больше, чем между англичанами и шотландцами [9].

Итак, обсуждение курдского вопроса на Лондонской конференции четко определило позицию сторон. Кемалисты, рупором которых в области национальной политики выступал Бекир Сами-бей (хотя в других вопросах, особенно внешнеполитических, он возглавлял правую, проимпериалистическую оппозицию Кемалю), высказались против национального самоопределения курдов, т. е., следовательно, за аннулирование соответствующих статей Севрского договора [10]. Антанта, от имени которой говорил главным образом Керзон, формально оставалась на прежней позиции — курдам должна быть предоставлена автономия. Однако на самом деле даже из этих первоначальных прений выходило, что державы Антанты готовы идти туркам на уступки именно в курдском и армянском вопросах. Об этом говорила и сама готовность дипломатии союзников обсуждать возможность пересмотра соответствующих статей Севрского договора, и отсутствие у британских делегатов всякого упоминания об объединенном или независимом Курдистане. Реплики Керзона, весь ход обсуждения подводили к тому, что союзники удовлетворятся внутренней автономией для турецких курдов, т. е. самой низшей ступенью самоопределения. Глава турецкой делегации сразу уловил готовность союзников пожертвовать курдами, поэтому позволил себе занять в переговорах по курдскому вопросу

столь вызывающую позицию. Более того, Бекир Сами-бей понял, что Антанта может пойти и на дальнейшие уступки. И в этом он не ошибся.

Еще до открытия Лондонской конференции в «Форин офисе» начало складываться мнение о необходимости изменений в официально провозглашенной Севром курдской политике. В меморандуме, направленном 17 февраля 1921 г. сотрудником Восточного департамента МИД Осборном видному дипломату Гарольду Никольсону, выражалось сомнение, «может ли Англия принимать на себя какие-либо обязательства по отношению к курдам», когда оказались трудновыполнимыми обязательства по отношению к арабам. Осборн вопрошал, действительно ли курды хотят автономии и достаточно ли они объединены, чтобы надеяться на успех, и обладают ли они хоть какой-то автономией под турецкой властью. «Во всяком случае,— писал он,— никакая армяно-курдская комбинация не кажется желательной или осуществимой». Надо изъять курдские части из нового текста предстоящего мирного договора с Турцией или заменить их обязательством Турции предоставить курдам «какую-то форму местной автономии», если такая просьба поступит после изучения вопроса Лигой наций [11].

Во время Лондонской конференции курдский вопрос, видимо, поднимался неоднократно и сам по себе, и в связи с другими ближневосточными вопросами. В предложениях, выработанных к концу конференции и представленных 11 марта 1921 г., союзники объявили себя готовыми, что касается Курдистана, «рассмотреть изменение договора (Севрского.— *М. Л.*) в смысле приспособления к существующим фактам ситуации». Это означало фактический отказ от требования по меньшей мере курдской независимости; Антанта готова была удовлетвориться автономным режимом для курдских вилайетов Турции, причем скорее на бумаге, чем на деле.

Однако, как писал Темперлей, на Лондонской конференции «были поставлены на карту... территории более жизненного значения», чем Курдистан [12]. И карта эта была бита. Попытка умиротворить кемалистов и, модернизировав Севрский договор, оставить его суть провалилась. Компромисса не получилось, ибо ни одну из сторон не устраивали условия договора. Для турок они были слишком незначительными, неадекватными достигнутым ими в последние месяцы военным и политическим успехам, для греков же они таили опасность утраты завоеванных позиций. Ничего не добились и державы Антанты, ибо их раздирали глубокие разногласия (лишь слегка сглаженные общими интересами в репарационном вопросе, который британской дипломатии удалось связать с ближневосточным). Англия не захотела склонить греков к уступкам, ибо лелеяла мечту о перемене военного счастья в их пользу. И ничего не могла поделать с турками, которым как раз в период работы Лондонской конференции удалось значительно укрепить свое внешнеполитическое положение,

что нанесло серьезнейший удар по всей ближневосточной стратегии, в первую очередь британской.

В первой половине марта 1921 г., в период работы Лондонской конференции, правительство Анкары заключило ряд международных соглашений, ознаменовавших важный этап в международно-правовой легализации нового режима в Турции. Почин положил договор о дружбе и союзе между Турцией и Афганистаном, заключенный 1 марта в Москве. Турция, таким образом, обзавелась первым союзником на Ближнем и Среднем Востоке. Символично и место заключения этого договора.

9 марта в Лондоне Бекир Сами-бей подписал с французским министром иностранных дел Брианом вне рамок конференции широкое военное, политическое и экономическое соглашение, по которому Франция в обмен на прекращение своего военного присутствия в Киликии и прилегающих районах Юго-Восточной Анатолии сохраняла там свои преобладающие экономические позиции и возможности оказывать политическое влияние. Соглашение содержало также описание турецко-сирийской границы [13]. Нетрудно заметить, что как в географическом, так и в политико-экономическом аспекте это соглашение затрагивало и Юго-Западный Курдистан. Курдский вопрос впервые стал темой непосредственных турецко-французских переговоров, а французы получали доступ к обширным и богатым курдским районам.

Аналогичное соглашение, но касающееся главным образом Южной и Юго-Западной Анатолии, было подписано в Лондоне Турцией с Италией (13 марта) [14]. Одновременно с Англией было достигнуто соглашение об обмене военнопленными.

Все эти соглашения, подписанные в Лондоне Бекир Сами-беем, были отвергнуты ВНСТ как выдержанные в духе Севра и наносящие прямой ущерб Турции, а сам глава турецкой делегации, пытавшийся в Лондоне сговориться с Антантой на антисоветской платформе, был дезавуирован и вскоре уволен в отставку. Однако «это обстоятельство отнюдь не лишало их (соглашения.— *М. Л.*) солидной доли политического значения» [15]. Они безусловно укрепили международный престиж анкарского правительства, а кроме того, углубили трещины в антитурецком фронте Антанты, усилили изоляцию Англии.

Наибольшее же значение для новой Турции в этот критический период ее становления, когда дипломатический и политический натиск Антанты сочетался с военной интервенцией, имел договор «о дружбе и братстве» между Турцией и РСФСР, подписанный в Москве 16 марта 1921 г. и заложивший основы советско-турецких отношений на весь последующий, продолжающийся до наших дней период истории обеих стран.

Так или иначе, но Лондонская конференция в ее ближневосточной части (как, впрочем, и германской) оказалась безрезультатной. Объективно наибольший ущерб понесла Англия, поскольку ей не удалось дипломатическими средствами приостановить процесс развала Севрской системы. Ущерб, понесенный

главными союзниками Англии, был значительно меньше, ибо, во первых, они не были так, как Англия, заинтересованы в сохранении Севра, а, во-вторых, им удалось установить взаимовыгодные связи с Анкарой. Для кемалистов же условия мира, представленные в Лондоне, вообще были неприемлемы, ибо они принципиально не отличались от севрских. Основная борьба за независимость Турции была еще впереди.

Казалось бы, провал Лондонской конференции возвращал курдский вопрос на исходные позиции к вящему удовлетворению Англии, инициатору создания независимого Курдистана, что послужило бы для Лондона частичной компенсацией за его неудачи на Ближнем Востоке. Однако, как уже говорилось, к началу 1921 г. ценность этой идеи для Англии, не говоря уже о ее союзниках, значительно поблекла, что и показала Лондонская конференция. Анкара же смогла занять твердую позицию в курдском вопросе, чему способствовали не только соглашения с Францией и Италией, но еще больше — договор с Советской Россией, обеспечивший безопасность восточных границ страны.

Итак, на Лондонской конференции прозвучали первые удары похоронного колокола по независимому Курдистану, хотя формально дело обстояло иначе. Союзники подтвердили основные положения Севра. В изложении Мустафы Кемаля по национальному вопросу эти предложения выглядели так: «Предложения от марта 1921 г.: союзные державы, в сответствии с вновь создавшимся положением, заявляют о своей готовности внести по этому вопросу соответствующие изменения в Севрском договоре, однако при условии, что Турция со своей стороны изъявит готовность отнестись благожелательно к местной автономии и в должной мере обеспечит курдские, айсорские и халдейские интересы» [16].

Фактически же державы Антанты не собирались больше активно бороться за интересы турецких меньшинств, и в первую очередь курдов; кемалисты это отлично усвоили. Примечательная беседа состоялась между Ллойд Джорджем и Бекир Сами-беем сразу после окончания Лондонской конференции, 16 марта, в здании палаты общин. Британский премьер, говоря об уступках, которые Англия готова сделать Турции, назвал Курдистан и Армению. Со своей стороны, Бекир Сами-бей заявил, что Месопотамия — «недорогая цена за британскую дружбу», и прибавил, что Анкара не намерена причинять Англии неприятности в Мосуле [17]. Последнее было явной отсебятиной, граничившей с предательством (что и привело к дезавуированию Бекира Сами-бея), ибо именно притязания Анкары на Мосул становились в фокусе англо-турецкого дипломатического противоборства. Однако достигнутая в Лондоне фактическая договоренность о нежелании ломать копья из-за турецких курдов соответствовала интересам обеих сторон.

В таком примерно духе и развивались отношения между Лондоном и Анкарой по курдскому вопросу в Турции вплоть до Лозанны и дальше. Кемалисты твердо стояли на своем: между турками и курдами нет существенной разницы, и полный суверенитет турецкого государства должен распространяться на территории Восточной Фракии, Малой Азии и Восточной Анатолии, «где население в большинстве турецкое или курдское»[18]. Англичане, в общем, не возражали против такой концепции и даже не прочь были показать готовность пойти на уступки туркам в территориальном аспекте курдского вопроса. Британский посол и верховный комиссар в Стамбуле Гораций Рамболд в беседе с вице-президентом османского Красного Креста Кемалем Хамид-беем говорил о возможности «модификации границы в пользу Турции в преимущественно курдских районах, лежащих к востоку от Евфрата»[19]. О курдской «независимости» или «автономии» в британской дипломатической почте после Лондонской конференции уже нет ни одного упоминания.

В течение всего 1921 и в начале 1922 г. британская дипломатия в ближневосточном вопросе стояла в основном на платформе Лондонской конференции. Не теряя надежды на победу греков, а после поражения последних 31 марта — 1 апреля 1921 г. («второе Инёню») и в битве на реке Сакарье (23 августа — 13 сентября 1921 г.), уповая на неспособность турок одержать решительную победу и окончательно изгнать интервентов из своей страны, англичане рассчитывали так или иначе навязать Турции и своим союзникам слегка видоизмененный и модернизированный Севр. При этом суть Севра — полуколониальная зависимость Турции — должна быть сохранена. Но, конечно, по мере ослабления своих позиций в Турции Англия должна была идти на определенные уступки, которые прежде всего касались восточноанатолийских меньшинств.

Керзон, например, писал британскому послу во Франции лорду Гардингу об английских предложениях по пересмотру Севра как «базе для дискуссии». В чем суть этих предложений, основанных на решениях Лондонской конференции, понять трудно, шеф «Форин офис» изъяснялся крайне невразумительно. Но одно из этого документа видно ясно: в Лондоне несомненно охладели к армянскому вопросу, а о курдском вообще не считали нужным упоминать, имея в виду будущие и неизбежные переговоры[20].

Правда, в отношении одного аспекта курдской проблемы английская сторона с самого начала старалась внести ясность. Речь идет о Мосуле. Англичане отвергали всякие притязания турок на Мосульский вилайет. Рамболд разглагольствовал о «моральных обязательствах перед курдами и христианами Мосульского вилайета»[21]. В связи с поражениями греков в «Форин офис» стали выражать опасения насчет возможности переключения внимания кемалистов на северную Месопотамию с целью возвращения Мосула. Говорили, что британское правительство в этом районе может быть поставлено в такое же положение, как Франция в Киликии[22].

На самом деле положение Англии было хуже, ибо она накрепко связала свою политику в турецких делах с безнадежным делом удушения чужими руками турецкой национально-освободительной революции. Франция (как и Италия), как было сказано, еще на Лондонской конференции пыталась отмежеваться от такой политики. И хотя враждебность французских империалистов к национально-освободительному движению народов Турции была, разумеется, не меньше, чем английских и любых иных, в данном случае корыстные колониальные интересы Парижа и межимпериалистическое соперничество перевесили. Париж продолжал, несмотря на все препоны, держать курс на сближение с кемалистами, что и привело к заключению в Анкаре 20 октября 1921 г. французским уполномоченным Франклен-Буйоном сепаратного франко-турецкого мирного договора.

Этот так называемый «договор Франклен-Буйона» был важной вехой на пути крушения Севрской системы на Ближнем Востоке, ибо знаменовал собой фактический распад антитурецкого фронта Антанты, сформировавшегося в начале первой мировой войны и основательно подорванного после ее окончания. Согласно договору, состояние войны между Францией и Турцией прекращалось. Франция отказывалась от Севрского договора и признавала правительство Анкары. Окончательно устанавливалась турецко-сирийская граница. Киликия отходила к Турции, а Александретта (Искендерун) — к Сирии (на правах частичной автономии), причем Франция эвакуировала Киликию и районы к северу от турецко-сирийской границы. Отрезок стратегически важной Багдадской железной дороги от Чобанбея до Нусайбина оставался за Турцией, которая получала право совершать военные перевозки и по ее участку, проходившему по территории Сирии. Французский капитал получал ряд привилегий в Юго-Восточной Анатолии, но их колониалистское содержание было значительно ослаблено в сравнении с соглашением 9 марта[23].

Франко-турецкий договор 20 октября 1921 г. имел прямое отношение к курдскому вопросу и в общем плане, поскольку он выводил одного из главных членов Антанты из Севрской системы и, стало быть, обрекал сам Севрский договор с его курдскими статьями на неминуемый крах, и в местном, региональном аспекте, ибо непосредственно касался Юго-Западного Курдистана. Договор окончательно утверждал французское господство в его сирийской части и укреплял военно-политические позиции кемалистского правительства в южных районах Турецкого Курдистана. Одновременно Турция получила возможность существенно улучшить свои военно-стратегические позиции на границах Южного Курдистана.

Договор Франклен-Буйона непосредственно повлиял на судьбу курдской проблемы и, так сказать, с другой стороны. Он нанес очередной сильнейший и непоправимый удар по британской политике в Турции и соответственно сделал беспредметными всякие дальнейшие разговоры о независимом или автономном Курдистане.

Англия резко, но тщетно протестовала против этого договора. Черчилль в меморандуме кабинету сообщал, что во время переговоров Франклен-Буйона в Анкаре французы обещали облегчить переброску турецких войск по киликийскому участку Багдадской железной дороги в Курдистан (очевидно, в Южный), чтобы облегчить Мустафе Кемалю давление на Англию. Министр колоний сомневался в достоверности этой информации, но в то же время считал возможным этот «недружественный акт» Франции. Французы, продолжал полный подозрений Черчилль, обеспечивают свои интересы за счет Англии. Они сердиты на Фейсала и хотят чинить ему (и Англии) затруднения в Ираке. По мнению сэра Уинстона, ситуация была очень серьезной, и следовало оказать давление на Францию [24].

Керзон полностью разделял опасения министра колоний. Он потребовал от французов изменить статью договора Франклен-Буйона о возвращении Турции районов Нусайбина и Джазира-ибн-Омара, которые имеют большое стратегическое значение, а также участка железной дороги от Чобанбея до Нусайбина. Во всяком случае, настаивал Керзон, по этим вопросам следует проконсультироваться с Англией [25].

Французы поспешили успокоить своего британского союзника. Керзон получил уверения, что договор с турками не причинит вреда Англии. По участку Багдадской дороги, проходящему по территории Сирии, французские власти не пропустят никакого транспорта, который сможет угрожать Месопотамии. И вообще не будет допущено никакой угрозы территории, находящейся под британским мандатом [26].

Несмотря на все эти уверения, франко-турецкий договор ухудшил межсоюзнические отношения в связи с турецким вопросом. Эвакуация итальянцами Антальи осенью 1921 г. усугубила разногласия в Антанте по турецкому вопросу и укрепила позиции кемалистов. «После Ангорского соглашения (договора Франклен-Буйона.— *М. Л.*) не могло уже быть речи не только о сохранении Севрского мира, на что все еще питались некоторые надежды и в Афинах, и в Лондоне, но и о пересмотре его в тех узких рамках, которые в марте наметила Лондонская конференция» [27]. «По существу, Франция своей ангорской политикой освободилась от обязательств договора Сан-Ремо, Севрского мирного договора и от конвенции 23 декабря 1920 г.»,— писал Гофман [28].

Известный в то время французский публицист Морис Перно уже на исходе восточного кризиса писал: «Мы не будем больше экспериментировать ни с автономным Курдистаном, ни с независимой Арменией» [29]. Это запоздалое признание (с примесью саморазоблачения) не может скрыть того факта, что политика Франции, как и ее союзников, была всегда враждебна этническим меньшинствам Турции, в том числе и курдам. Так было и во время Севра, и в период франко-кемалистского сближения в 1921 г. Договоренности французов с кемалистами еще более усугубили трудности, стоявшие перед курдским национальным движением в Турции, ибо конкретно помогли Анкаре стабилизировать и укрепить свои военно-политические позиции в восточноанатолийских вилайетах и значительно затруднили естественные связи между турецкими и сирийскими курдскими племенами. Фактически в лице «французской» Сирии турецкий Курдистан получил враждебный тыл.

Вообще для Франции курдский вопрос не имел такого значения, как для Англии; традиционно французские колонизаторы делали ставку больше на христианские меньшинства в странах Леванта. Вынужденный отказ Франции от соглашения Сайкс — Пико и, следовательно, от приобретений в Южном и Юго-Западном Курдистане ослабил ее заинтересованность в поддержке курдского населения. Для Франции курдский вопрос с 1920 г. ограничился локальными рамками Сирии и ее экономическими интересами в Восточной Анатолии и Северном Ираке.

Правда, влиятельные ультраимпериалистические круги Франции, возглавлявшиеся Раймоном Пуанкаре (с начала 1922 г.— премьер-министр), были недовольны уступками, сделанными кемалистам. В них они увидели существенный ущерб колониальным интересам Франции на Ближнем Востоке. Кроме того, эти круги опасались, что ссора с Англией по поводу турецких дел ослабит позиции Франции в германском вопросе (что вскоре и произошло). В адрес предыдущего министерства Бриана прозвучала резкая критика [30].

Типична статья популярного тогда журналиста Огюста Говена в «Журналь де Деба» 31 января 1922 г., в которой был затронут и курдский вопрос. Возмущаясь тем, что французское правительство предало восставших против турецкой власти курдов, которых ранее заверило, что не эвакуирует территории, отданные Франции по Севру, Говен писал: «Вот что должно поднять престиж Франции на Востоке. Мы не знаем примеров подобной низости во всей нашей истории. Господа Бриан, Франклен-Буйон и компания отдают французское военное имущество для порабощения тех, кому Франция спокон веков покровительствовала. Франция на Востоке — жертва не чужих интриг, а ошибок своих дурных пастырей» [31].

Однако переиграть неумолимый ход событий на ближневосточной арене министерству Пуанкаре было не под силу. Приходилось искать компромисса с Англией, дабы избежать растущей дипломатической изоляции Франции; начался неизбежный процесс пересмотра Севра; «союзнические точки зрения на турецкий вопрос, так резко разошедшиеся, должны быть вновь согла-

сованы»[32]. Одна из попыток восстановить подорванное единство в лагере Антанты по турецкому вопросу была предпринята на Парижской конференции министров иностранных дел Англии, Франции и Италии (22—26 марта 1922 г.).

На этой конференции курдский вопрос нашел свое отражение лишь в качестве дополнительного аргумента в дипломатической схватке сторон. Пуанкаре, заявив, что французское общественное мнение выступает против особых предпочтений грекам, спросил: «Почему для них должен быть установлен специальный режим, а не для курдов, армян и т. д.?»[33]. Со своей стороны Керзон предложил, чтобы союзники обеспечили себе постоянное право вмешательства в районах наиболее острых межнациональных конфликтов и с этой целью назначили комиссаров, полномочия которых должны распространяться на «нетурецких мусульман в Турции, т. е. на курдов» и на мусульман Восточной Фракии[34]. Наконец, походя ситуация в Турецком Курдистане была упомянута на конференции в связи с «ассиро-халдейским вопросом», который Пуанкаре поднял было больше в пику англичанам по просьбе ассирийского военачальника Ага-Путруса, поссорившегося с английскими властями в Ираке и проживавшего в ту пору в Париже[35]. Ага-Путрусу рекомендовано было положиться на «добрые услуги» Керзона и министра иностранных дел Италии Шанцера. Керзон и Шанцер обещали заняться этим вопросом и, разумеется, положили его в долгий ящик[36]. Больше о курдах и Курдистане на Парижской конференции не упоминали.

Решения Парижской конференции, подробно изложенные в меморандуме от 26 марта 1922 г., недалеко ушло от решений Лондонской конференции. Уступки, сделанные туркам, носили скорее декларативный, чем фактический характер, не говоря уже о том, что они были адресованы дышавшему на ладан султанскому правительству. Греки сохраняли приз за агрессию, хотя и в урезанном виде. Короче, англичанам, надеявшимся если не одержать победу над кемалистами, то хотя бы удержать захваченные руками греков позиции, удалось отсрочить радикальный пересмотр Севра, в чем им пошел навстречу Пуанкаре, противник прокемалистской политики своего предшественника Бриана.

Союзники, желая сохранить главное — версальско-севрский дух будущего мирного договора с Турцией, кое-чем все же вынуждены были поступиться. И первым был выброшен за борт пункт о самоопределении курдов — о нем в меморандуме ни слова. Об армянах союзники все же вынуждены были упомянуть, но сделали это в никого и ничему не обязывающей форме: «Положение армян должно быть особо принято во внимание как ввиду обязательств, взятых на себя союзными державами во время войны, так и ввиду понесенных этим народом жестоких страданий»[37]. Ясно, что это упоминание—не более чем дань традиции. Что же касается курдского вопроса в Турции, то Парижской конференцией 1922 г. можно датировать не только фактическое, но и формальное исключение его из повестки дня ближневосточного мирного урегулирования. По сути дела, и армянский вопрос был списан в архив, хотя громогласно заявить об этом союзники не решались.

Парижская конференция по ближневосточному вопросу, как и предыдущая Лондонская, не дала никаких результатов прежде всего потому, что преследовала несбыточную цель — во что бы то ни стало сохранить основу Севрской системы. События на ближневосточной арене разворачивались вопреки Севру, хотя Англия упорно не желала с этим считаться, надеясь, что кемалистов удастся сдержать, остановить. Позиции же правительства ВНСТ, напротив, несмотря на порой напряженное положение на фронтах, неизменно укреплялись. Этому в большой мере способствовала Советская Россия, оказывавшая возрождавшейся Турции не только морально-политическую и дипломатическую, но и непосредственно военную помощь. Советско-турецкие отношения получили дальнейшее развитие в результате подписания 13 октября 1921 г. в Карсе договоров между Турцией и закавказскими советскими республиками. Карсский договор окончательно стабилизировал обстановку на турецко-кавказской границе и, кстати говоря, значительно затруднил возможность империалистических интриг в армяно-курдском регионе. Подписанием договора между Турцией и Украинской ССР 2 января 1922 г., во время пребывания в Анкаре миссии М. В. Фрунзе, было завершено становление советско-турецких отношений на их первоначальном этапе.

Мосульский и курдский вопросы на Лозаннской конференции

Решающее слово в затяжном ближневосточном кризисе сказали пушки. В конце августа — начале сентября 1922 г. греческая армия была наголову разбита, и в считанные дни вся Анатолия была очищена от интервентов. Победа национально-освободительного движения в Турции была полной и окончательной, поражение интервентов — тяжелым и непоправимым. 11 октября перемирием, подписанным в Муданье, был положен конец войне. Настало время переговоров, призванных наконец-то завершить растянувшийся на четыре с лишним года процесс мирного урегулирования между Турцией и державами Антанты. Дело шло, таким образом, к закрытию знаменитого «Восточного вопроса», сыгравшего столь большую роль в истории международных отношений.

Впервые за два с четвертью века существования этого вопроса положение Турции выглядело благоприятным. На международной конференции, она предстала уже не в привычном облике «больного человека», а как страна, только что совершив-

шая победоносную революцию, изгнавшая со своей территории завоевателей, во всех отношениях находившаяся на подъеме. Главный традиционный враг Турции — Россия превратилась в друга, что значительно укрепило позиции Турции в ее международных связях. Во внутриполитическом аспекте был окончательно решен вопрос о власти. 1 ноября 1922 г. был ликвидирован султанат, а вместе с ним и правительство «Высокой Порты». Оставленный пока халифом Абдул-Меджид был только религиозным символом, да и дни его были сочтены. Кемалистское правительство ВНСТ превратилось в единственного и безраздельного хозяина страны. Год спустя, в октябре 1923 г., Анкара и формально была провозглашена столицей, а Турция — республикой. В начале марта 1924 г. был ликвидирован халифат.

Вчерашние же противники Турции, севшие с ней 20 ноября 1922 г. за стол переговоров в Лозанне, выглядели не лучшим образом. Особенно большой ущерб потерпела Англия. Ее политика в Турции лежала в руинах, а главный вдохновитель Севра и похода на Анкару Ллойд Джордж вынужден был в октябре 1922 г. покинуть (и навсегда) политическую сцену. Франция, озабоченная германскими делами, должна была удовлетвориться программой-минимум, воплощенной в договоре Франклен-Буйона, и не могла предъявлять Турции больших требований. Не была серьезным противником и Италия, убравшаяся подобру-поздорову из Анатолии и переживавшая в связи с захватом в стране власти фашистами острейший внутриполитический кризис. Все это позволяло турецкой делегации во главе с Исмет-пашой (Инёню) уверенно держаться в Лозанне.

И все же положение Турции на Лозаннской конференции было не из легких. Хотя и победоносная, но отсталая, полуфеодальная страна, воевавшая почти непрерывно с 1911 г., истощившая экономические и людские ресурсы, противостояла сильнейшим державам Запада, которые, невзирая на раздиравшие их противоречия, были заинтересованы в консолидации своих рядов ради сохранения экономических и военно-политических позиций на Ближнем Востоке. Предстояли острые дипломатические схватки, в ходе которых главным противоборствующим сторонам — Турции, Англии и Франции, равно заинтересованным в заключении прочного мира, приходилось идти на компромисс, делая вынужденные, порой довольно существенные уступки. Переговоры на Лозаннской конференции, длившейся с почти трехмесячным перерывом 8 месяцев, были долгими и упорными. Они и непосредственно, и косвенно касались судеб Курдистана и курдов, национальными интересами которых, как водится, пренебрегли.

Собственно курдский вопрос на Лозаннской конференции не ставился. Как отмечалось выше, уже в 1921 г. союзники фактически отказались от требования национального самоопределения курдов. Это признается и в западной литературе. Дж. Дарвин пишет, например, что под влиянием изменившейся обстанов-

ки Керзон готов был отдать Турции контроль над «автономным Курдистаном»[38]. Здесь правильно отмечено, что и в недолгую «севрскую эпоху» национальное самоопределение курдов практически ограничивалось англичанами только рамками Турецкого Курдистана. Когда же встал вопрос о пересмотре Севра, отказ от лозунга независимого (или автономного) Курдистана означал отказ от принципа национального самоопределения для всех курдов. Отныне курдский вопрос возвращался как бы на исходный пункт: из проблемы, получившей международно-правовое признание и санкционированной Лигой наций, он вновь становился вопросом, помещавшимся в локальных рамках каждого из государств, разделивших Курдистан, оставаясь их внутренним делом. Именно в таком качестве он становился объектом международных отношений. На Лозаннской конференции курдский вопрос рассматривался главным образом как составная часть весьма наболевшего мосульского вопроса.

Еще до открытия Лозаннской конференции (и даже еще до подписания Муданийского перемирия) англичане поставили вопрос о Мосуле жестко и определенно: вилайет должен принадлежать Ираку, и никому иному. Британский генерал Чарльз Гарингтон, главнокомандующий союзных сил в Стамбуле, во время военной тревоги, вызванной стремительным продвижением кемалистской армии к Проливам (так называемый Чанакский кризис)[39], сообщил Кемалю, что Англия не предпримет никаких шагов к миру, если турки будут продолжать враждебные действия «против Курдистана и Ирака»[40]. После подписания перемирия в Муданье, 19 октября 1922 г., в меморандуме британского генштаба отмечалось, что ситуация в Ираке должна быть стабилизирована «на нынешнем уровне» и уступка Турции хотя бы части Курдистана и Мосульского вилайета будет иметь неблагоприятные последствия для иракской армии и имперского гарнизона. Турок надо держать на расстоянии от Багдада. Амадия должна оставаться в Ираке, а ее ассирийское население следует использовать в качестве заслона против турецкой агрессии[41].

В период непосредственной подготовки к Лозаннской конференции Лондон отстаивал в принципе такую же позицию, лишь слегка ее конкретизировав. В числе условий будущего мирного договора с Турцией, на которых Англия безусловно настаивала и которые, как Англия была «абсолютно убеждена», будут поддержаны ее союзниками («Категория А»), Керзон перечисляет: VI. Границы Сирии и Ирака должны быть сохранены, но мандатарии могут согласиться на рассмотрение «местных исправлений». VII. «Никакие изменения не могут быть допущены» в отношении подмандатных территорий Сирии, Ирака и Палестины. Что касается условий, которые желательны, но по которым возможны дискуссии («Категория Б»), у Керзона значится: 1. Меньшинства в Азии: «Насколько возможно соблюдение мартовских резолюций»[42], т. е. решений Парижской конференции,

призывавшей «принять меры к защите мусульманских и христианских меньшинств как в Европе, так и в Азии» [43].

Эти условия британского правительства были полностью приняты в Париже. Пуанкаре сказал, что он «почтет за честь» поддержать Англию в вопросе о Мосуле, а также в проблеме меньшинств [44].

Итак, намерения англичан и поддерживавших их в вопросе об иракском мандате французов были ясны: ни под каким видом не допускать посягательств турок на Мосульский вилайет, а проблему курдов и других этнических меньшинств Турции утопить в широковещательных и ни к чему не обязывающих декларациях.

Последнее вполне устраивало Анкару. Во время работы Лозаннской конференции турецкая делегация много раз имела возможность убедиться, что державы Антанты не имеют намерения под видом заботы о самоопределении турецких меньшинств поощрять сепаратизм и расчленить в будущем страну. Но мосульский вопрос стал камнем преткновения между Англией и Турцией, главным препятствием для выработки согласованных решений по мирному урегулированию.

Казалось бы, все козыри в возникшем на Лозаннской конференции ожесточенном споре из-за Мосула были у англичан. Они *уже* владели Мосулом, захватив его по праву войны и санкционировав этот захват межсоюзническим соглашением в Сан-Ремо. Турки же идти на военный конфликт с Англией из-за Мосула не могли; оставалось разве что агитировать среди курдских племен Северного Ирака и снабжать их оружием и амуницией, что они и делали. Этого, конечно, было мало, чтобы завладеть Мосулом. Однако некоторая контригра у турок все же была. Кемалисты сумели воспользоваться выгодным международным положением, в котором очутилась их страна вследствие блистательной победы над интервентами. А бывшие главные противники Турции Англия и Франция не менее нуждались в окончательном мирном урегулировании на Ближнем Востоке, в закрытии «Восточного вопроса», чем она сама. Поэтому турецкая дипломатия смогла успешно сыграть на своей неуступчивости в мосульском конфликте, чтобы добиться уступок от держав Антанты в некоторых важных для Турции вопросах. При этом как турецкая, так и противостоявшая ей в мосульском конфликте английская дипломатия в качестве главного аргумента прибегли к самому широкому манипулированию курдской проблемой в Северном Ираке.

«Турецкие националисты настаивали, что так как жители Мосула — курды, то по праву самоопределения наций [45] область эта должна принадлежать Турции»,— писал Мун [46]. Притязания на Мосул глава турецкой делегации на Лозаннской конференции Исмет-паша открыто выдвинул, кажется, 27 ноября, приведя, по словам Керзона, этнические и прочие доводы, «которые нетрудно опровергнуть». Керзон ответил категорическим «нет» [47].

Убедившись, что «фронтальной атакой» на английскую делегацию Мосул ей не добыть, турецкая делегация прибегла к обходным маневрам. В беседе с Керзоном второй турецкий делегат Риза Нур-бей предложил сделку: Турция готова разорвать с Советами, если англичане отдадут Мосул. Были выставлены аргументы этнические (которые Керзон категорически отверг), исторические (многовековая связь Мосула с Турцией), экономические и, наконец, постановления «Национального обета». Министерство колоний высказалось против: потеря Мосула «влечет потерю Багдада, всего Ирака и конечное поражение британской политики на Востоке».

Керзон, однако, считал предложенную турками сделку заманчивой. Он запросил мнение экспертов «Форин офиса» насчет следующего компромисса: следует пойти навстречу турецким желаниям, предложив им «курдскую часть Мосульского вилайета» — по линии гор, включая Кой-Санджак, Равандуз и Сулейманию, оставив Ираку Амадию (для ассирийцев), Мосул, Эрбиль, Киркук и равнину, населенную арабами. Багдадское правительство согласно на это. Следует запросить мнение министерства колоний. Туркам можно посулить какую-то долю участия в мосульской нефти [48].

Информация Керзона и его соображения по поводу компромисса были обсуждены специальным комитетом британского кабинета в присутствии представителей генштаба, штаба ВВС и министерства колоний. Единодушно Керзону отказали в поддержке предложения принять турецкие требования. Комитет отверг также предложенный Керзоном компромисс по следующим причинам:

1. Эта уступка ослабит позиции британской делегации на лозаннских переговорах. Турки же ее вряд ли примут. «Им нужны города с говорящим по-турецки населением, а не дикие курдские холмы, которые принесут им больше затруднений, чем выгод». Следует отстаивать нынешние границы Ирака.

2. Сомнительно, чтобы надолго удалось сохранить этот компромисс, если даже турки на него пойдут. Они все равно будут требовать города с туркоязычным населением, их влияние будет усиливаться, и они легко смогут перерезать коммуникации между Мосулом и Багдадом по линии Кифри — Киркук — Алтынкёпрю — Эрбиль.

3. Для коммуникаций между Мосулом и Багдадом на протяжении 200 миль будет существовать угроза со стороны горных племен.

4. Турки не смогут установить эффективный контроль над курдскими районами, но и англичане потеряют средства воздействия на них, разве только дипломатические.

5. Окажутся под угрозой линии связи между Багдадом и Ираном через Кызыл-Рибат и Ханекин.

6. Раздел Южного Курдистана породит различные административные трудности.

7. Потребуется значительное усиление местных гарнизонов.

Словом, это предложение «не содержит элементов реального компромисса». В случае его принятия турками англичане потеряют в конце концов весь Мосульский вилайет [49].

Споры о Мосуле не раз возобновлялись на Лозаннской конференции. Около 12 декабря 1922 г. Исмет-паша заявил Керзону, что не вернется в Анкару без Мосула. Керзон решительно отклонил эти притязания, сославшись на то, что их нет в первом пункте «Национального обета» [50]. Этим он хотел сказать (и не без основания), что Мосул ни этнически, ни исторически не является турецкой национальной территорией.

Дней десять спустя разговор повторился, и снова не было достигнуто взаимопонимания; стороны остались на старых позициях. На этот раз Керзон прибег к угрозам. Его правительство, объявил он, хотело бы избежать нарушения мира, которое могло бы произойти в случае «военных движений в направлении Мосула и возможных коллизий в том районе». Керзона энергично поддержали французский делегат Бомпар, а также итальянский и японский делегаты. Однако на Исмет-пашу этот нажим не произвел должного действия. Керзон вынужден был признать: «Я мог бы с равным успехом обращаться к египетскому сфинксу или к мумии Тутанхамона» [51].

С глазу на глаз Керзон и Исмет-паша не смогли найти никаких точек соприкосновения по мосульскому вопросу. Одновременно с конфиденциальными беседами о судьбе Мосула они начали обмениваться (в конце декабря 1922 г.) на этот счет меморандумами с изложением своих точек зрения, призванными воздействовать на другие делегации конференции. Эти меморандумы не произвели особого впечатления на делегации и ни на шаг не продвинули англо-турецкий спор из-за Мосула [52].

23 января 1923 г. было напряженным днем в работе Лозаннской конференции. Он целиком был посвящен мосульскому и курдскому вопросам. Обсуждение началось с пространной речи Керзона, в которой была изложена аргументация британской стороны.

Вся Месопотамия была оккупирована во время войны британскими войсками, начал глава «Форин офис». Мы обещали народам страны освобождение от турецкого гнета. (Аналогичное обещание было дано шерифу Мекки Хусейну, выступавшему от имени всех арабов). После победы надо выполнять это обещание. Вопреки утверждению Исмет-паши население Мосула, равно как Багдада и Басры, выразило желание жить в целом и нераздельном Иракском государстве.

Далее, после ссылок на Версаль, Сан-Ремо и Севр, Керзон заявил, что избрание Фейсала королем означало включение Мосульского вилайета в королевство Ирак, сославшись на заключенный с Фейсалом в октябре 1922 г. договор о неуступке какой-либо части иракской территории.

В Мосуле размещены не английские, а местные войска и леви (в Курдистане — только курдские и ассирийские леви), продолжал Керзон. Остановившись далее на этнической статистике, основанной на данных, собранных английскими политическими офицерами в 1917 г. (см. об этом Примечание 57 к гл. VI), Керзон, ссылаясь на собственные наблюдения, особое внимание уделил этническим различиям между турками и курдами. Последние, отметил он, всегда вели «независимую жизнь», а турки никогда не осуществляли «эффективный контроль» над Южным Курдистаном. Во время войны курды помогали англичанам, а не туркам.

Далее Керзон подробно остановился на доказательствах недовольства курдов турками. За последние четыре года британское правительство «было бомбардировано» требованиями курдов о предоставлении им автономии или независимости. Эти требования были встречены с сочувствием, но «пусть турки не воображают», что англичане «желают включить курдов в британскую систему»: «вся наша информация показывает, что курды, с их собственной независимой историей, обычаями, нравами и характером, должны быть автономной расой». Мы вводим, утверждал Керзон, местную автономию с администрацией и школами на курдском языке. Экономически же, заключил он раздел выступления, мосульские курды связаны только с Багдадом.

Керзон счел необходимым специально заняться оправданием продвижения британских войск в Мосульском вилайете после Мудросского перемирия. Заключительную часть своего выступления британский министр иностранных дел посвятил мосульской нефти. Он отметил, что не Исмет-паша, а мировая пресса подняла нефтяной вопрос: британская точка зрения «независима от каких-либо минеральных ресурсов». «Я... не знаю, сколько нефти в окрестностях Мосула», какой от нее доход. «...Я связан с иностранными делами моей страны и никогда не говорил от имени нефтяных магнатов».

Закончил Керзон на юмористической ноте: турки сейчас в Лондоне предлагают нефтяные концессии (имеются в виду переговоры с американо-канадской группой. См. об этом ниже); я ничего об этом не знаю. Если они в следующий раз приедут, я их свожу в Британский музей. Впрочем, в заключение Керзон все же упомянул о «Тэркиш петролеум компани» и о поддержке ее британским правительством, но не как монополии Англии, а как многосторонней компании, ибо «в нефти заинтересованы все» [53].

В этот же день состоялось 21-е и 22-е заседания Комиссии по территориальным и военным вопросам под председательством Керзона. Первым выступил Исмет-паша с обоснованиями притязаний Турции на Мосул. Глава турецкой делегации выставил свои контраргументы — этностатистические, исторические, политические, географические, экономические, военно-стратегические (см. примеч. 57). Он обратил особое внимание на антианглийские настроения курдов, а восстания в Турецком Курдистане (в

том числе знаменитое битлисское восстание 1914 г.) [54] приписал исключительно интригам иностранных консульств. Курды пользуются всеми правами в Турции, утверждал Исмет-паша. «Ни один курд» не желает, чтобы Курдистан был превращен в колонию [55].

На 22-м заседании Комиссии Исмет-паша, продолжая свое выступление, заявил, что Турция принципиально не признает мандатную систему. Он вновь оспорил британские аргументы и полностью отверг скепсис Керзона касательно представительства курдов в ВНСТ. В турецкий парламент были проведены «реальные и свободные выборы», утверждал он. Захват Мосула после Мудросского перемирия он назвал «оккупацией беззащитной страны». Нефтяные интересы всех стран, заявил в заключение Исмет-паша, будут удовлетворены Турцией законным образом. Он высказался за плебисцит в Мосульском вилайете.

В своем ответе Керзон уличил Исмета в непоследовательности в вопросе о мандатах: ведь турки признали французский мандат над Сирией. Керзон критиковал главу турецкой делегации за неконкретность данных о выборах в ВНСТ, особенно в вопросе о представительстве курдов. Он решительно выступил против плебисцита в Мосульском вилайете, мотивируя свою позицию наличием большого числа кочевников, которые физически не смогут голосовать, безграмотностью населения (не знают, как голосовать, никогда не видели баллотировочного ящика) и, наконец, практической невозможностью добиться положительного результата в ходе плебисцита: курды будут голосовать за независимый Курдистан, арабы — за арабское государство, турки — за присоединение к Турции, христиане — за всякого, кто их будет держать подальше от турок. Таким голосованием границу не определишь. Керзон предложил передать вопрос о турецко-иракской границе на рассмотрение Лиги наций и создать для этого комиссию. Французский, итальянский и японский делегаты поддержали Керзона.

Заключивший прения Исмет-паша решительно отверг все эти аргументы, особо подчеркнув непризнание Турцией мандатов на любую территорию бывшей Османской империи [56].

В этот же день с особым заявлением выступила американская делегация. Провозгласив незаинтересованность США в территориальных вопросах, она тем не менее заявила о своей солидарности с позицией Керзона, в особенности в том, что касается концессий: они должны быть вне дипломатических интересов. Американцы подчеркнули свою приверженность принципу «открытых дверей» и выразили заинтересованность в судьбе «Тэркиш петролеум» [57].

Несомненна тенденциозность и фактическая недостоверность приведенных в ходе прений доводов обеих сторон. Отчасти это было вызвано объективными причинами (в частности, отсутствием научно обоснованной демографической статистики), но главная причина тенденциозности и фальсификаций заключается в политических установках. В цитированных аргументах они проступают настолько отчетливо, что не требуют комментариев. Позиции сторон предельно ясны и полярны, т. е. несовместимы в принципе: турки требуют Мосул, англичане не хотят его отдавать. Однако, несмотря на то что турки не могли взять требуемое силой, почва для переговоров оставалась — взаимная заинтересованность сторон в подписании мирного договора, чему не должен был помешать спор из-за Мосула. Дискуссия насчет Мосула вскоре стала уже не целью, а средством для достижения как общей договоренности, так и соглашений по отдельным частным вопросам.

В этом аспекте аргументация сторон представляет самостоятельный интерес. Прежде всего обращает на себя внимание одна особенность: упоминания о главном призе для держателя Мосула — его нефтяных богатствах. Заявление Керзона о том, что позиция Англии по мосульскому вопросу не имеет отношения к нефти [58], фальшиво от начала до конца. Керзон знал все про мосульскую нефть (имел, по всей видимости, и личный материальный интерес в ней) [59]. Да и Кемаль был осведомлен об этом. Однако ни англичане, ни турки не хотели осложнять и без того трудные переговоры по мосульскому вопросу «нефтяной» темой. Первые потому, что не собирались отдавать туркам ни сами нефтеносные поля Мосульского вилайета, ни права на их эксплуатацию. Вторые, понимая, что вилайет им обратно не забрать, не хотели притязаниями на мосульскую нефть перегружать набор своих аргументов и претензий в дипломатической схватке, в которой их позиция была не из легких.

Суть проблемы правильно подметил Карл Гофман: «В качестве англо-турецкого вопроса Мосул имел чисто территориальное значение, в качестве же нефтяного вопроса он привел к англо-американскому конфликту. Оба значения нашли отражение во французской политике, которая и в нефтеполитическом отношении приняла двусмысленный характер» [60]. В экономическом отношении Турция пришла на Лозаннскую конференцию с гораздо более слабыми и уязвимыми позициями, чем в военно-политическом. Это была еще одна причина, по которой турецкая делегация не поднимала в Лозанне нефтяного вопроса.

Зато в спорах по территориальному аспекту мосульского вопроса «курдский аргумент» использовался турецкой делегацией весьма широко. Англичане также охотно выкладывали этот козырь на стол переговоров. Собеседники в поисках аргументов не лезли в карман за словом, не считаясь с ими же провозглашенными принципами. Несмотря на то что кемалисты официально открестились от оттоманизма и пантюркизма, Исмет-паша толковал выражение «османский» в «Национальном обете» как претензию на включение в состав Турции иракских курдов. Он утверждал, что курды Анатолии готовы совместно с турками бороться против отделения Курдистана от Турции. Керзон, возражая против отождествления курдов с турками и ссылаясь на

личное пребывание «в стране курдов», заявил: «Я отличу курда от турка в любой день недели, и, пока я не ослеп, я не спутаю их»[61].

Во всех этих прениях, принимавших подчас весьма острый характер, самому курдскому вопросу отводилась, по существу, служебная роль. О национальном самоопределении курдов, о предоставлении им обещанных по Севру прав разговор не возникал ни с той, ни с другой стороны. Турки отрицали наличие самой этой проблемы, англичане ограничивались выражением платонического сочувствия курдам и их представителям, но при этом вели себя так, что у турок не возникало подозрений в стремлении Великобритании сделать что-либо реальное для курдского национального движения[62]. Сам Мустафа Кемаль высказался по этому вопросу кратко и определенно: «Мы отказались включить этот вопрос в повестку дня конференции»[63].

Итак, на Лозаннской конференции рассматривался, по сути дела, не курдский вопрос в Турции, а курдский вопрос в Ираке. Турецкая делегация категорически отказалась специально обсуждать положение курдов Восточной Анатолии, и союзники не настаивали на обратном. Не удалась и попытка делегаций держав Антанты (впрочем, довольно вялая и мимолетная) поставить в подготавливавшемся мирном договоре вообще проблему национальных меньшинств Турции (в том числе и курдов) в более широких рамках. Турецкая делегация настаивала на том, чтобы все мусульманские меньшинства Турции рассматривались как находящиеся под покровительством турок. Англичане протестовали, так как, по их мнению, это означало «сваливать в одну кучу» арабов, курдов, черкесов и турок, но потом уступили при условии исключения из этой «кучи» курдов Мосула[64].

Таким образом, турки в этом вопросе взяли верх. Статус меньшинств на Лозаннской конференции практически был признан только за греками. М. П. Павлович по этому поводу писал: «...в вопросе о меньшинствах турки боролись очень энергично», а «союзники сделали серьезнейшие уступки Турции... Турки согласились трактовать как национальные меньшинства лишь немусульманские элементы... и добились признания своей точки зрения. Таким образом, курды и арабы исключались из договоров»[65].

Правда, на востоке Турции оставалась проблема таких христианских меньшинств, как армяне и ассирийцы, проживавшие вместе и рядом с курдами. Конференция не могла формально игнорировать армянский вопрос, ибо требовалось выразить какое-то отношение к подлежавшим пересмотру соответствующим статьям Севрского договора, но сделала это фактически. Армянский вопрос потерял свою актуальность для Антанты, вынужденной признать новые реальности, рожденные русской и турецкой революциями. На Лозаннской конференции только американцы попытались гальванизировать армянский вопрос, внеся предложение об устройстве «армянского очага», но, имея только статус наблюдателей, не могли воздействовать на своих бывших союзников. Турки же хладнокровно отвергли все попытки включить в текст нового мирного договора упоминание о национальных правах армян. И не встретили в том никакого серьезного противодействия со стороны других делегаций, в том числе и американских наблюдателей[66].

Столь же неудачной была попытка поставить на мирных переговорах вопрос о национальных правах ассирийцев. Делегация ассирийцев обосновалась неподалеку от Лозанны, в Женеве. Она протестовала против планов передачи Мосула Турции и требовала возвращения ассирийцев в район оз. Ван. В меморандуме, подписанном «генеральным секретарем национального комитета ассиро-халдейцев» (находившемся в Париже) Жаном Горек де Кербораном, право ассирийцев на автономию обосновывалось понесенными ими жертвами во время войны (270 тыс. погибших)[67]. В печати появилось даже сообщение, что 1 февраля 1923 г. генерал Ага-Путрус (Бутрос-Ага) провозгласил «Ассиро-Халдейскую республику»[68]. Ассирийский вопрос пробовали выдвинуть в своих целях во время Лозаннской конференции англичане и особенно французы (может быть, в пику своему британскому союзнику). В Париже был создан «франко-ассирийский комитет» под патронажем кардинала Дюбуа и верховного комиссара Франции в Сирии и Ливане генерала Гуро[69].

Однако ассирийский вопрос, как и армянский, не получил признания на Лозаннской конференции. Англичанам ассирийцы нужны были в Ираке, где из них хотели сделать противовес курдам[70], но не в Турции, где их водворение могло иметь непредсказуемые последствия. Французов ассирийская автономия по-настоящему тоже не волновала, ибо могла нежелательным образом отразиться на ситуации в Сирии. Турки же, быстро разгадав, что державы Антанты подняли проблему восточных христиан только в тактических целях, ответили решительным «нет» на все предложения насчет упоминания об их правах в мирном договоре.

Итак, проблема национальных меньшинств Турции на Лозаннской конференции фактически была снята, что, несомненно, должно было облегчить процесс мирного урегулирования. Позиция Англии и Франции в этом вопросе была слаба, ибо она была основана на староколониальных предпосылках, опрокинутых новой реальностью. Для Англии и Франции по-прежнему было важно не столько установить известный режим для этнических и религиозных меньшинств, сколько и впредь обеспечить за собой возможность контроля над Турцией в той или иной форме под предлогом защиты «угнетенных» национальностей[71]. Но именно эту возможность империалисты и потеряли в результате исторической победы турецкого национально-освободительного движения. Это позволило турецкой делегации в Лозанне держаться так уверенно и независимо при обсуждении проблемы меньшинств, в том числе и курдского меньшинства в Турции. Турец-

кий делегат Риза Нур-бей на заседаниях комиссии по меньшинствам Лозаннской конференции 15 и 16 декабря 1922 г., «указывая на растяжимость понятия „раса", настаивал на исключении курдов из числа народов, нуждающихся в охране. Эта оговорка относительно курдов, равно как и исключительный интерес, проявляемый к этому народу союзниками, объясняется, конечно, главным образом тем, что курдский вопрос находится в тесной связи с мосульским» [72].

Однако как раз в мосульском вопросе позиция Англии была сильна, а Турции, как уже указывалось,— слаба. В этом вопросе Англия свободно могла манипулировать правами меньшинств, «главным образом арабов, затем курдов, армян и халдейских христиан» [73]. Турции это делать было гораздо труднее при полном отрицании ею наличия национального вопроса в своей собственной стране. Словом, Турция и Англия на Лозаннской конференции не смогли договориться между собой по мосульскому вопросу. Возможные варианты выхода из тупика последовательно отвергались каждой из сторон. Англичане, например, отвергли предложение о проведении плебисцита в Мосульском вилайете (по словам Керзона, в этом случае «курды несомненно голосовали бы за независимый Курдистан», арабы — за арабское государство и т. д.) [74], а турки — о передаче всего спора на рассмотрение Лиги наций [75]. Однако обе стороны не были заинтересованы и в том, чтобы превращать спор из-за Мосула в камень преткновения, могущий сорвать всю работу Лозаннской конференции. Поэтому к концу января — началу февраля 1923 г., когда в основном была разработана конвенция о режиме Проливов и выработан текст мирного договора, спасительный выход из мосульского тупика был найден. По предложению Исмет-паши мосульский вопрос исключался из мирного договора и передавался на рассмотрение английского и турецкого правительств, которые в течение года должны были прийти к соглашению. В случае неуспеха стороны соглашались на арбитраж Лиги наций [76].

Вслед за этим конференция по инициативе Керзона прекратила свою работу без подписания мирного договора (4 февраля 1923 г.). Срыв мирных переговоров, спровоцированный Керзоном с целью оказания давления как на Турцию, так и на Францию [77], не означал их крушения, а лишь временную паузу в процессе ближневосточного урегулирования. К мосульскому вопросу это событие накануне завершения дипломатических баталий вокруг турецкого договора, не имело уже никакого отношения. Когда переговоры в Лозанне были возобновлены (в конце апреля 1923 г.), спор шел лишь о том, сколько месяцев после подписания мирного договора дается на достижение англо-турецкого соглашения о границе между Ираком и Турцией. Турки просили 9 месяцев, англичане соглашались на 6, но в конце концов уступили [78]. Только по истечении этого срока спор передавался на рассмотрение Совета Лиги наций.

Итак, в мосульском конфликте с Англией Турция проиграла. Собственно, как уже говорилось, этот проигрыш был предопределен фактической оккупацией Мосульского вилайета Англией. Все последующие перипетии дипломатической и политической борьбы вокруг мосульского вопроса уже не смогли существенно повлиять на этот решающий результат.

Как отразилось это событие на исторических судьбах курдского народа? На этот вопрос трудно ответить однозначно. С одной стороны, как уже отмечалось, захват Англией Южного Курдистана (и Францией — части Юго-Западного Курдистана) усилил этническую и территориальную разделенность курдского народа, воздвиг новое препятствие на пути его национальной консолидации. С другой стороны, иракские курды в отличие от своих турецких и иранских соплеменников очутились в зоне активного антиимпериалистического движения, что способствовало ускорению их национального развития и превращению впоследствии Иракского Курдистана в общекурдский боевой центр освободительной борьбы. Здесь началось развитие нефтедобывающей промышленности и соответствующей инфраструктуры. Английские (а в Сирии французские) мандатные власти, столкнувшись с подъемом антиимпериалистического арабского национализма, в тактических целях вынуждены были создать некоторые условия для культурного развития курдского меньшинства. Поэтому в политическом (в первую очередь), а также отчасти в социально-экономическом и культурном отношениях положение иракских курдов было несколько предпочтительнее по сравнению с положением турецких и иранских курдов, все условия существования которых определялись режимами, проводившими в национальном вопросе безкомпромиссно шовинистическую, ассимиляторскую политику.

Курдская проблема была затронута на Лозаннской конференции не только в связи с англо-турецкими отношениями. Вновь попытался сказать свое слово Иран. Потерпев неудачу на Версальской конференции с непомерными притязаниями на весь Южной и Юго-Западный Курдистан [79], Иран в Лозанне хотел взять хотя бы частичный реванш. Иранское правительство обратилось в конце декабря 1922 г. к представителям Англии, Франции и Италии в Лозанне с просьбой пересмотреть в пользу Ирана «курдистанскую границу» Ирана с Турцией. По инициативе Англии домогательства Ирана были решительно отвергнуты. Керзон отклонил требование Тегерана допустить его представителя на Лозаннскую конференцию. При этом персы ссылались на обещание, якобы данное им англичанами в 1920 г. в соответствии с англо-иранским договором от 9 августа 1919 г. Керзон заявил, что никакого обещания не было дано, как не существует уже и договора 1919 г. При этом британский министр иностранных дел прибавил: «...уже не существует вопроса об основании курдского государства или курдской автономной провинции в Турции, как предполагалось в Севрском договоре» [80].

В ответ на это иранское правительство направило ноту английскому, французскому и итальянскому посольствам в Тегеране с протестом против неприглашения Ирана на Лозаннскую конференцию, в то время как представители «халдеев» были допущены на конференцию (чего не было), несмотря на заинтересованность Ирана в «курдском вопросе» [81]. Но этот демарш, естественно, не имел никаких последствий. Державы Антанты не желали вновь возбуждать на конференции «курдистанский вопрос» и тем более привлекать к обсуждению этой или близкой к ней темы весьма неудобного собеседника — Иран.

Не только Иран попытался расширить свое влияние в землях, населенных курдами. С подобными притязаниями в период работы Лозаннской конференции выступила неизмеримо более могущественная держава — Соединенные Штаты Америки. Фактический выход США из Антанты, их самоустранение от ближневосточного урегулирования, непосредственно продиктованные политическими мотивами (в их внешнем и внутреннем аспектах), отнюдь не означали утрату или уменьшение экономического интереса к ближневосточному региону. Напротив, американцы потому и стремились избавиться от пут политических обязательств по турецкому вопросу, чтобы обеспечить себе свободу рук в экономической области. Особенно их интересовали перспективные нефтяные поля Мосула и богатые природными ресурсами сопредельные земли Юго-Восточной Анатолии, т. е. Южный и Юго-Западный Курдистан, куда их пытались не допустить Англия и Франция.

Сказанное не означает, что у Вашингтона в послеверсальский и послесеврский период не было *своей* политики в турецком (в частности, и в курдском) вопросе. Не говоря уже об органическом сплаве экономических и политических интересов, у США была, конечно, и определенная политическая линия по отношению к процессам, происходившим в Турции и вокруг нее. Но эта линия носила сепаратный по отношению к Антанте и Лиге наций характер. Американцы, в частности, наиболее долго и упорно отстаивали безнадежный проект «Независимой Армении» (не без оглядки на многочисленную и активную армянскую колонию в США). Одновременно американцы не проявили ни малейшей заинтересованности в курдской независимости или автономии как к преимущественно английской затее. В послании президента Вильсона Верховному совету Антанты о границах Армении от 22 ноября 1920 г. (так называемый «вильсоновский арбитраж») прямо говорится, что территории, населенные преимущественно турками или курдами, должны быть оставлены за Турцией. В послании из чисто курдских районов, подлежащих включению в Турцию, называются санджак Хакяри, половина вилайета Ван, санджак Сиирт. Из районов со смешанным курдо-турецким населением, которые должны остаться за Турцией, называются те, которые лежат к западу от Битлиса и Муша. Из армянского государства исключались населенные

курдами и ассирийцами долины Большого Заба, т. е. в основном Мосульский вилайет. Государственная принадлежность последнего никак не определялась. Все остальные территории, на которых в числе разных народов проживали и курды (главным образом от Дерсима к северу, до Черного моря), отходили к Армении, все этнические группы в армянском государстве должны иметь, как говорилось в послании американского президента, равные гражданские права [82].

Схема послевоенного устройства Турции, нарисованная уходящим на покой с весьма плачевным внешнеполитическим активом Вудро Вильсоном, была выгодна империализму янки, но трудноосуществима. Армянское государство, равно как и Турция с возвращенным ей по милости Америки Курдистаном, должно было быть послушно его воле. Под видом заботы об обеспечении прав меньшинств США обеспечивали себе право вмешательства во внутренние дела и Турции, и Армении, становившихся тем самым их фактическими сателлитами. Неопределенность с Мосульским вилайетом должна была стать подкопом под соглашение Сан-Ремо, лишившее американцев мосульской нефти, позволяла манипулировать мосульским вопросом.

В Лозанне окончательно выяснилось, что эти планы нереальны. Попытки американских наблюдателей (У. Чайлда и др.) напомнить о них не были восприняты всерьез. Однако американцы не желали признать свое поражение. Они жаждали реванша и стремились добиться его в той сфере, где они были наиболее сильны,— в бизнесе. Удобный случай представился именно во время работы Лозаннской конференции, когда появилась возможность воспользоваться обнажившимися там острыми противоречиями как между Турцией и Антантой в целом, так и между самими союзниками. За океаном вспомнили о железнодорожной «концессии Честера». Созданная в 1911 г. в Нью-Йорке «Оттоман-Америкэн дивелопмент компани», встретив упорное противодействие конкурентов, не успела до начала войны добиться окончательного утверждения условий концессии.

В начале 1922 г., когда на практическую почву встал вопрос о пересмотре Севра, американский капитал вновь проявил интерес к железнодорожному строительству на востоке Турции. В феврале 1922 г. представитель фирмы «Фаундейшн» (имевший долю в «Оттоман-Америкэн») Макдоуэлл предложил свой проект сооружения железнодорожных линий в Восточной Анатолии, встреченный благосклонно анкарским правительством. Однако вскоре инициативу перехватила «Оттоман-Америкэн», оттеснившая конкурирующую фирму и представившая более всеобъемлющий проект. В сферу американских экономических интересов попадал и наиболее лакомый кусок—Мосульский вилайет. Американцы добивались главной цели — доступа к мосульской нефти. По непроверенным данным, по этому вопросу летом 1922 г. в Ванском вилайете состоялось предварительное соглашение между французской группой и представителями Честера [84].

На Лозаннской конференции американские делегаты, как уже отмечалось, настаивали на признании принципа «открытых дверей» и ликвидации монополии на мосульскую нефть, контролировавшейся английским капиталом «Тэркиш петролеум К°». Американским домогательствам было оказано ожесточенное сопротивление главным образом со стороны Англии, но все же в нефтяном вопросе союзники вынуждены были частично уступить США, хотя и не сразу [85]. Американцы продолжали нажимать. Группе Честера, возглавлявшейся сыном адмирала Артуром, удалось привлечь канадский капитал, предоставленный Клайтоном Кеннеди. В конце концов Честер и Кеннеди выработали условия концессии, благосклонно встреченные кемалистским правительством. Во время перерыва в работе Лозаннской конференции, 9 апреля 1923 г., ВНСТ одобрило договор о концессии.

Согласно ее условиям концессионеры получали право на строительство сети железных дорог, портов, телеграфных линий и эксплуатацию недр на обширной территории Восточной Анатолии и Северного Ирака, т. е. в Северном, Западном и Южном Курдистане. Общая протяженность железнодорожной сети составляла около 4500 км. Основные линии связывали Черное море с Южным Курдистаном (от Самсуна через Сивас, Диарбекир, Мосул до Сулеймании с веткой к Вану), Анкару — с иранской границей (через Эрзерум и Баязид с веткой к Трапезунду), Харпут — с заливом Искендерун на Средиземноморье. Условия концессии предоставляли львиную долю выгод именно для американской стороны, получавшей фактически неограниченные возможности для экономической эксплуатации региона, большинство населения которого безусловно составляли курды [86]. Естественно, что в случае реализации концессии Честера и политическое преобладание США в указанном регионе было бы обеспечено. Турки же и в экономическом, и в политическом отношении оказывались в явном проигрыше.

Казалось бы, позиция кемалистской Турции необъяснима, ибо явно противоречила патриотической, антиимпериалистической линии, проводившейся ею на международной арене, в частности на Лозаннской конференции. На самом же деле затея с концессией Честера интересовала турок только с одной стороны: как ход в дипломатической борьбе против англичан и французов на Лозаннской конференции. Сам факт переговоров с американцами, особенно о предоставлении концессии на территории Мосула, Турции фактически (а по существу, и формально) не принадлежавшего, был актом дипломатического нажима на англичан и французов при обсуждении как «общетурецких» вопросов, так и мосульской проблемы [87]. «Фактически эта концессия,— писал Денни,— была не чем иным, как старой германской багдадской железнодорожной концессией. Этот проект сыграл на пользу туркам во время Лозанны» [88].

По сути, концессионный проект Честера был построен на песке (что, видимо, хорошо представляли себе турки). Поэтому

фактически в то время угрозы американского колониального порабощения курдских, турецких и арабских земель Восточной Анатолии и Северного Ирака не существовало. У Честера и его компаньонов не было необходимых для реализации концессии средств, а большой бизнес и правительство США не рискнули оказать им помощь и содействие, дабы не осложнить и без того нелегкое положение американцев на ближневосточной арене [89]. Все же эпизод с концессией Честера указывает на возросший интерес американского империализма к курдистанскому региону и сопредельным землям.

Итак, все основные участники лозаннских переговоров или проявили откровенную враждебность к национальным требованиям курдов (Турция), или совершенно игнорировали их, рассматривая Курдистан только с точки зрения своих корыстных интересов (Англия, Франция, США). Лишь одна делегация продемонстрировала принципиально иной подход к судьбе территорий, населявшихся курдами. То была делегация Советской России (точнее, объединенная русско-украинско-грузинская делегация), возглавлявшаяся Народным комиссаром по иностранным делам Г. В. Чичериным и приглашенная для обсуждения режима черноморских Проливов.

По понятным причинам советская дипломатия в то время не имела возможности открыто провозглашать свою позицию в связи с отдельными этническими проблемами на Ближнем Востоке, имевшими международное значение и непосредственно затрагивавшими интересы правительств Турции, Ирана и Афганистана. Отношения дружбы и добрососедства, установившиеся после Октября с этими странами, имели жизненно важное значение для молодых советских республик. Однако советская дипломатия отстаивала принципиальное отношение к этим проблемам, в числе которых на первом месте по значению стояла курдская проблема, и по мере возможности препятствовала проявлению реакционных тенденций во внешней и внутренней политике этих стран в связи с обострением в них национального вопроса.

Это хорошо видно на примере курдского вопроса в Турции. Анкара еще задолго до Лозанны, вскоре после заключения советско-турецкого договора, пыталась настроить Советское правительство против курдского национального движения, представляя его как целиком проимпериалистическое, агентурное. В меморандуме турецкого комиссара (министра) по иностранным делам Юсуфа Кемаль-бея от 4 августа 1921 г. Г. В. Чичерину говорилось о целях Лондона в Месопотамии: создать барьер для защиты Индии и заполучить мосульскую нефть. Для этого англичане планировали «создание между Месопотамией и Черным морем одного или нескольких малых государств, поставленных под британскую опеку; так как об Армении, которая была предназначена на эту роль, в настоящее время не может быть и речи, Англия старается использовать для той же цели, между

прочим безуспешно, курдские банды, предводительствуемые проходимцами». К курдам в меморандуме приравнивались по своей функциональной роли Хашимиты, ставка на которых преследовала цель оспаривать халифат у Османской империи и «иметь в своем распоряжении религиозное влияние халифата». И все это англичане проделывали для противодействия «национальным и освободительным движениям восточных народов и их использования... силами национальной эмансипации и мировым пролетариатом... в целях создания нового строя». В связи со сказанным Юсуф Кемаль-бей запрашивал Советское правительство о готовности сотрудничать, «чтобы воспрепятствовать целям, преследуемым Англией в Мосуле» [90].

Намерения турок не вызывают сомнения. Используя революционную и антиимпериалистическую фразеологию, они хотели добиться дипломатической поддержки Советской России в борьбе за Мосул. Очевиден был также расчет на разжигание антикурдских настроений у советских руководителей. Последние, всемерно поддерживая антиимпериалистические тенденции во внешней политике кемалистского правительства, из принципиальных и практических соображений вовсе не собирались поощрять и поддерживать ту ее грань, которая могла приобрести экспансионистское или шовинистическое направление. Об этом недвусмысленно сказано в ноте Чичерина послу Турции в РСФСР от 10 октября 1921 г., которая была ответом на упомянутый турецкий меморандум (как видим, Наркоминдел не спешил). «Месопотамия, где английские силы принимают непосредственное участие,— говорилось в ноте,— является одной из областей, в которой Англо-Русский договор входит немедленно в силу [91], но русский народ и правительство рассматривают с самой большой заботливостью и с самой большой симпатией общее положение мусульманских народов, независимость которых находится под угрозой. Русский народ глубоко озабочен возможностью злоупотребления мусульманской религиозной идеей для нанесения ущерба жизненным интересам самих мусульманских народов. Мы думаем, что самым действенным способом оградиться от этой опасности было бы противопоставление религиозной идее идеи национального движения, ставящего определенную цель удовлетворения основных жизненных потребностей этих национальностей» [92].

Таким образом, ни в мосульском, ни в курдском вопросах советская сторона не выразила готовность сотрудничать с турками. Напротив, изложенная Чичериным советская позиция, судя по цитируемому отрывку, содержала сочувственное отношение к курдскому (как и любому другому) национальному движению, если оно развивалось в контексте антиимпериалистической борьбы. Туркам как бы говорили: мы с вами до тех пор, пока вы выступаете против империализма и реакции. Именно так и действовала советская дипломатия накануне и во время Лозанны [93].

Хотя советская делегация была приглашена в Лозанну только для переговоров о режиме Проливов, она стремилась оказать помощь турецкой делегации в тех случаях, когда требовалось снабдить ее аргументами против империалистических притязаний Антанты. Так было и при обсуждении мосульского вопроса, хотя в самом споре советская делегация, естественно, не участвовала. 15 декабря 1922 г. Чичерин направил Исмет-паше письмо с полученным из Тегерана меморандумом «Комитета национальной независимости» Месопотамии, в котором говорилось: «Весь народ Месопотамии возмущен попирающим его независимость вмешательством в дела Месопотамии. Он никогда не согласится с союзным договором от 10 октября 1922 г., не имеющим, таким образом, законной силы.

Через посредство вашего уважаемого правительства он уведомляет уважаемую Лозаннскую конференцию, что он протестует против этого незаконного вмешательства Англии и в заключение категорически заявляет, что народ Месопотамии не остановится ни перед какими жертвами, чтобы отстоять свою независимость, положить конец английским притеснениям и уничтожить этот кабальный договор» [94].

Советская делегация заняла в Лозанне принципиальную позицию и по такому животрепещущему вопросу (к обсуждению которого ее также не допустили), как положение национальных меньшинств. В этом наиболее выпукло проявилась агитационно-политическая функция советской дипломатии, выступавшей в защиту коренных интересов угнетенных колониализмом и местной реакцией народов. В меморандуме Российско-Украинско-Грузинской делегации от 30 декабря 1922 г., заклеймившем Севрский договор, который «увенчал собой империалистическую завоевательную политику», говорилось: «Что касается вопроса о национальных меньшинствах, то Российско-Украинско-Грузинская делегация протестует против решений, до сего времени предлагавшихся на Лозаннской конференции, как решений односторонних, применяемых для охраны интересов этих меньшинств. В действительности все эти решения служат только тому, чтобы оправдать существование Лиги наций, которая в своей современной организации является лишь новым орудием для поддержания господства великих империалистических держав». «Российско-Украинско-Грузинская делегация,— заключал меморандум,— верная принципам, провозглашенным Русской революцией, с живой симпатией следит за борьбой всех мусульманских народов за свою независимость и свое национальное единство» [95]. Такого рода дипломатические акты представляли собой несомненную морально-политическую помощь курдам и другим угнетенным этническим меньшинствам Ближнего Востока.

Наконец, советская делегация в Лозанне выступила с поддержкой просьбы Ирана о допуске его на конференцию на том основании, что, как говорилось в ноте иранского правительства, «на конференции говорят о Курдистане (Мосул), где Персия имеет общие с Турцией интересы» [96]. Это свидетельствует и о

том, что советская делегация считала правомерной хотя бы частичную постановку курдского вопроса на мирной конференции.

Итак, участие советской делегации в работе Лозаннской мирной конференции далеко вышло за рамки обсуждения нового режима Проливов. Советская дипломатия в Лозанне выступила в защиту интересов и народов Ближнего Востока, особенно тех, которые страдали от национального гнета, и государств, отстаивавших свои законные права от посягательств империалистических держав. По известным причинам представителям советских республик на Лозаннской конференции не удалось добиться успеха ни по одной из названных проблем. Однако деятельность советской делегации в Лозанне не прошла бесследно, ибо она способствовала развитию заложенных после Октября новых принципиальных основ советско-турецких (а в некоторой степени и советско-иранских) отношений, оказала морально-политическое воздействие на народы Ближнего Востока, в том числе, конечно, и на курдский народ.

Что касается непосредственных итогов Лозанны для курдов, для их национальной борьбы, то они, как и следовало ожидать, оказались обескураживающими. Как писал один из немногих объективных зарубежных исследователей курдской проблемы, Аршак Сафрастян, «несмотря на все свои обещания и подписание Севрского договора, союзные державы предали и Курдистан, и Армению (Лозаннский договор с Турцией 1923 г.)»[97].

В тексте подписанного 24 июля 1923 г. в Лозанне мирного договора между союзными державами и Турцией не содержится ни одного упоминания о курдской независимости или автономии, ни о курдах и Курдистане вообще. Косвенно Курдистана касалась ст. 3 договора, определявшая границы Турции с Сирией (по договору Франклен-Буйона от 20 октября 1921 г.) и устанавливавшая девятимесячный срок для определения турецко-иракской границы (см. выше). Но фактически эта статья уже определила границу на основе статус-кво. Статья обязывала Турцию и Англию «в ожидании решения, которое будет принято по поводу границы», не производить «никаких военных или иных передвижений, способных внести какое-либо изменение в современное состояние территорий, окончательная судьба которых будет зависеть от этого решения»[98]. Таким образом, Лозанна узаконила новый передел Курдистана.

В Лозаннском договоре содержался специальный «Отдел III. Защита меньшинств» (ст. 38—45). Ст. 38 гласила: «Турецкое правительство обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и свободы, без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии.

Все жители Турции будут иметь право на свободное исповедание... всякой веры, религии или всякого верования, отправление которых не будет несовместимо с публичным порядком и добрыми нравами»[99]. Ст. 39 содержала обязательство турецкого правительства не издавать «никаких ограничений в отношении свободного пользования всяким турецким гражданином каким бы то ни было языком»[100].

Казалось бы, все эти обязательства имеют отношение и к курдам. На самом деле это было не так. Не говоря уже об отсутствии упоминания о каких бы то ни было юридических гарантиях прав меньшинств в указанных статьях Лозаннского договора, в каждой из них упоминаются только немусульманские меньшинства[101]. И текст, и контекст статей этого отдела показывают, что Лозаннский договор, в сущности, отказывает мусульманам-нетуркам, т. е. в основном курдам, в статусе «меньшинств», имеющем хотя бы какие-то формальные права.

С международно-правовой точки зрения Лозаннский мирный договор несомненно может рассматриваться как антикурдский акт, нанесший серьезный удар по национальным чаяниям курдского народа. Во взаимоотношениях Турции с Западом курдский вопрос не только фактически, но и формально был снят с повестки дня. Восточный вопрос был закрыт без упоминания о судьбе многострадального курдского народа, предоставленного самому себе.

Современники, обозревая ход и результаты Лозаннской конференции, уделили, конечно, внимание мосульскому вопросу и связанному с ним курдскому вопросу, но по-разному оценили их значение и роль. Г. В. Чичерин, например, считал, что Англия в споре из-за Мосула проиграла, ибо не добилась его немедленной передачи в Лигу наций: «Исход этого спора, отсрочка всего вопроса на девять месяцев есть, в сущности, серьезная уступка со стороны Англии, ибо Турция после заключения мира будет несравненно сильнее на Мосульском фронте, чем в период Лозаннской конференции»[102]. Эта оценка оказалась неверной, она не выдержала испытание временем.

Немецкий автор Карл Гофман, напротив, утверждал, что Керзон в Лозанне по мосульскому вопросу маневрировал удачно. Его главное достижение — отвод американских притязаний от Мосула, перевод их в плоскость железнодорожного строительства в Анатолии. Турция, таким образом, утверждал Гофман, утратила американскую поддержку[103]. Думается, что здесь допущено значительное преувеличение относительно действительной роли дипломатии США в период Лозаннской конференции.

В то же время все наблюдатели и исследователи единодушно подчеркивали значение «курдского аспекта» мосульского вопроса для Турции. «Для ангорской Турции,— говорит тот же Гофман,— горный Курдистан представляет собой территориальный барьер на востоке, а для того, чтобы охватить ненадежный Курдистан с юга, Турция нуждается в Мосульском районе или по крайней мере в северной части этого района вплоть до Кифри и Керкука в юго-восточном направлении. В этом состоит территориально-политическое значение Мосульского района для Турции»[104]. По компетентному мнению Тойнби, курдский

вопрос вообще имел приоритетное значение в мосульском конфликте. Он утверждал, что турки отдадут «нам» нефтяные концессии в Мосуле, если «мы» отдадим им курдов. В отношении курдских районов Анкара проявит упрямство, но в отношении Мосула и арабских районов на правом берегу Тигра они будут уступчивее. Базис для соглашения, считал Тойнби,— раздел Мосульского вилайета по этническим границам (на манер границы по договору Франклен-Буйона между Турцией и Сирией или раздела Силезии). Дружба Турции может быть куплена только ценой Южного Курдистана, это гарантирует турецко-иракскую границу от враждебных акций со стороны Турции, утверждал Тойнби [105].

Уже отмечалось, что было отвергнуто мнение о желательности отделения Южного Курдистана от подмандатного Ирака. Тем более неприемлемо было предложение о присоединении курдской части Мосульского вилайета к Турции. Да и сам Тойнби позже писал, что иракские курды меньше были связаны с Турцией (из-за отсутствия «армянской угрозы»), чем курды анатолийские [106].

Консервативный журналист Филипп Грейвс всю мосульскую проблему рассматривал исключительно в ракурсе англо-турецких отношений по курдскому вопросу. Главной причиной, по которой турки хотели возвратить Мосул, утверждал он, была боязнь, что англичане поднимут курдов, чью автономию обещал Севр. Активность англичан среди курдов «в ранние дни националистического движения не была очень эффективной», но внушала опасения насчет британских намерений в «уязвимой части Малой Азии» [107].

Турки, развивал свою мысль Грейвс, «с большим подозрением» относились к британским целям в Курдистане, где иракская администрация и разведывательные органы пытались «получить поддержку курдов против турецких националистов». Была выдвинута идея «создать некое подобие курдского государства, которое служило бы буфером между Россией, Турцией и Ираком»,— воплощение «бесплодного» Севрского договора.

Напоминая об общеизвестном факте — отрицательном отношении Перси Кокса и его сторонников из иракской колониальной администрации к идее создания курдского государства и отделения курдских районов Северной Месопотамии от иракского государства (они соглашались на предоставление иракским курдам только «культурных свобод»), Грейвс знакомит читателей еще с одним аргументом противников «курдского королевства или республики»: после восстановления «Русской империи» большевиками курдское государство может стать «почвой для русской интриги» из-за своей слабости и разделенности; оно может существовать только «под иностранным (т. е. британским.— *М. Л.*) протекторатом или опекой».

Такова была позиция британских «ультра» в мосульском и связанном с ним курдском вопросах в период Лозанны в изложении симпатизировавшего им Грейвса. Он совершенно справедливо констатирует, что они имели решающий перевес в британском руководстве, что не было секретом для турок. Как только анкарское правительство поняло, что британское правительство «не имеет желания распространять свое влияние на Турецкий Курдистан», решение мосульского вопроса стало «сравнительно простым делом», делает вывод Грейвс [108].

Израильский ученый Кимхе называет курдов одной из «незначительных жертв дипломатической конской ярмарки, которая последовала после первой мировой войны». Были ли более «безобидные пешки» в этом дипломатическом торге, чем «дикие горные курды»?— вопрошает он. Этот, в общем, серьезный исследователь недооценивает значение курдской проблемы в послевоенном мирном урегулировании, не говоря уже о пренебрежительном тоне по отношению к самим курдам. Интерес великих держав к курдам он объясняет только военно-стратегическими интересами. Но вот заслуживающий внимания вывод, к которому приходит Кимхе: «При определенных условиях курды могли бы стать детонатором, который взорвал бы франко-британское урегулирование, последовавшее после первой мировой войны» [109]. И думается, что не только «детонатором», но и самостоятельным зарядом. Однако этого не произошло.

В заключение следует назвать еще одну не главную, но заслуживающую упоминания причину неуспеха турецкой дипломатии в споре с Англией из-за Мосула на Лозаннской мирной конференции. Сами курды ни в Турции, ни в Ираке не сказали своего слова, не выразили желания объединиться. Движение шейха Махмуда Барзанджи, хотя и пользовалось некоторой поддержкой турок, отнюдь не воодушевлялось объединительными идеалами. Пассивными оставались и турецкие курды. Они не пытались объединиться с повстанческими движениями в Иракском Курдистане (совершенно нежелательный вариант для Анкары) и не оказали никакой морально-политической поддержки турецкой делегации в Лозанне. Правда, курдские депутаты в ВНСТ протестовали против речей Керзона в Лозанне [110], но они же блокировались с правой оппозицией в меджлисе, причиняя затруднения правительству. Его они упрекали в защите интересов исключительно Фракии и «в предательстве по отношению к ним (курдам.— *М. Л.*) и к восточным и южным районам страны». Депутаты-курды говорили: «Вы готовы отдать Мосул, лишь бы получить Фракию» [111]. Естественно, что оппозиция этим немедленно воспользовалась, да и английская дипломатия не преминула извлечь пользу из разноголосицы в турецких верхах.

Лозаннский мирный договор в отличие от Севрского оказался долговечным, ибо в основном отражал реальное соотношение сил на ближневосточной арене. Те положения договора, по отношению к которым это соотношение изменилось (в вопросе о черноморских проливах, об Александретте или в англо-турецком споре из-за Мосула), в относительно непродолжительный отре-

зок времени подвергались пересмотру или дополнению. Историческое значение Лозаннского договора заключается в том, что он подвел черту не только под итогами первой мировой войны на турецко-азиатском театре, но и под последующими событиями, вызванными послеоктябрьским подъемом национально-освободительного движения турецкого народа. Юридический же смысл Лозаннского договора состоит в том, что он ознаменовал ликвидацию шестисотлетней Османской империи и легализовал создание на ее развалинах национального турецкого государства и системы зависимых от Англии и Франции колониальных территорий, государственных и полугосударственных образований в Северной Африке, Восточном Средиземноморье и на Арабском Востоке.

Курдам Лозанна ничего не дала. Напротив, курдский вопрос был как бы возвращен на довоенный уровень, когда наличие фактической проблемы не сопровождалось ее формально-юридическим признанием в международно-правовом аспекте. Однако это не означало, что курдская проблема утратила сколько-нибудь свою актуальность. К моменту подписания Лозаннского договора обстоятельства сложились против курдского национального движения. Но само это движение продолжало крепнуть и развиваться, и это неминуемо должно было оказать воздействие на внутреннюю и международную обстановку во всем ближневосточном регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые послеоктябрьские годы, завершившиеся подписанием Лозаннского мирного договора в июле 1923 г., были для курдского народа временем больших, но несбывшихся ожиданий. Казалось, колесо истории, сделав очередной круг, открыло благоприятную для курдов перспективу. Была повержена Российская империя, проводившая колонизаторскую политику на Востоке и оккупировавшая во время первой мировой войны большую часть Курдистана. Возникшая на ее развалинах Советская Россия, а потом и советские республики в Закавказье и Средней Азии провозгласили политику равенства и дружбы народов и начали проводить ее на деле. Была ликвидирована угроза и германского колониального порабощения. Разгром Османской империи и фактическая утрата Ираном государственной независимости привели к временному освобождению Курдистана от власти Стамбула и Тегерана, вековечных угнетателей курдов. Наконец, руководители держав Антанты официально и громогласно выступили за освобождение народов и их последующее национальное самоопределение.

Однако реализовать эти исторические возможности курды не смогли. Обстоятельства обернулись против них, и ничего нельзя было поделать. В который раз история оказалась немилостива к этому многострадальному народу.

Во-первых, внешние факторы, в общем, сложились для курдов крайне неблагоприятно. Между словами и делами главных держав Антанты, как и следовало ожидать, обнаружилась пропасть. Не о самоопределении курдов пеклись державы-победительницы, и первая из них Англия, а о собственных колониальных интересах в Курдистане и сопредельных районах Ближнего Востока, перспективных в экономическом и важных в стратегическом отношении. Курдский вопрос их занимал не более как ставка в конкурентной борьбе за экономическое и военно-политическое преобладание. И как только надобность в поддержке курдского национального движения отпала, проект «независимого Курдистана» был сдан в архив.

Советская же Россия не смогла тогда оказать реальную помощь курдскому народу. Тому препятствовали серьезнейшие военные и политические причины, диктовавшие необходимость в условиях гражданской войны проводить чрезвычайно взвешенный курс по отношению к сопредельным странам и народам,

особенно вблизи тех регионов, где советская власть еще не окрепла (Закавказье, Средняя Азия).

Во-вторых, внутриполитическая обстановка в странах проживания курдов не только не благоприятствовала борьбе курдского народа за национальное самоопределение, но и, напротив, воздвигла на пути реализации этой курдской национальной идеи труднопреодолимые препятствия. В Турции курдскому национализму противостоял гораздо более мощный и организованный турецкий национализм (кемализм), во внутреннем аспекте, как и любой буржуазный национализм, шовинистический по своей сути, но в своем «внешнем» проявлении завоевавший огромный авторитет (не только в Турции, но и за ее пределами) своими громкими успехами в отражении империалистической агрессии. В Иране курдам противостояло набиравшее силу национал-патриотическое движение (также, в сущности, националистическое), боровшееся за восстановление государственного суверенитета и территориального единства страны, на которое, как были убеждены в Тегеране, посягал курдский сепаратизм. В Ираке и Сирии против курдского движения выступили непосредственно английские и французские колонизаторы, которым удалось посеять антикурдские настроения среди арабских феодально-племенных, клерикальных и формировавшихся буржуазно-националистических кругов и частично использовать их в своей политике «разделяй и властвуй».

Курды оказались неспособными выстоять против натиска враждебных сил и были побеждены; обещанное самоопределение они так и не получили.

В-третьих, само курдское общество оказалось не готовым к успешной борьбе за те задачи, которые поставила перед нацией история. Его социально-экономическая, политическая и культурная отсталость помешала консолидации всех сил народа в борьбе за независимость. Особенно отрицательную роль сыграл традиционный курдский племенной партикуляризм — проклятие курдской истории,— всегда губительно влиявший на эффективность освободительных восстаний в Курдистане. Курдское движение в первые послевоенные годы не выдвинуло ни руководящей партии, ни бесспорного лидера, способных повести за собой массы. Между идеологами курдского национализма, руководителями первых курдских политических обществ, чья резиденция находилась или в Стамбуле, или еще дальше от Курдистана, и «практиками», предводителями восставших против угнетателей племен, фактически не было никакой организационно-политической связи; восстания возникали стихийно и подавлялись без особого труда. Сказывалось и военно-техническое превосходство местных и иноземных карателей. Только что народившийся курдский национализм, будучи буржуазным по своей исторической перспективе, еще был опутан сверху донизу феодально-племенными институтами и пережитками. В этом главная причина его политической слабости, неэффективности.

Итак, надеждам на освобождение Курдистана от чужеземного гнета и основание на его территории курдского национального государства не суждено было сбыться. Условия того времени не позволяли под здание проектировавшейся курдской независимости подвести сколько-нибудь прочный экономический, политический и военный фундамент.

Тем не менее первые послевоенные годы не были для курдского народа бесцельно потраченным временем. В этот краткосрочный, но насыщенный событиями период отчетливо высветились позиции всех заинтересованных в курдском вопросе сторон, их подлинные намерения. Стало ясно, что скрывается под разными лозунгами и декларациями, кто является подлинным защитником, а кто — врагом курдской свободы и независимости. В новых послеоктябрьских условиях курды стали проходить школу политической борьбы. И эти уроки не пропали даром. События, рассматриваемые в этой книге, определили все последующее развитие курдского вопроса вплоть до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

[1] *Халфин Н. А.* Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963; *Джалиле Джалил.* Восстание курдов 1880 года. М., 1966; *он же.* Курды Османской империи в первой половине XIX века. М., 1973; *он же.* Из истории возникновения курдской политической печати.— Тюркологический сборник. 1973. М., 1975; *он же.* Первые курдские общественно-политические организации в период младотурецкого господства.— Там же; *он же.* Новые материалы из истории курдского национального движения. Восстание в Битлисе в 1914 г.— Тюркологический сборник. 1978. М., 1978; *он же.* Журнал «Рожа курд» как источник изучения курдской общественно-политической мысли начала XX в.— Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ереван, 1975; *Лазарев М. С.* Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века — 1917 г.). М., 1964; *он же.* Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972.

[2] Британские военно-политические службы в Иране, Ираке и на Аравийском п-ове традиционно были подчинены Дели. Ведомству вице-короля были частично соподчинены и дипломатические службы в указанных странах.

[3] Их название и выходные данные, как и всей другой упоминаемой здесь литературы, см. в библиографических примечаниях.

[4] Музхар Ахмад Камаль — иракский ученый и общественный деятель. Научную подготовку получил в СССР, где издал (Баку, 1967) на русском языке свою книгу «Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане (1918—1932 гг.)», используемую в настоящей работе.

Глава I

[1] См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972, гл. VIII.

[2] *Шамсутдинов А. М.* Участие султанской Турции в интервенции против Советской России в 1918 г.— УЗИВ. Т. XIV. История и экономика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1956, с. 168.

[3] *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. Военно-политический очерк. М., 1966, с. 161—162.

[4] См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, с. 344—345, 449—450.

[5] *Allen W. E. D., Muratoff Paul.* Caucasien Battlefields. A History of the Wars on the Turco-Caucasien Border. 1828—1921. Cambridge, 1953, с. 459—460.

[6] По решению командования Кавказской армии и контрреволюционного «Закавказского комиссариата» в декабре 1917 г. части Кавказской армии было решено переформировать по национальному признаку: армянские, грузинские, азербайджанские (*Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, с. 166—173).

[7] ДВП. Т. 1, № 78, 82, с. 121—123, 199—202.

[8] *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, с. 160—162.

[9] Там же, с. 190—191.

[10] Захватить всю Грузию туркам не позволили немцы, предпочитавшие оставить эту богатую страну для себя. Из этих же соображений Берлин тормозил продвижение турок к Баку (см.: *Пипия К. В.*— Германский империализм

в Закавказье в 1910—1918 гг. М., 1978, гл. III—V).

[11] *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, с. 174.

[12] Нет никаких сведений о помощи закавказских курдов турецким оккупантам, а курды-езиды предпочитали бежать от них подальше (*Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, с. 182).

[13] См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, гл. VIII; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране (1914—1920). М., 1961, гл. I; *Иванова М. Н.* Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг. М., 1961, гл. I.

[14] ДВП. Т. I, № 78, с. 23.

[15] *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, с. 193—197, 246—248.

[16] Там же, с. 163—165, 231—235; *Иванова М. Н.*, с. 37—38; *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране, с. 65—81, 96—123.

[17] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38, л. 72, 116. Телеграммы британского консула в Керманшахе в Департамент иностранных и политических дел правительства Индии, 3 и 21 мая 1918 г.

[18] См.: *Матвеев К. П.* (Бар-Маттай), *Мар-Юханна И. И.* Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны (1914—1933 гг.). М., 1968, с. 64—79; *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М., 1979, с. 92—105.

[19] Таха — прозвище сейида Та (по названию 20-й суры Корана).

[20] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38, л. 95—96. Британский посланник в Тегеране — вице-королю Индии, 14 мая 1918 г.; д. 41, № 315, Persia Series. Part XIX, с. 53. Британский посланник в Тегеране — вице-королю Индии, 17 апреля 1918 г.

[21] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 38. Persia Series. Part XIX, с. 54—55. Британский посланник в Тегеране — вице-королю, 19 апреля 1918 г.; д. 39, л. 39. Телеграмма командующего силами «Д» генерала Денстервилля в Военное министерство от 6 мая 1918 г.

[22] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 35, л. 33, 49. Телеграмма П. Кокса из Багдада от 14 декабря 1917 г.

[23] Там же, д. 36. Persia Series. Part XVII, с. 54. Телеграмма британского посланника в Тегеране правительству Индии от 8 января 1918 г.

[24] Калька с англ. *levy* — рекруты, войска.

[25] Т. е. англичане пытались (без особого успеха) проводить ту политику, которую незадолго до того проводили их русские предшественники в Иранском Курдистане (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 37, с. 54). Телеграмма командующего силами «Д» генерала Денстервилля британским военным атташе в Тегеране и Дели от 11 марта 1918 г.

[26] Там же, с. 39. Телеграмма британского посланника в Тегеране вице-королю Индии от 10 марта 1918 г.

[27] Там же, д. 39, л. 49, 65. Телеграмма британского консула в Керманшахе правительству Индии от 10 и 18 июня 1918 г.

[28] *Мирошников Л. И.* Английская экспансия в Иране, с. 77.

[29] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 39, л. 65.

[30] См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, с. 453.

[31] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 36, л. 106—107. Телеграмма начальника военной разведки командующему силами «Д», 15 февраля 1918 г.; д. 37, л. 55. Командующий силами «Д» — начальнику военной разведки, 12 марта 1918 г.

[32] Прежде курдская верхушка в своих планах борьбы за независимость склонялась к покровительству только России.

[33] Там же, д. 147. Precis of Affairs in Southern Kurdistan during the Great War. Badhdad, 1919, с. 7—8.

[34] Precis of Affairs, с. 8.

[35] По другой версии, эти переговоры происходили в Марселе, может быть, потому, что Шериф-паша с начала войны вел переговоры и с французскими представителями, но те также не принимали его всерьез (*Schmidt D. A.* Journey among Brave Men. Boston — Toronto, 1964, с. 192—193; *Yung E.* La revolte arabe. Vol. I. P., 1924—1925, с. 109—110; *Bell G.* Review of the Civil Administration of Mesopotamia. L., 1920, с. 60.

[36] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 39, л. 115. Телеграмма британского посланни-

ка в Тегеране вице-королю Индии от 30 мая 1918 г.; телеграмма командующего силами «Д» в военное министерство от 18 октября 1918 г.

[37] См.: *Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке (1914—1918 гг.). М., 1960, с. 129—137.

[38] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 35, л. 61. Телеграммы правительству Индии политического резидента Англии в Персидском заливе от 14 декабря 1917 г. и гражданского комиссара в Багдаде П. Кокса от 7 декабря 1917 г.

[39] Там же, л. 108—114.

[40] Полное имя шейха Махмуда Барзанджи (иногда пишут Барзинджи или Барзанджа) — Махмуд ибн Хафит ибн Кака. Он возводил свою родословную к пророку Мухаммаду через его дочь Фатиму и зятя (и двоюродного брата) Али ибн Абу Талиба четвертого «праведного» халифа (656—661).

[41] Там же, д. 147. Precis of Affairs, с. 5—6; Kurdistan and Kurds (by capt. C. R. Driver), с. 78.

[42] Там же. Precis of Affairs, с. 5—7; Kurdistan and Kurds, с. 78—79; *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, с. 356—357, 452—453.

[43] Напомним, что по межсоюзническим соглашениям 1915—1916 гг. эти «куски» Курдистана должны были быть отторгнуты от Турции в пользу России и Франции.

[44] См.: *Хейфец А. Н.* Великий Октябрь и угнетенные народы Востока. М., 1959, с. 19—23; История дипломатии. Т. III. М., 1965, с. 53—58.

[45] ДВП. Т. I, № 43; *Саркисян Е. К.* Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962, с. 324.

[46] ДВП. Т. I, № 43, с. 75.

[47] См.: *Сталин И. В.* О «Турецкой Армении».— Сочинение. Т. 4. М., 1947, с. 25—26.

[48] ДВП. Т. I, № 54, с. 91—92, 713.

[49] Там же, № 156, с. 273. Нота НКИД поверенному в делах Персии в РСФСР Асад-хану от 29 апреля 1918 г.

[50] См.: *Хейфец А. Н.* Великий Октябрь и угнетенные народы Востока, с. 25—28; *его же.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964, с. 173—196.

[51] *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока, гл. I; *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны, IV.

[52] ДВП. № 127, с. 240—241.

Глава II

[1] Как писал американский историк Ховард, англичане, стремясь установить свой контроль над всем Ближним Востоком, действовали «не только против своих врагов — турок, но также и против своих союзников — французов» (*Howards Harry N.* The Partition of Turkey. A Diplomatic History 1913—1923. New York, 1966, с. 210).

[2] См., например: *Ireland Ph. W.* Iraq. A Study in Political Development. L., 1937, с. 155; *Edmonds G. J.* Kurds, Turks and Arabs. Politics, Travel and Research in North-Eastern Iraq. 1919—1925. L., 1957, с. 29.

[3] Например: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.— Л., 1948, с. 75.

[4] Текст см.: *Temperley H. W.* A. History of the Peace Conference of Paris. Vol. I. L., 1920, с. 495—497.

[5] Традиционно армянскими считались вилайеты Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харпут и Сивас.

[6] В источниках и литературе встречаются разные даты захвата англичанами города и всего вилайета Мосула. Но это несущественно, ибо разночтения касаются всего нескольких дней и отчасти вызваны тем, что одни авторы имеют в виду город, а другие — весь вилайет.

[7] *Ireland Ph. W.* Iraq, с. 155; *Bell G.* Review, с. 48; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. Precis of Affairs, с. 7; *Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, с. 217.

[8] Precis of Affairs, с. 7.

[9] *Bell G.* Review, с. 48; *Ireland Ph. W.* Iraq, с. 155.

[10] Имеется в виду граница между тогдашней Османской империей и Ираном.

[11] *Wilson Arnold T.* Mesopotamia 1917—1920. A Clash of Loyalties. A Personal and Historical Record. L., 1931, с. 84—86.

[12] Там же, с. 86, 87.

[13] Как писала энергичный и наиболее способный деятель британской колониальной администрации в Месопотамии Гертруда Белл, его взгляды имели «слишком академический привкус» (*Bell G.* Review, с. 60).

[14] Там же, с. 58—59; Precis of Affairs, с. 8.

[15] Precis of Affairs, с. 9.

[16] *Wilson A. T.* Mesopotamia 1917—1920, с. X.

[17] Видимо, он имел в виду очень узкие хронологические рамки и исключительно английские интересы того времени. В действительности курдский вопрос в его внутреннем и международном аспектах возник еще в XIX в., как это доказывается, в частности, в исследованиях советских востоковедов (см.: *Халфин Н. А.* Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX века). М., 1963; *Лазарев М. С.* Курдский вопрос (1891—1917).

[18] *Wilson A. T.* Mesopotamia 1917—1920, с. 126.

[19] Precis of Affairs, с. 9.

[20] В отчете нашли также отражение события конца 1918 и первой половины 1919 г.

[21] Имелась в виду установленная в Багдаде британская военно-гражданская администрация, юрисдикция которой распространялась на оккупированные Басорский и Мосульский вилайеты побежденной Османской империи.

[22] Там же, с. 9; *Wilson A. T.* Mesopotamia 1917—1920, с. 128.

[23] *Wilson A.* Mesopotamia 1917—1920, с. 129.

[24] Precis of Affairs, с. 9—10; *Wilson A. T.* Mesopotamia 1917—1920, с. 129.

[25] *Wilson A.* Mesopotamia, с. 130—132.

[26] См.: *Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, гл. III—V.

[27] Precis of Affairs, с. 9—10; *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 129—130; *Bell G.* Review, с. 60—61.

[28] А. Вильсон называл Сона «наиболее замечательным человеком, с которым выпал жребий встретиться» (*Wilson A.* Mesopotamia, с. 82).

[29] Там же, с. 83—84; Precis of Affairs, с. 7.

[30] Precis of Affairs, с. 10—11.

[31] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 39—40.

[32] Там же .

[33] Precis of Affairs, с. 12—13; *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 133.

[34] Precis of Affairs, с. 12—13; *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 134.

[35] Подписан инициалами EJR, раскрыть которые не представляется возможным.

[36] Precis of Affairs, с. 18—20.

[37] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147; *Noël E. W. C., major.* Note on the Kurdish Situation. July 1919. Bagdad, 1919, с. 11.

[38] АВПР, ф. НАИ, сер. А. д. 152 [б. л.]. Копия меморандума политического офицера в Киркуке, 7.XI.1918.

[39] «Важным стратегическим барьером» против этих, а также «турецких движений», по мнению Г. Белл, должен был стать населенный курдами-езидами Джебель-Синджар (*Bell G.* Review, с. 51, 61).

[40] *Ireland Ph. W.* Iraq, с. 161—162.

[41] См.: *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М., 1958, с. 101—103.

[42] *Ireland Ph. W.* Iraq, с. 168—172.

[43] Там же, с. 181.

[44] Там же, с. 187.

[45] Там же, с. 189.

[46] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 41. Телеграмма № 970 от 14 ноября 1918 г.

[47] Сенджаби — полукочевники; племя образовалось в конце XVI в. из кашкайцев, шахрезуров, луров и насчитывало 150 селений. По вероисповеданию сенджаби — али-илахи.

[48] *Виноградова А.* Кочевые племена Персии и их политическая роль.— Международная жизнь. 1922, № 3 (121), с. 13.

[49] Там же, с. 14.

[50] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 90—91, л. 1, 9. Телеграмма генерала У. Маллесона начальнику генерального штаба в Симлу от 27 июня 1919 г. и телеграмма вице-короля Индии министру по делам Индии от 9 июля 1919 г. (Persia Series. Part XXVI, Situation in Persia).

[51] *Денни Л.* Борьба за нефтяную монополию. М.—Л., 1934, с. 43; *Герасимов О.* Иракская нефть. М., 1969, с. 9—13.

[52] *Брукс Майкл* Нефть и внешняя политика. М., 1949, с. 101—102.

[53] *Гофман Карл.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм. Л., 1930, с. 71, 81, 82, 85.

[54] Керзон утверждал, что английский эксперт Марк Сайкс это соглашение не одобрял и действовал по принуждению МИД (*Ллойд Джордж Д.* Права о мирных договорах. Т. II. М., 1957, с. 216).

[55] *Лорд Берти.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. М.— Л., 1927, с. 156.

[56] Имелась в виду правящая в Турции в 1908—1918 гг. партия Комитет «Единение и Прогресс» (Иттихад ве Теракки).

[57] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V. М., 1938, с. 52.

[58] *Черчиль В.* Мировой кризис. М.— Л., 1932, с. 105, 106; История дипломатии. Изд. 2-е. Т. III. М., 1965, с. 72.

[59] *Ключников Ю. В.* и *Сабанин А. В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926, № 88, с. 109.

[60] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V, с. 41.

[61] *Ллойд Джордж Д.* Права о мирных договорах. Т. II, с. 9.

[62] Там же, с. 10.

[63] Там же, с. 10—11. Незадолго до этого в переговорах с главой турецкой миссии Красного Креста Мухтар-беем о сепаратном мире, которые вели секретарь Ллойд Джорджа Керр и генерал Я. Х. Смэтс, позиция английской стороны была выражена более определенно. В Армении, Сирии, Месопотамии, Палестине и Аравии предусматривалось создание собственных автономных правительств или «смешанной администрации из местных и европейских чиновников под протекторатом одной или нескольких союзных держав, как в Египте». Но эти переговоры не имели особого значения, ибо велись с целью предварительного зондажа (*Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V, с. 54; *Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства, с. 196—197).

[64] *Darwin John.* Britain, Egypt and the Middle East. Imperial Policy in the Aftermath of War. 1918—1922. N. Y., 1981, с. 162.

[65] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. VI. М., 1937, с. 140.

[66] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 225—226.

[67] Там же, с. 226.

[68] *Howard Harry N.* The King-Crane Comission. An American Inquire in the Middle East. Beirut, 1963, с. 17.

[69] Там же, с. 21.

[70] Следует учесть, что географические рамки терминов «Курдистан» и «курдский вопрос» в то время были весьма неопределенными и включали в себя ареалы Месопотамии, Армении и Сирии.

[71] См. подробно: *Лазарев М. С.* Крушение турецкого господства на Арабском Востоке, с. 200—202.

[72] *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. V, с. 165, 167.

[73] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 227; *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 87.

[74] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. I, с. 111.

[75] *Тардье А.* Мир. М., 1943, с. 80.

[76] *Шпилькова В. И.* Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.). М., 1960, с. 36—38.

[77] В широком смысле слова ближневосточный вопрос включал в себя послевоенное переустройство всей Юго-Западной Азии, занимаемой рухнувшей Османской империей и фактически оккупированным союзниками (с конца 1917 г. одной Англией) Ираном. Боровшийся за полную независимость Афганистан в то время больше тяготел к Британской Индии, и его к региону обычно не причисляли. Однако сам этот вопрос состоял из некоторых относительно самостоятельных и весьма крупных и важных самих по себе вопросов. То были: 1) собственно «турецкий вопрос», т. е. будущее государственно-политическое устройство населенных в основном турками п-ова Малой Азии и Восточной Фракии; 2) иранский вопрос; 3) арабский вопрос (существовавший в теории и сам по себе в связи с обещаниями англо-французов по соглашению Сайкс — Пико содействовать созданию из территорий Азиатской Турции независимого арабского государства, а фактически распавшийся на самостоятельные вопросы о судьбах отдельных арабских стран, входивших в Османскую империю); 4) палестинский вопрос, начавший выделяться из арабского особенно после появления известной декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. о создании в Палестине еврейского национального очага; 5) армянский вопрос; 6) курдский вопрос. Следует отметить, что все эти вопросы тесно связаны между собой, и их нельзя рассматривать изолированно. Кроме того, к ним примыкали проблемы других регионов, например упомянутый «кавказский вопрос» или «египетский вопрос». К сказанному следует прибавить, что сами перечисленные вопросы были далеко не равнозначны не только по своему весу, но и в международно-правовом отношении. Одни из них (турецкий, арабский, армянский, курдский) были объектами многостороннего рассмотрения на международных форумах, другие (иранский, статус княжеств Аравийского п-ова) забирала в свое ведение одна Англия. В то же время все державы Антанты объединял последовательно империалистический, колониалистский подход ко всем этим ближневосточным проблемам.

Большинство указанных вопросов неплохо изучено в советской и зарубежной литературе. Курдский составляет исключение. Поэтому здесь и в дальнейшем изложении выделяются только те моменты, которые имеют к нему прямое или косвенное отношение, как это следует из задач настоящего исследования.

[78] Архив полковника Хауза. Подготовлен к печати профессором истории Иэйльского университета Чарлзом Сеймуром. Т. III. М., 1939, с. 227, 233.

[79] Там же. Т. IV. М., 1944, с. 156—157.

[80] PRFR. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. I. Wash., 1942, с. 69.

Глава III

[1] В этой и других главах книги курдские движения рассматриваются преимущественно в связи с политикой Англии, Турции и других заинтересованных сторон. Самостоятельному изучению курдских движений посвящена специальная монография «Курдское движение в новое и новейшее время». М., 1987. См., в частности гл. IV «Курдский вопрос после первой мировой войны (1918—1923)», с. 85—119.

[2] В этом отношении курдский феодальный национализм сходен с афганским (пуштунским) с той разницей, что последний в гораздо большей мере пропитан исламским клерикализмом.

[3] Социально экономический анализ состояния курдского общества в исследуемую эпоху см.: *Ментешашвили А. М.* Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта. М., 1984.

[4] *Ленин В. И.* Новая глава всемирной истории.— Полное собрание сочинений. Т. 22, с. 156.

[5] *Ленин В. И.* Балканская война и буржуазный шовинизм.— Т. 23, с. 38.

[6] См.: *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 76; *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата. М., 1969, с. 192—193; АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 14—15.

Внешняя канва событий, связанных с этим и другими курдскими восстаниями, уже известна по советской и зарубежной литературе, поэтому здесь и далее основное внимание при описании курдских движений и их общей оценке уделяется наиболее существенным моментам в их характеристике, а также новым фактам, впервые извлеченным из первоисточников (главным образом из «Национального архива Индии») и из прессы.

[7] Видимо, Ширнак расположенный в Иране, близ границы с Ираком.

[8] АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 15.

[9] См., например: *Longrigg St. H.* Iraq, 1900 to 1950. A Political, Social and Economic History. L., 1953, с. 104.

[10] В источниках и литературе не найдено документального подтверждения формального провозглашения шейхом Махмудом независимости Курдистана; видимо, это событие все же произошло «де-факто», а не «де-юре». Титул «хукумдар», которым Махмуда Барзанджи наделили англичане после изгнания турок из Сулеймании и который он сохранил во время восстания, не имеет однозначного толкования. В арабско-русском словаре Х. К. Баранова (изд. 5-е. М., 1976) даются неприемлемые значения: «полицеймейстер», «командир» (с. 188); в персидско-русском словаре Б. В. Миллера (изд. 2-е. М., 1953) — более подходящие: «повелитель», «правитель», «государь» (с. 179).

[11] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 15—16; д. 152, л. 87. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе от 25 мая 1919; *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 136—137; *Rambout L.* Les kurdes et le droit. Des textes, des faits. P., 1947, с. 57.

[12] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 87.

[13] Вильсон впоследствии писал, что он возражал против отмены Махмуду смертной казни, которая должна была стать главным фактором «восстановления спокойствия» в Курдистане (*Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 139).

Описание восстания шейха Махмуда в 1919 г. см.: *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иранском Курдистане, с. 76—81; *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 193—196. Там же приведена литература вопроса.

[14] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 18—20. Телеграмма от 28 августа 1919 г. Основные ее положения текстуально вошли в неоднократно цитируемую книгу автора.

[15] *Hay W. R.* Two Years in Kurdistan. Experience of a Political Officer 1918—1920, L., 1921, с. 193.

[16] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152. Телеграммы британского политического резидента в Персидском заливе — в Дели от 3, 9, 11 декабря 1918 г. и от 5 января 1919 г. и телеграммы министра по делам Индии вице-королю от 9 и 19 декабря 1918 г.

[17] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 61. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в департамент по иностранным и политическим делам правительства Индии от 26 апреля 1919 г.

[18] Там же, телеграмма от 15 апреля 1919 г.

[19] *Bell G.* Review, с. 66.

[20] Там же, с. 68.

[21] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147.

[22] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 60. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в Симлу от 19 апреля 1919 г.

[23] Лонгриг уверял читателей, что британская администрация относилась к курдам «с простодушным доверием», несмотря на «трагические эпизоды» в первые месяцы оккупации, было много проявлений «лояльной дружбы» между курдскими вождями и британскими офицерами (*Longrigg St. H.* Iraq. с. 102).

[24] *Bell G.* Review, с. 63.

[25] АВПР, ф. НАИ, д. 152, л. 79—80. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе правительству Индии от 12 мая 1919 г.

[26] *Bell G.* Review, с. 69.

[27] Там же, с. 69—70.

[28] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 38. Политический резидент в Персидском заливе — британскому верховному комиссару в Константинополе, 3 июля 1919 г.

[29] Там же.

[30] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 39, 44, 45. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе от 8 и 28 июня 1919 г.

[31] Отметим, что США, опасаясь поглощения Ирана Англией, поощряли контакты между Таха и Симко (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 40. Телеграмма П. Кокса от 1 июля 1919 г.).

[32] Еще в 1918 г. между курдами и приурмийскими ассирийцами происходили кровавые столкновения. Подробнее об ассирийском вопросе во время и

после первой мировой войны см. работы К. П. Матвеева: *Матвеев К. П.* (Бар-Маттай), *Мар-Юханна И. И.* Ассирийский вопрос, гл. II, III; *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема, гл. V—VII.

[33] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе британскому посланнику в Тегеране от 3 и 7 июля 1919 г.

[34] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 145.

[35] Там же, с. 290.

[36] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 101.

[37] *Hay W. R.* Two Years in Kurdistan, с. 353.

[38] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 290.

[39] Там же, с. 152—153; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 81—83; *Longrigg St. H.* Iraq, с. 103.

[40] Они начались еще в конце июня 1919 г.

[41] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 82.

[42] Там же, с. 83.

[43] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 259.

[44] Там же, с. 154.

[45] См.: *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке.

[46] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 259.

Недооценка роли курдского вопроса в общественно-политической жизни Ирака в 1918—1920 гг. отчасти характерна и для указанной книги Л. Н. Котлова. См. мою рецензию на эту книгу в журнале «Советское востоковедение» (1958, № 5, с. 171).

В период подготовки восстания арабское националистическое общество Аль-Ахд вело антианглийскую пропаганду среди курдов. Один из лидеров общества в послании шейхам арабских племен тайи и шаммар писал, что они должны брать пример с курдов. Он «проявлял живой интерес к курдским делам и просил шейхов тайи передать его послание курдам рашьян» (*Kedourie E.* England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire 1914—1921. L., 1956, с. 82, 83).

[47] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 291.

[48] *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 137; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение, с. 91.

[49] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение, с. 91.

[50] *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 139; *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 231.

[51] *Котлов Л. Н.* Национально-освободительное восстание, с. 139, 167, 168.

[52] *Гурко-Кряжин В.* «Четыре конфликта».— «Новый Восток», 1925, кн. 1 (7), с. 61.

[53] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 67.

[54] «Англо-индийцами» называли возглавлявшуюся лордом Керзоном группировку колониальных деятелей (в их ведении были Индия, Афганистан, Иран, Ирак, страны Персидского залива), которые отличались ультраимпериалистическими настроениями.

[55] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 116; *Longrigg St. H.* Iraq, с. 117—118.

[56] *Wilson A. T.* Mesopotamia, с. 124.

[57] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 158, л. 72—73. Заметка майора Ноэля о политическом статусе Курдистана (б. д., Сулеймания, предположительно февраль 1919 г.).

[58] АВПР, ф. НАИ, сер. А., д. 153, л. 30—31; *Wilson A. T. Mesopotamia*, с. 143.

[59] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 88. Телеграмма от 22 августа 1919 г.

[60] Такое положение сохраняется и в Пакистане вплоть до наших дней.

[61] Так называли хакярийских ассирийцев-несториан — по имени одного из самых крупных и влиятельных племен — маликств — джилу (подробнее см.: *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема, гл. III).

[62] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 7—8. Письмо от 22 мая 1919 г.

[63] Там же, л. 8. Бригадный генерал Остин — начальнику Генштаба, телеграмма от 26 мая 1919 г.

[64] Там же, д. 152, л. 101. Телеграмма министра по делам Индии — вице-королю.

[65] Там же, л. 88. Телеграмма политического резидента в Персидском заливе в Симлу от 25 мая 1919 г.

[66] Там же, д. 153, л. 20.

[67] Там же, л. 21, 29, 30. Телеграмма из Каира политической службе в Багдаде от 14 июня 1919 г. и Ноэля — туда же от 13 июня 1919 г.

[68] Там же, л. 42—44. Телеграмма Била из Равандуза и Мосула политическому резиденту в Багдаде от 29 мая и 6 июня 1919 г.

[69] *Edmonds C. J.* Kurds, Turks and Arabs, с. 180, 216—217.

[70] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 57. Телеграмма Ноэля в Багдад от 10 июля 1919 г.

[71] Там же, л. 87. Телеграмма главного командования сил «Д» в Багдаде военному министру от 15 августа 1919 г.

[72] *Gavan S. S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 30.

[73] Там же, с. 30—31.

[74] Там же, с. 31.

[75] Там же, с. 31.

[76] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154. Министр по делам Индии Монтегю — А. Вильсону, 22 ноября 1919 г.

[77] Имеется в виду несомненно Юго-Западный Курдистан, где оставались регулярные турецкие войска.

[78] АВПР, ф. НАИ, д. 154, сер. А, л. 89—90. А. Вильсон — Э. С. Монтегю, 26 ноября 1919 г.

[79] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 35—36. От помощника министра иностранных дел А. Хирцеля — в министерство по делам Индии, 20 декабря 1919 г.

[80] Там же, л. 37—39. Отчет о совещании в министерстве по делам Индии для обсуждения телеграмм полковника Вильсона от 26—27 ноября 1919 г. о границах между Месопотамией и Курдистаном.

[81] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. Precis of Affairs in Southern Kurdistan, с. 16—17.

[82] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 117—119. Administration of Mesopotamia. Part IV. Письмо Сона А. Вильсону от 11 января 1920 г.

[83] Там же, письмо Хамди Бабана А. Вильсону от 25 января 1920 г., л. 121.

[84] Текст не найден.

[85] Там же, л. 155. Foreign and Political Department Notes. Administration of Mesopotamia. Part IV, с. 3—4.

[86] Там же, л. 4—5. Политический резидент в Персидском заливе — секретарю по иностранным делам правительства Индии, 25 марта 1920 г.

[87] Там же, л. 6. Политический резидент в Персидском заливе — секретарю по иностранным делам, 27 марта 1920 г.

[88] Там же. А. Вильсон — Монтегю, 5 апреля 1920 г.

[89] Там же, д. 156, л. 9. Proceedings of the Foreign and Political Department. February 1921. Administration of Mesopotamia. Part IV. А. Вильсон — Монтегю, 3 июля 1920 г.

[90] Там же, А. Вильсон — Монтегю, 16 июля 1920 г.

[91] Сон дает следующую социальную структуру курдского общества в Ираке: на 94% оно состоит из «свободных и независимых крестьян-фермеров, усердных, безразличных к внешнему миру, безгласных». Остальные 6% — население Сулеймании, из них 5,5% торговцы и фермеры, занятые своими делами и не интересующиеся внешней политикой. Оставшиеся 0,5% — чиновники и нотабли, которые и представляют собой «vox populi», играют политическую роль. Сон утверждает, что указанные 94% не хотят никаких перемен и что именно они не поддержали шейха Махмуда Барзанджи, благодаря чему его восстание было подавлено (там же, л. 71—72. «Записка о политической ситуации в Южном Курдистане майора Сона, политического офицера в Сулеймании», 28 июля 1920 г.).

[92] Там же.

[93] Там же, л. 73—74. Письмо Хамди-паши А. Вильсону от 6 августа 1920 г.

[94] Там же, л. 74. А. Вильсон — Хамди, 9 августа 1920 г.

[95] Одному из главных его аспектов — курдским движениям — посвящено недавно вышедшее специальное исследование О. И. Жигалиной «Национальное движение курдов в Иране (1918—1947 гг.)». М., 1988.

[96] *Востров А.* Племена Ирана и племенная политика иранского правительства.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1936, № 34, с. 215—216.

[97] АВПР, ф. НАИ, д. 147, л. 14; Precis of Affairs.

[98] О его деятельности накануне и во время первой мировой войны см.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос (1891—1917), гл. IV—VIII.

[99] *Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И. И.* Ассирийский вопрос, с. 67—80.

[100] *Arfa Hassan.* The Kurds. An Historical and Political Study. L., 1960, с. 56.

[101] Там же, с. 57.

[102] Там же, с. 57—58.

[103] Там же, с. 58.

[104] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154. Гражданский комиссар в Багдаде — министру по делам Индии, 25 августа 1919 г.

[105] *Wilson A.* Mesopotamia, с. 141—142; *Bell G.* Review, с. 70.

[106] Единственное известное нам упоминание в литературе и источниках о существовании такого органа.

[107] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153. И. о. гражданского комиссара в Месопотамии — в министерство по делам Индии, 9 июля 1919 г. *Gavan S. S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958, с. 19—20.

[108] Там же, д. 147, л. 18—19. *Noel E. W. C. major.* Note of the Kurdish Situation.

[109] Эти данные относятся к нашему времени (*Chaliand G., Ghassemlu A. R., Kendal, Nazdar M., Roosevelt A., Vanly J. C.* Les Kurdes et le Kurdistan. Les question nationale kurde au Proche-Orient. P., 1978, с. 71; *Vanly Ismet Cheriff Dr.* Survey on the National Question of Turkish Kurdistan with Historical Background. Roma 1971, с. 6), но их можно без большой ошибки отнести и к исследуемому периоду.

[110] Этот термин, созданный по аналогии с «младотурками», не привился в литературе. Из советских курдоведов его употреблял О. Л. Вильчевский, больше в одиозном значении (см.: *Вильчевский О.* Библиографический обзор зарубежных курдских печатных изданий в XX столетии.— Иранские языки. 1945, I. М.— Л., 1945, с. 152).

[111] *Safrastian Arshak.* Kurds and Kurdistan. L., 1948, с. 77.

[112] *Лахути.* Курдистан и курды.— Новый Восток. 1923, кн. 4, с. 65—66.

[113] *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan, с. 78.

[114] *Лахути.* Курдистан и курды, с. 66.

[115] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 66.

[116] Делегация была арестована Мустафой Кемалем у Диарбекира и силой возвращена в Стамбул (*Elphinston W. G.* The Kurdish Question.— International Affairs. Vol. XXIII, № 1, January 1946, с. 95).

[117] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 37. Шериф-паша — Фаик-бею (его кузену). Париж, 20 января 1919 г.

[118] *Bell G.* Review, с. 65—66.

[119] *Ünal T.* Türkiye siasi tarihi (1700—1958). Ankara, 1958, с. 235.

[120] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 9. *Noël E.* Note on the Kurdish Situation.

[121] К пропаганде панисламизма среди курдов приложили руку агенты правителя (шерифа) Мекки Хусейна ибн Али из рода Хашимитов. Шериф Хусейн, в годы войны союзник Англии, после ее окончания лелеял амбициозные планы создания своего халифата, что противоречило планам Лондона. Иттихадистскую пропаганду рьяно вел (в Ване, Мардине и других пунктах Восточной Анатолии) бывший вали Вана Хайдар-бей (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 152, л. 62, 84—85. Политический резидент в Персидском заливе — в департамент по иностранным и политическим делам правительства Индии, 29 апреля и 18 мая 1919 г.; л. 92, 97. Министр по делам Индии — вице-королю, 2 июня 1919 г.).

[122] Там же, л. 81. Политический резидент в Персидском заливе — правительству Индии, 12 мая 1919 г.

[123] Там же, л. 86. Министр по делам Индии — вице-королю, 15 мая 1919 г.

[124] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 153, л. 2. Министр по делам Индии — вице-королю, 6 июня 1919 г.

[125] Там же, л. 69—70. И. о. гражданского комиссара в Месопотамии — в министерство по делам Индии, 22 июля 1919 г. Перевод письма Шериф-паши его дочери Шерифе Хусни в Александрию, 26 мая 1919 г.

[126] Там же, л. 100—101, 105. Верховный комиссар Англии в Константинополе — в МИД, 22 апреля 1919 г.; Телеграмма политического офицера в Каире в Багдад от 6 августа 1919 г.

[127] Там же, д. 154, л. 2. Телеграмма от 31 (29?) августа 1919 г.

[128] Там же, л. 1. Телеграмма от 31 августа 1919 г.

[129] Там же, л. 20. Телеграмма от 1 сентября 1919 г.

[130] Там же, д. 153, л. 55. Британский верховный комиссар в Константинополе — в МИД, 10 июля 1919 г.; д. 154, л. 5. Ноэль — гражданскому комиссару в Багдаде, 20 августа 1919 г.

[131] Там же, д. 154, л. 16. А. Вильсон — в министерство по делам Индии вице-королю, 27—28 августа 1919 г.

[132] См.: *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, с. 74, 75, 114—116, 148, 149.

[133] Английский источник называет его человеком, не имеющим «собственного мнения» и потому не пользующимся доверием ни курдов-патриотов, ни турок (иттихадистов), ни англичан, хотя все они на него в разное время делали ставку (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147. Personalities in Kurdistan. June 1919, Baghdad, 1919, с. 26).

[134] *Bell G.* Review, с. 66—67, 70.

[135] Там же, с. 67.

[136] Там же, с. 71.

[137] Эти цифры вызывают сомнение, ибо основной массив курдов-шиитов (точнее — али-илахи) находился в Дерсиме, севернее тех мест, которые посетила миссия Ноэля.

[138] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 34—35, 40—41. Ноэль — А. Вильсону в Багдад. 19 и 25 сентября 1919 г.

[139] *Nassabian Akaby.* Britain and the Armenian Question. 1915—1923. L., 1984, с. 139, 142.

[140] Вождь милли, упомянутый Махмуд-бей, сказал английскому капитану Вули, что правительство Курдистана призовет на службу армян как более образованных, но после создания курдских школ курды догонят армян.

[141] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 66. Л. Д. Уикли (из Политического департамента министерства по делам Индии) — А. Вильсону, 6 сентября 1919 г.

[142] Там же, л. 52. Верховный комиссар Англии в Константинополе — А. Вильсону, 1 октября 1919 г.

[143] Дамад — титул зятя султана.

[144] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 52. А. Вильсон — верховному комиссару Англии в Константинополе, 2 октября 1919 г.

[145] Там же, л. 54—55. Ноэль — А. Вильсону, 27 сентября 1919 г.

[146] Там же, л. 63. Телеграмма А. Вильсону от 18 октября 1919 г.

[147] Там же, л. 68. А. Вильсон — в министерство по делам Индии, 22 октября 1919 г.

[148] По данным парижской «Матэн» (10 и 11 ноября 1921 г.) — 2 сентября.

[149] См.: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 90—91; *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 241—242, 455.

[150] Таковыми могли считаться лишь отдельные купленные англичанами представители племенной верхушки, но не о них сейчас речь.

[151] Знаток курдского вопроса английский полковник Эльфинстон на основании личных впечатлений о ситуации в турецком Курдистане после окончания войны писал впоследствии: общественное мнение курдских племен относилось «апатично к разговорам о курдской независимости или автономии, соглашаясь оставаться под турецким управлением» (*Elphinston W. G., colonel.* Kurds and the Kurdish Question.— Journal of the Central Asian Society. Vol. XXIV, January 1948, pt I, с. 43.

[152] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. 1919—1927. Т. III. Интервенция союзников, греко-турецкая война и консолидация национального фронта, 1920—1921. М., 1934, с. 390—392.

[153] Так называли английский золотой соверен, на котором был изображен св. Георгий Победоносец, патрон Англии.

[154] Имеется в виду Ноэль, фамилия которого в цитируемом издании (как, видимо, и в турецком подлиннике) почему-то офранцужена.

[155] Вали Мамурет-уль-Азизского, или Харпутского, вилайета.

[156] *Ататюрк Кемаль.* Избранные речи и выступления. М., 1966, с. 51.

[157] На него турецкие патриоты возлагали известные надежды, впрочем неосуществившиеся.

[158] *Кемаль Мустафа.* Избранные речи и выступления, с. 55.

[159] Видимо, Общество возрождения Курдистана.

[160] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. I. Первые шаги национально-освободительного движения, 1929 г., с. 9.

[161] Там же, с. 203. От временно исполняющего должность вали Диарбекирского вилайета Мустафы — в инспекцию 3-й армии, 8 июня 1919 г.

[162] Там же, с. 203—204, 208—209. От 15 июня 1919 г.

[163] Там же, с. 414. Имеется в виду конгресс защиты прав восточных вилайетов, состоявшийся в Эрзеруме 23 июля — 6 августа 1919 г.

[164] Там же, с. 65, 66, 68.

[165] Там же, с. 237—238.

[166] В развернутой кемалистами кампании за отставку кабинета Дамада Ферид-паши прозвучал и «курдский» голос. Например, под манифестом «турецких партий» против «неконституционного» кабинета Ферид-паши от 22 июля 1919 г., опубликованным газетой «Идрак», значатся подписи «Курдской национальной» партии и «курдского клуба» (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 124. Британский верховный комиссар в Турции).

[167] Там же, с. 99—100. Селяхеддин — командующему 15-м армейским корпусом генералу Кязыму Карабекиру, 13 августа 1919 г.

[168] Там же, с. 100.

[169] Имелась в виду территория между Эрзинджаном и Сивасом.

[170] Этнографическая группа курдов, населявших округ Дерсим (вилайет Харпут), исповедующих крайнюю ветвь шиизма (ахл-е хакк, или али-илахи) и говорящих на особом диалекте зазаки. Кстати, их насчитывалось не «ничтожное количество», а несколько сот тысяч.

[171] Там же, с. 101. Кемаль — командующим 12-м и 20-м корпусами, 21 августа 1919 г.

[172] *Nassibian A.* Britain and the Armenian Question, с. 163—164.

В попытках вновь разжечь вражду между армянами, с одной стороны, и курдами и другими мусульманами — с другой, в немалой степени повинны и дашнаки, которые на контролировавшейся ими территории организовали преследование тюркского и курдского населения (по отношению к нему был придуман специальный термин — «макрель»); отбиравшиеся у них земли передавались влиятельным членам правительства и парламента. Грабежи и кровавые погромы мусульман, оправдывавшиеся местью за прошлое, вызывали многочисленные жалобы и получили широкую огласку, что давало державам Антанты дополнительные предлоги для вмешательства (*Борьян Б. А.* Армения, международная дипломатия и СССР. Ч. II. М.— Л., 1929, с. 195; PRFR. 1919, vol. II. Wash., 1934, с. 860).

[173] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. I, с. 118, 126.

[174] Там же, с. 134, 137, 138.

[175] Там же, с. 117.

[176] Там же, с. 266—267.

[177] Там же, с. 140.

[178] Там же, с. 255—256.

[179] Там же, с. 263.

[180] Там же, с. 281. Из донесения Кязыма Карабекира от 15 сентября 1919 г. См. также: *Bell G.* Review, с. 71.

АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 154, л. 34—35. Ноэль — А. Вильсону, 19 сентября 1919 г.

[181] Старая султанская армия в своей значительной части была деморализована и развалилась, но этот процесс меньше всего затронул Восточный фронт, где Турции противостояла дашнакская Армения. Здесь сохранились ре-

гулярные части, командиры которых (Кязым Карабекир и др.) поддерживали тогда кемалистов.

[182] См., например: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 89; *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923 гг. М., 1966, с. 75.

[183] Подобные мнения скорее всего высказаны под влиянием прокемалистски и англофобски настроенных авторов, главным образом турецких и французских. Последние, тенденциозно изображая политику Англии в Турции, пытались этим снять обвинения с Франции в «империализме» и заодно объяснить неудачу своей страны в конкурентной борьбе против британского союзника на Ближнем Востоке. Например, известная в свое время Берта Жорж-Голи, писавшая на «восточные» темы, рассказывая об интригах англичан в Восточной Турции и похождениях майора Мак-Новилла (тот же Ноэль!), отмечала, что США и Франция особенно были встревожены оккупацией англичанами в 1919 г. Киликии, что позволяло «британскому империализму» получить «свободу действий в Курдистане» (*Georges-Goulis B.* La question turque. Une page d'histoire turque et d'erreure européennes 1919—1931. P., 1931, с. 23, 28, 87—88).

Англичане, утверждала она далее, инспирировали курдские восстания и обещали создать автономный Курдистан для того, чтобы получить «надежный очаг сопротивления против нового турецкого режима» (там же, с. 230). Жорж-Голи явно преувеличивала успехи британской политики в Курдистане. Видимо, под влиянием такого рода утверждений падкий на сенсации англичанин Армстронг приводит ничем не документированные и малодостоверные подробности событий в Малатье во время Сивасского конгресса. По его словам, Али Галиб-бей получил непосредственно от султанского правительства приказ повести курдские племена на Сивас и арестовать делегатов конгресса, причем султан якобы рассчитывал на религиозный фанатизм курдов (в общем, для них не характерный) и на их преданность престолу (тоже миф) (*Armstrong H. G.*, Grey Wolf Mustafa Kemal. An Intimate Study of a Dictator. L., 1935, с. 139).

Всякого рода домыслы и слухи можно встретить в прессе того времени и в литературе касательно роли низвергнутого младотурецкого диктатора Энвер-паши в событиях, происходивших на востоке Малой Азии. Иранский автор Фатеми со ссылкой на английскую «Таймс» от 3 февраля 1920 г. писал, что Энвер организовал 3-тысячный кавалерийский отряд и привел его в Сивас, где находился штаб Кемаля (*Fatemi Nasrollah Saifpour.* Diplomatic History of Persia 1917—1923. Anglo-Russian Power Politics in Iran. N. Y., 1952, с. 158). С какой целью — остается только гадать. Та же «Таймс» 23 сентября 1920 г. писала, что незадолго до этого Энвер-паша называл себя «Королем Курдистана». Сообщалось и о контактах Энвера с лидером правого крыла в кемалистском движении Кязымом Карабекиром (Бюллетень НКИД. 1920, № 40, 05.11, с. 42; № 42, 14.11, с. 24).

Все эти сведения крайне сомнительны и не подтверждаются никакими источниками. Можно предположить, что англичане нарочно распускали такого рода слухи с целью дискредитации кемалистов обвинениями в связях с обанкротившимся Иттихадом и его сброшенным с пьедестала лидером. Вряд ли кемалисты нуждались в поддержке младотурок, которые, хотя и продолжали играть известную роль в восточноанатолийской провинции, в том числе и в курдском вопросе, уже не могли подняться как серьезная политическая сила. Как возможные противники младотурки также не представляли большой угрозы Анкаре, даже если бы сумели привлечь на свою сторону курдов.

[184] Начальному периоду курдского движения в послевоенной Турции посвящена специальная работа М. А. Гасратяна (*Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции (от начала кемалистского движения до Лозаннской конференции).— Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. VII. Курдоведение. Ер. 1975), основанная главным образом на турецких источниках и литературе. Автор вводит в научный оборот новые факты, делает серьезные выводы. Однако следует иметь в виду, что турецкие авторы и публикаторы поголовно излагали ту версию событий, которую предложил (вернее, декретировал) сам Кемаль по указанным соображениям и которая «работала» на антикурдскую шовинистическую политику турецких правящих кругов, заинтересованных представить курдское движение в возможно более негативном свете, как реакционное и

агентурное. Поэтому далеко не все сведения, почерпнутые из этой литературы, вызывают доверие (например, о провозглашении Халила Рахима — скорее Рами-бея — «правителем Курдистана» и о конгрессе курдских вождей в Широ) (там же, с. 51—52).

Об этом писала некая «Газет» 3 марта 1925 г., т. е. в разгар восстания шейха Саида, когда вся турецкая пресса была полна антикурдскими измышлениями. В остальной литературе упоминаний на этот счет нет.

[185] Цит. по: *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. I, с. 301.

[186] Там же, с. 414.

[187] Цит. по: *Ирандуст.* Движущие силы кемалистской революции, с. 83. В книге «Путь новой Турции» (т. III, примеч. 3, с. 251—254) текст «Национального обета» переведен с французского и отличается в редакционном отношении от цитируемого, переведенного с турецкого.

[188] Как справедливо замечает английский историк Арнольд Тойнби, по смыслу «Национального обета» под турецким суверенитетом должны остаться курды не только Анатолии, но и Мосула. Было два мотива турецких притязаний на Мосул, продолжает далее Тойнби. Первый, «сентиментальный» (?), вытекал из духа «Национального обета» и противоборства с Антантой. Второй, «практический», имел в виду курдский вопрос. Признав за арабами (но не Мосула и Киликии) право на самоопределение, турецкие националисты «не были готовы делать подобную уступку курдам». Объясняет это Тойнби неубедительно — отсталостью курдов в социальном и культурном отношении («ни один из курдских диалектов не принял литературной формы», что спорно). Именно поэтому турецкие националисты выступали за «ассимиляцию и абсорбцию» курдов в турецкую нацию, за распространение на них политики «вестернизации». Нетрудно заметить, что аргументы Тойнби характерны для типично буржуазного мировоззрения и политики в области национальных отношений. Практика советской власти неопровержимо говорит за то, что «отсталость» этноса отнюдь не помеха для проведения политики самоопределения, а, напротив, диктует необходимость проводить такую политику возможно быстрее и радикальнее (*Toynbee Arnold I.* The Islamic World since the Place Settlement.— Survey of International Affairs, 1925. Vol. 1. L., 1925, с. 491—492).

[189] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. I, с. 255—256. Ахмед Джевдет — командующему 3-м армейским корпусом, 14 сентября 1919 г.

[190] См.: *Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции, с. 51—52.

[191] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 50. Британский верховный комиссар в Турции вице-адмирал Дж. де Робек — Керзону, 26 декабря 1919 г.

[192] *Эфендиева Н. З.* Борьба турецкого народа против французских оккупантов на юге Анатолии (1919—1921). Баку, 1966, с. 90, 123.

[193] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. III, с. 257.

[194] Там же, с. 256; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 147, л. 14.

[195] *Noel E. W. C. major.* Note on the Kurdish Situation, с. 16—19.

[196] Характерная деталь: Кязым Карабекир-паша, в ту пору союзник Кемаля, получал из Военного министерства в Стамбуле информацию о курдском движении в Ираке (АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 49. Де Робек — Керзону, 26 декабря 1919 г.).

[197] *Gavan S. S.* Kurdistan, с. 21—24; АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 66, де Робек — Керзону, 5 февраля 1920 г.

«Кемалистское движение,— писал Гэвен,— заведомо расистское и антикурдское» (*Gavan S. S.* Kurdistan, с. 23).

[198] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. II. Подготовка ангорской базы 1919—1920. М., 1932, с. 110—113.

[199] Там же, с. 114.

[200] Там же, с. 189.

[201] Там же, с. 303—304.

[202] Там же, с. 224.

[203] Там же, с. 228.

[204] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. III, с. 83—84.

[205] *Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции, с. 55—56.

[206] Немецкая газета «Кёльнишер цайтунг» писала 4 августа 1920 г., что кемалисты в последнее время сражаются против курдских отрядов, которые «едва ли по собственному почину» борются за «отделение от Турции и созда-

ние автономного Курдистана». Волнения захватили даже район Анкары, что встревожило не только кемалистов, но и стамбульское правительство (цит. по: Бюллетень НКИД. 1920, № 33, 05,10, с. 43; 15.08, с. 27).

[207] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 156, л. 9. Письмо Сулейман-аги британскому политическому офицеру в Мосуле, 25 июня 1920 г.

Глава IV

[1] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. I, с. 167.

[2] Главный рабочий орган конференции, состоявший из глав правительств и министров иностранных дел Англии, Франции, США, Италии и Японии.

[3] Слово «Курдистан» набрано в тексте публикации курсивом.

[4] *Miller David Hunter.* The Drafting of the Covenant. N. Y.— L., 1928. Vol. II, с. 109—110.

[5] Там же, vol. II, с. 220.

[6] Там же, vol. I, с. 115; vol. II, с. 223, 226.

[7] Там же, vol. I, с. 102; *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 221.

[8] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 5.

[9] Там же, с. 9.

[10] Там же, с. 199—200.

[11] Там же, т. I, с. 529—531.

[12] *Miller D H.* The Drafting of the Covenant. Vol. I, с. 186.

[13] PRFR. The Paris Peaca Conference. Vol. III. Wash., 1943, с. 808.

[14] *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 220—221.

[15] Архив полковника Хауза. Т. IV, с. 227.

[16] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. I, с. 252—253.

[17] PRFR. The Paris Peace Conference. Vol. IV. Wash., 1943, с. 153.

[18] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 227.

[19] Там же, с. 273—274.

[20] *General Shérif Pasha.* Memorandum on the Claims of the Kurd People. P., 1919; Oriente Moderno. № 2, 15 Luglio 1921, с. 72—73.

[21] *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 226—227.

[22] Oriente Moderno. № 2, 15 Luglio 1921, с. 75; *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 110—112.

[23] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 203.

[24] Там же, с. 206.

[25] A History of the Peace Conference of Paris. Ed. by H. W. V. Temperley. Vol. VI. L., 1924, с. 211.

[26] См.: *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947, с. 201; *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М., 1952, с. 270—271.

[27] См.: *Миллер А. Ф.* Американский план захвата Константинополя и Проливов в 1919 г.— *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории. 1983, с. 163—166; *Поцхверия Б. М.* Американские комиссии в Турции в 1919 г.— УЗИВ. Т. 17, М., 1959; *Howard H. N.* The King-Crane Comission. An American Jnquire in the Middle East. Beirut, 1963.

[28] *Howard H. N.* The King-Crane Comission, с. 69—70.

[29] Там же, с. 161, 166.

[30] Там же, с. 178.

[31] Там же, с. 172.

[32] Там же, с. 173.

[33] Там же, с. 197.

[34] Там же, с. 208.

[35] Там же, с. 215.

[36] PRFR. PPC. Vol. XI. Wash., 1945, с. 576.

[37] Там же. Vol. VI. Wash., 1946, с. 675—676.

Заседание Совета десяти 25 июня 1919 г.

[38] Там же. Vol. XII. Wash., 1947, с. 800.

[39] А не США, как утверждается в книге В. И. Шпильковой «Империалистическая политика США в отношении Турции (1914—1920 гг.)». М., 1960, с. 98.

[40] Там же, с. 836—837, 842; *Howard H. N.* The King-Crane Comission, с. 227—228, 322, 360.

[41] См.: *Миллер А. Ф.* Американский план захвата Константинополя и Проливов, с. 167, 168; *Поцхверия Б. М.* Американские комиссии в Турции, с. 165—171; *Шпилькова В. И.* Империалистическая политика США в отношении Турции, с. 100—102.

[42] *Поцхверия Б. М.* Американские комиссии в Турции, с. 171.

[43] *Howard H. N.* The King-Crane Comission, с. 282—283.

[44] См.: *Поцхверия Б. М.* Турецкий вопрос в сенате США (конец 1919 — середина 1920 г.).— КСИВ. XIX. М., 1956; *Шпилькова В. И.* Империалистическая политика США в отношении Турции, гл. III.

[45] *Nassibian A.* Britain and the Armenian Question, с. 224.

[46] Архив полковника Хауза. Т. IV, с. 363.

[47] *Черчиль В.* Мировой кризис, с. 249.

[48] Documents on British Foreign Policy. 1919—1939 (DBFP). Ist Series. Vol. IV. L., 1952, № 242, с. 340, 344, 346.

Меморандум Бальфура о Сирии, Палестине и Месопотамии, 11 августа 1919 г.

[49] Там же, № 192, с. 279.

[50] Там же, № 314, с. 454. Дерби — Э. Керзону, 10 октября 1919 г.

[51] Там же, Vol. IV, № 334, с. 483. Керзон — Дерби, 18 октября 1919 г.

[52] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 273—274.

[53] DRFP. Vol. IV, с. 813—815.

[54] Туркоманы — тюркоязычное население Северной Месопотамии, этнографически отличающееся от турок малоазиатских и от иранских и среднеазиатских туркмен. Эти этнонимы часто путают.

[55] Там же, № 634, с. 969—970.

[56] Там же, с. 966—967.

[57] *Черчиль В.* Мировой кризис, с. 254.

[58] DBFP. Vol. IV, № 658, с. 1024—1025. Ванситарт- — Керзону, 12 января 1920 г.

[59] Там же, № 665, с. 1041, 1042. Письмо Форбса Адама из Парижа Пиппсу (помощнику секретаря МИД), 19 января 1920 г.

[60] Там же. Vol. VII. 1920. L., 1958, № 6, с. 43.

[61] Там же, № 12, с. 103.

[62] Там же, с. 106, 108.

[63] Там же, № 29, с. 256—258.

Такой страны в природе не существовало, а были разбросанные по северному Ирану христианские (униатские) общины халдеев (халдейцев).

[64] Утверждение Дж. Дарвина о том, что на этой Лондонской конференции было решено создать независимые государства не только в Армении, но и в Курдистане (*Darvin G.* Britain, Egypt and the Middle East, с. 178), не соответствует действительности.

[65] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 413.

[66] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 121. Керзон — де Робеку, 6 марта 1920 г.

[67] DBFP. Ist Series. Vol. VIII. L., 1958, № 4, с. 32.

[68] Предлог «или» здесь явно неуместен, ибо несториане и халдеи — разные конфессиональные группы, хотя последние этнически в основном также ассирийцы.

[69] Заменивший в январе 1920 г. Клемансо после провала последнего на президентских выборах, чему способствовало, как справедливо заметил Ллойд Джордж, недовольство им французских банковских кругов из-за уступки Мосула с его нефтью (*Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 274).

[70] DBFP. Vol. VIII, № 5, с. 43—44. Записи британского секретаря с заседания Верховного совета Антанты 19 апреля 1920 г.

[71] Там же, с. 44—45.

[72] Там же, № 8, с. 77.

[73] Там же, № 13, с. 133.

[74] Там же, с. 141—142.

[75] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 447.

[76] Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д., 30.04.1920, № 8, с. 22.
[77] Там же, 13.05.1920, с. 1.
[78] Там же, 17.05.1920, № 12, с. 3.
[79] Там же, 10.07.1920, № 22, с. 28.
[80] Там же, с. 28.
[81] Там же, 30.07.1920, № 26, с. 29.
[82] *Cumming Henry H.* Franco-British Rivalry in the Postwar Near East. L., 1938, с. 71.
[83] О дипломатической подготовке Севра см. превосходную работу А. Ф. Миллера «Дипломатическая подготовка Севрского договора (К сорокалетию со дня подписания)» (Проблемы востоковедения. 1960, № 5).
[84] *Гурко-Кряжин В.* Предисловие.— *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. I, с. LII.
[85] Цит. по: Вестник НКИД. 1920, № 3, 27.02. с. 10.
[86] Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д. 2.04.1920, № 4(90), с. 14.
[87] Там же, с. 7.
[88] То есть исламистская карта, часто используемая Лондоном на Востоке, может в Курдистане и не сыграть, а сами курды могут присоединиться к движениям христианских меньшинств.
[89] Видимо, в данном случае имелся в виду только Южный Курдистан.
[90] DBFP. Vol. IV, № 451, с. 678—680.
[91] Там же, № 464, с. 693—696. Письмо Хохлера сэру Дж. Тиллею (помощнику секретаря в МИДе) от 21 июля 1919 г.
[92] Там же, № 469, с. 704—705.
[93] Там же, № 472, с. 714. Кальторп — Керзону, 1 августа 1919 г.
[94] В таком обнаженном виде это предложение в источниках и литературе нами не обнаружено.
[95] Там же, № 492, с. 735—736. Веб — Керзону, 19 июля 1919 г.
[96] Там же, № 498, с. 743. Письмо Хохлера Керру от 27 августа 1919 г.
[97] Бальфур писал Керзону: пока «мы держим Алеппо и Мосул», французское продвижение к Армении через Мардин и Диарбекир не представляется опасным (там же, № 502, с. 746—747. Бальфур — Керзону, 2 сентября 1919 г.).
[98] Там же, № 523, с. 782. Полковник Мейнертцхейген (Meinertzhagen) — Керзону, 27 сентября 1919 г.; № 543, с. 808. Де Робек — Керзону, 10 октября 1919 г.
[99] Американцы проявили большой интерес к экспедиции Ноэля. По сведениям офицера разведки при верховном комиссаре США в Турции Р. Данна, Ноэль хотел поднять курдов против турок с целью отодвинуть границу Месопотамии на север. Данн допытывался у Хохлера об истинных причинах поездки Ноэля в Малатью (там же, № 549, с. 822—824. Де Робек — Керзону, 18 октября 1919 г.).
[100] Перед первой мировой войной занимал пост первого секретаря британского посольства в Константинополе.
[101] Там же, № 596, с. 894.
[102] Там же, № 609, с. 910. Кидстон — Кроу, 28 ноября 1919 г.
[103] Там же, № 611, с. 913. Письмо Кроу Кидстону, 1 декабря 1919 г.
[104] Характерный штрих: переговоры с турецким министром иностранных дел вел драгоман, т. е. переводчик. Таков был престиж Порты в глазах британского верховного комиссара!
[105] Там же, № 616, с. 920—924. Де Робек — Керзону, 4 декабря 1919 г.
[106] Там же, № 620, с. 925—927.
[107] По Рамбу, соглашение было подписано 20 декабря. 1919 г. (*Rambout L.* Les Kurdes et le droit, с. 24).
[108] Подлинный текст соглашения не обнаружен.
[109] DBFP. Vol. IV, № 621, с. 928. Керзон — де Робеку, 10 декабря 1919 г.
[110] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 160, л. 55. Министр по делам Индии — вице-королю, 7 марта 1920 г.
[111] DBFP. Vol. XIII, № 6, с. 6. Де Робек — Керзону, 23 февраля 1920 г.
[112] Там же, № 23, с. 28—38.
[113] Там же, № 33, с. 49.
[114] Там же, № 34, с. 49—50. Де Робек — Керзону, 29 марта 1920 г.

[115] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 190, л. 185, 188. Де Робек — Керзону, 7 апреля 1920 г.
[116] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 184, л. 16. Телеграмма де Робека от 8 апреля 1920 г.
[117] Там же, д. 190, л. 37—38. Де Робек — в МИД, № 400, 16 апреля 1920 г.

По утверждению де Робека, Абдул-Кадыр, обладавший религиозным авторитетом и «чтивший халифат», имел больше последователей среди курдов, чем его главные оппоненты Бадрханы, обвинявшие его в бездеятельности. Абдул-Кадыр с помощью Англии хотел, по словам де Робека, объединить Курдистан в единое целое в административном отношении, но не обязательно полностью отделить его от Турции, что «в нынешних условиях» нецелесообразно (там же, л. 39. Де Робек — в МИД. № 401, 16 апреля 1920 г.).

[118] DBFP. 1919—1939. Vol. XIII, № 56, с. 65—66.
[119] В британский верховный комиссариат из «конфиденциального источника» поступило одно известие, согласно которому Порта попыталась выступить с самостоятельной акцией по курдскому вопросу и привлечь к ней даже кемалистов. В ночь на 4 января 1920 г. в султанском дворце собрался совет, в котором участвовали принц Абдул Рахим-эфенди — представитель султана, Дамад Измаил Хаккы-паша — начальник штаба дворца, Джевад-паша — начальник генштаба, Бекир Сами-бей и Кара Вассыф-бей — представители кемалистов. При обсуждении курдской проблемы Абдул Рахим высказался за независимый Курдистан, «связанный с Турцией политическими, экономическими и культурными связями». Он сказал, что Курдистан «мог бы стать лучшим коридором между Турцией и мусульманами кавказских и транскавказских стран, чем Армянская республика» (там же. Vol. IV, № 668, с. 1066. Адмирал Вебб — Керзону, № 114, 20 января 1920 г.). О позиции кемалистов источник умалчивает. Видимо, эта инициатива осталась без последствий, ибо решали без хозяина.
[120] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 124, л. 202. От младшего секретаря министерства по делам Индии, 8 октября 1919 г. (без адресата, копия).
[121] Там же, д. 256, л. 15.
[122] Там же, л. 15—16. Телеграмма от 25 марта 1920 г., № 3746.
[123] Там же, л. 17. Телеграмма от 25 марта 1920 г., № 3759.
[124] Известную роль играла и плохая осведомленность (даже такого сведущего в восточных делах министра, как Керзон) о курдах в Курдистане, о характере и особенностях курдского национального движения.
[125] *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East, с. 193—194.
[126] Там же, с. 194—195.
[127] Там же, с. 195.
[128] DBFR. Sep. I Vol. IV, № 825, 845, с. 1214, 1286. Керзон — послу Великобритании в Париже Дерби, 25 октября 1919 г.; посланнику в Тегеране П. Коксу, 13 ноября 1919 г.
[129] Там же, № 849, с. 1236. Персидский министр иностранных дел — Керзону; 17 ноября 1919 г.
[130] Там же, № 852, с. 1248. П. Кокс — Керзону, 21 ноября 1919 г.
[131] Там же, № 877, с. 1272. Керзон — П. Коксу, 30 ноября 1919 г.
[132] Там же, Vol. XIII, № 419, с. 475—476. Лорд Дерби — Керзону, 7 мая 1920 г.
[133] Там же, № 421, с. 477. Керзон — Дерби, 8 мая 1920 г.
[134] Там же, № 436, с. 490. Дерби — Керзону, 20 мая 1920 г.
[135] Там же, № 103, с. 108. Де Робек — Керзону, 28 июля 1920 г.

Глава V

[1] См.: *Миллер А. Ф.* Дипломатическая подготовка Севрского договора.— *Миллер А. Ф.* Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории, с. 189—190.
[2] *Сперанский А. Ф.* Турецкий вопрос на международных конференциях после мировой войны.— Новый Восток. М., 1922, № 2, с. 129.
[3] *Миллер А. Ф.* Дипломатическая подготовка Севрского договора, с. 190—

203; *Ключников Ю. В.* Севр и Лозанна. К дипломатической истории договоров.— Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М., 1927, с. XVII—XVIII; *Howard H.* The Partition of Turkey, с. 244.

[4] Последний из-за отказа англо-французов создать независимое арабское государство (как это они обещали по соглашению Сайкс—Пико) не принял участия в работе Севрской конференции и не подписал договор. О судьбе других аравийских княжеств, номинально входивших в Османскую империю (Неджда, Асира, Йемена), в Севрском договоре вообще не упоминалось — явный (и не единственный) нонсенс с международно-правовой точки зрения.

Публикацию в русском переводе см.: Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Подробный анализ содержания см.: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 97—99; *он же.* Дипломатическая подготовка Севрского договора, с. 203—207.

[5] Дипломатический словарь. Т. II. М., 1950. Ст. 604.

[6] С мрачным пафосом живописует сэр Уинстон тогдашнюю ближневосточную реальность: «Угрюмый караван фактов упрямо шествовал по каменистым дорогам через труднопроходимые скалистые горы, по обожженным солнцем пустыням» (*Черчиль В.* Мировой кризис, с. 257—258).

[7] *Нитти Франческо.* Вырождение Европы, М.— Пг., 1923, с. 102.

[8] *Мун Паркер Томас.* Империализм и мировая политика. М.— Л., 1928, с. 163.

[9] Севрский мирный договор, с. 41, 44.

[10] Там же, с. 24, 25.

[11] *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1914—1956. Vol. II. Princeton. New Jersey, 1956, с. 87—89. Первая публикация на русском языке см.: Вестник НКИД. 1920, № 9—10, 15.12, с. 77—81.

[12] Севрский мирный договор, с. 31.

[13] *Черчиль В.* Мировой кризис, с. 256.

[14] A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI, с. 31.

[15] Там же, с. 91.

[16] *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах. Т. II, с. 450.

[17] Там же, с. 454.

[18] *André N.* Mandelstam. La protection internationale des minorités. Premier partie. La protection des minorités en droit international positif. P., 1931, с. 132.

[19] *Hesse F.* Die Mosulfrage. Berlin, 1925, с. 14.

[20] *Howard H. N.* The Partition of Turkey, с. 298.

[21] Daily Chronicle. 24.06.1920. Цит. по: Бюллетень НКИД. 30.07.1920, № 26, с. 29.

[22] *Гофман Карл.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 91.

[23] Там же, с. 96.

[24] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 126.

[25] Иранского Курдистана Севрский договор не касался.

[26] *Павлович Мих.* Лозаннская конференция.— Новый Восток. 1923, № 3, с. 7.

[27] *Gavan S. S.* Kurdistan, с. 7.

[28] *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 99—101.

[29] *Sluglett Peter.* Britain in Iraq. 1914—1932. L., 1976, с. 48—49.

[30] АВПР, ф. НАИ, сер. С, д. 199, л. 29, 18.

[31] Там же, л. 39, 28.

[32] Там же, л. 40—41, 29—30.

[33] Там же, л. 70—72, 59—60.

[34] Там же, л. 80, 89.

Черчилль считал, что арабская армия с курдским контингентом не должна превышать 15 тыс. человек (в то время — 3 тыс.), в том числе леви — до 8 тыс. (там же, л. 120, 90. Помета Черчилля на отчете Комитета по месопотамским финансам, 2 апреля 1921 г.; л. 73, 62. Извлечение из отчета 6-го заседания смешанного Политического и Военного комитета, 19 марта 1921 г.).

[35] Там же, л. 67, 56.

[36] Там же, л. 16, 5

[37] Конференция завершилась в Иерусалиме.

[38] *Брукс Майкл.* Нефть и внешняя политика, с. 110.

[39] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 130.

[40] Там же, с. 130—131.

[41] Там же, с. 130—131; Edmonds C. Y. Kurds, Turks and Arabs, с. 119.

[42] На самом деле англичане активно вмешивались в дела Иракского Курдистана и значительно позже, вплоть до революционного переворота 1958 г. (*Edmonds C. J.* Kurds, с. 119—120).

[43] *Брукс Майкл.* Нефть и внешняя политика, с. 110.

[44] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 118.

[45] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 127, 128.

[46] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 93—95; *Longrigg St. H.* Iraq, с. 133.

[47] У курдов предводителями племен бывали и женщины — нередко (как Адела-ханум) вдовы прославленных вождей.

[48] *Edmonds C. J.* Kurds, Turks and Arabs, с. 122—123.

[49] Впоследствии журнал выходил под названиями «Near East and India» и «Grate Britain and the East».

[50] The Near East. October 1921, № 543, с. 402.

[51] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 96—97.

[52] Там же, с. 97—98; The Times. 02.01.1922; The Near East. 1923, № 645, September 20, с. 299—300.

[53] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 98—99; *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 199—200.

[54] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 230.

[55] *Longrigg St. H.* Iraq, с. 145.

[56] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 230.

[57] Там же, с. 312.

[58] В тексте заявления, воспроизведенном в книге М. А. Камаля (*Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 108), дважды вместо «курдское правительство» значится «курдское государство», что неверно (в английском тексте — government).

[59] Там же, с. 108; *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 204.

[60] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 314.

[61] Там же, с. 313.

[62] Там же, с. 314.

[63] Daily News. 08.09.1922; The Evening Standart. 07.09.1922; The Times. 8—9.09.1922 (Oriente moderno. № 4, 15 settembre 1922, с. 235—236); Morning Post. 15.01.1923 (Oriente moderno. № 9, 15 Febraio 1923, с. 541).

[64] The Times. 11.11.1922 (Oriente moderno. № 7, 15 Dicembre 1922).

[65] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 215, л. 10. Изложение телеграммы П. Кокса У. Черчиллю от 5 мая 1922 г.

[66] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 246, 247.

[67] Bosphore. 27.03.1922 (Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1922, с. 244).

[68] *Курд Оглу.* Курды и империализм.— Бюллетень прессы Среднего Востока. 1932, № 13/14, с. 116.

[69] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 257, л. 10. Телеграмма № 9637.

[70] Там же, л. 12. Телеграмма политического офицера в Эрбиле А. Вильсону, № 3457, от 19 сентября 1920 г.

[71] Там же, л. 12. Телеграмма А. Вильсона политическому офицеру в Эрбиле от 20 сентября 1920 г., № 11428.

[72] Там же, л. 13—15. Меморандумы политического офицера в Мосуле майора Хэя А. Вильсону, № 338 и 339 от 21 сентября 1920 г.

[73] Там же, л. 19—20. Меморандум политического офицера в Эрбиле А. Вильсону, 25 сентября 1920 г.

[74] Там же, л. 62. Телеграмма министра по делам Индии вице-королю, № 3613, 26 ноября 1920 г.

[75] Там же, л. 68. Телеграмма Верховного комиссара в Месопотамии Перси Кокса секретарю по иностранным делам правительства Индии от 1 декабря 1920 г.

[76] *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 203; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 109—110; *Edmonds C. J.* Kurds, с. 123—124.

[77] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 113—114; *Edmonds C. J.* Kurds, с. 313.

[78] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 117—118.

[79] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 315.

[80] Там же, с. 318—326; *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 120—122; *Ментешашвили А. М.* Ирак в годы английского мандата, с. 205—206.

[81] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 122—124.

[82] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 328. Эдмондс был за компромиссное решение: должен быть установлен полуавтономный режим, связанный и с мандатарием, и с багдадским правительством (*Edmonds C. J.* Kurds, с. 32, 330).

[83] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 125.

[84] The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, с. 543—544.

[85] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 337—339.

[86] *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане, с. 126.

[87] *Edmonds C. J.* Kurds, с. 365.

[88] Цит. по: Бюллетень Н. К. И. Д. 20.09.1921, с. 90.

[89] *Rawlinson A.* Adventures in the Near East. 1918—1922. L.— N. Y., 1923, с. 200—201.

[90] Об этом распространялся Черчилль в своем выступлении в Палате общин по поводу воцарения Фейсала на иракском троне (*Kedourie E.* England and the Middle East. The Destruction of the Ottoman Empire. 1914—1921. L., 1956, с. 209).

[91] *Ирандуст.* Борьба за Мосул.— Международная жизнь. 1924, № 4—5, с. 100.

[92] DBFP. Vol. XIII, № 616. Меморандум Дж. Черчилля от 20 декабря 1920 г.

[93] Кроме азербайджанцев почти все национальные меньшинства страны имели тогда (и частично сохранили до сих пор) племенную социальную структуру.

[94] *Toynbee A. J.* The Islamic World since the Peace Settlement, с. 538—539; *Arfa H.* The Kurds, с. 58—62; *Eagleton William Jr.* The Kurdish Republic of 1946. L., 1963, с. 11.

[95] *Осетров В.* Зигзаги английской политики в Персии.— Международная жизнь. 1922, № 16(134), с. 19—20; *Лахути.* Курдистан и курды, с. 68, 72.

[96] *Перлин Л.* Очерки Западной Персии (Письмо из Керманшаха).— Новый Восток. 1923, № 3, с. 442.

[97] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 204, л. 44. Британский военный атташе в Тегеране — начальнику военной разведки (в Лондон), 10 июня 1821 г.

[98] Там же, донесение от 24 августа 1921 г.

[99] Международная жизнь. 1922, № 2(120), с. 44.

[100] The Near East. January 12, 1922, с. 39.

[101] *Иванова М. Н.* Национально-освободительное движение в Иране в 1918—1922 гг. М., 1961, с. 148—150.

[102] См. Бюллетень НКИД. 1922, № 112, 30 января, с. 41.

[103] См.: *Осетров В.* Зигзаги английской политики в Персии, с. 19; *Лахути.* Курдистан и курды, с. 72.

[104] Собственно, речь шла не о локальных «королевствах» или «государствах», а об едином образовании, включающем в себя весь Курдистан. Как бы подразумевалось, что провозглашенное в Восточном или Южном Курдистане государство является национальным очагом этого единого курдского государства.

[105] *Осетров В.* Зигзаги английской политики в Персии, с. 19.

[106] Oriente moderno. 1922, № 8, 9, 10, 12 (15 Febraio, 15 Marzo, 15 Gennaio, 15 Maggio); № 3 (15 Luglio 1922), с. 115.

[107] Oriente moderno. № 12, 15 Maggio 1922, с. 754.

[108] *Arfa Hassan general.* Under Five Shahs. L., 1964, с. 118—120, 125, 136; *Eagleton W.* The Kurdish Republic, с. 11.

[109] Симко, по словам английского журнала «Нир Ист», был «очень крепкий орешек», «бельмо на глазу» для иранских властей. Они нарочно распустили тогда слухи о его гибели, которым поверил и такой серьезный историк, как Арнольд Тойнби (The Near East. № 588, August 17, 1922, с. 202; № 592, September 14, 1922, с. 339; *Toynbee A.* The Islamic World since the Peace Settlement, с. 538—539; Oriente moderno. № 7, 15 Decembre 1922, с. 425.

[110] Oriente moderno. № 2, 15 Luglio 1922, с. 115; № 3, 15 Agosto 1922, с. 175; № 4, 15 Settembre 1922, с. 243—244; The Near East. № 585, July 27, 1922, с. 102; № 587, August 10, 1922, с. 173—174; № 588, с. 202; № 589, August 24, 1922, с. 234; № 591, September 7, 1922, с. 307; № 592, с. 339.

[111] См.: *Алексеенков П.* Туркмено-курдское восстание. Изд. 2-е, переработанное. Таш., 1935, с. 18—22; *Атаев Х.* Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX века. Аш., 1962, с. 39, 82—86, 112—123; *Иванова М. И.* Национально-освободительное движение в Иране, гл. V.

[112] *Перлин Л.* Очерки Западной Персии, с. 442—443.

[113] *Гурко-Кряжин В.* «Четыре конфликта», с. 66—67.

[114] *Виноградова А.* Кочевые племена Персии и их политическая роль, с. 15.

[115] *Виноградова А.* Национально-освободительное движение в Персии, с. 18.

[116] *Осетров В.* Зигзаги английской политики в Персии, с. 19, 22.

[117] См.: *Агаев С. Л.* Советское ирановедение 20-х годов. М., 1977.

[118] Бюллетень НКИД. 19.10.1921, № 97, с. 34—35.

[119] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 209, л. 76.

[120] Там же, л. 81, Сводка разведданных № 7. Тегеран, 18 февраля 1923 г.

[121] *Осетров В.* Зигзаги английской политики в Персии, с. 22.

[122] Там же, с. 20.

[123] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 175, л. 1—3. Телеграмма Лорена из Тегерана № 429 и 430 от 29 ноября 1922 г.

[124] Там же, л. 11. Телеграмма Лорена в МИД от 30 декабря 1922 г., № 468, л. 18—19. Лорен — Каваму ос-Салтане, 15 декабря 1922 г.; л. 24. Кавам ос-Салтане — Лорену, 3 января 1923 г.; л. 25. Кавам ос-Салтане — Лорену, 4 января 1923 г.; л. 26—28. Лорен — Каваму ос-Салтане, 8 января 1923 г.; л. 31. Лорен — Каваму ос-Салтане, 15 января 1923 г.

[125] Там же, л. 12—13. Телеграмма Лорена в МИД, 6 января 1923 г., № 6.

[126] Там же, л. 36—37, 43. Телеграмма Лорена в МИД от 3 февраля и 22 марта 1923 г.

[127] Там же, д. 209, л. 161, 197, 201, 231. Сводки разведданных, № 17, 23, 27, 32 от 28 апреля, 1 июля, 8 июля и 11 августа 1923 г.

[128] Там же, л. 51—53.

[129] *Мельник А.* Греко-турецкие разногласия.— Международная жизнь. 1929, № 8, с. 56—57.

[130] Там же, с. 62.

[131] Цит. по: Бюллетень НКИД. 1920, № 45, 26.11, с. 36.

[132] *Toynbee Arnold J.* Angora and the British Empire in the East.— The Contemporary Review. 1923, № 690, June, с. 686.

[133] *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата. 1922—1923. М., 1960, с. 109.

[134] Там же, с. 107—108.

[135] Там же, с. 212.

[136] *Лахути.* Курдистан и курды, с. 58.

[137] Там же; Oriente moderno. № 5, 15 Ottobre 1921, с. 284, 286; The Neor East. № 645, September 20, 1923, с. 299—300.

[138] *Кротков В.* Ближневосточная проблема.— Международная жизнь. 1922, № 12 (132), с. 3.

[139] *Field H.* and *Glubb J. B.* The Jezidies, Sulubba and others Tribes of Iraq and Adjacent Regions.— Ceneral Series in Antropology. № 10, Menasha, Wisconsin, 1943, с. 6.

[140] The Near East. № 645, September 20, 1923, с. 299.

[141] The Letters of Gertrude Bell. Vol. II, с. 543—544; The Near East. № 617, March 8, 1923, с. 240.
[142] The Near East. № 562, February 23, 1922, с. 253.
[143] Там же, № 536, August 18, 1921, с. 222.
[144] Там же, № 645, September 20, 1923, с. 299—300.
[145] Там же, № 631, September 20, 1923, с. 609—610.
[146] *Джарджис Хасан Абдулла.* Курды в общественно-политической жизни Сирии в 1918—1962 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1977, с. 5.
[147] Там же, с. 8—9; Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1923, с. 220.
[148] Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1923, с. 220—221.
[149] К «своим» и к проживавшим в арабских странах курдам кемалисты относились по-разному не только в политическом, но и в религиозном аспекте. Проводя у себя «дома» секуляристский (лаицистский) курс, за рубежом они поддерживали курдских клерикалов. В университете «Аль-Азхар» (Каир) была создана курдская группа. Ее настоятель шайх Саид, именовавшийся также Бади аз-Заман аль-Курди, имел связи со Стамбулом и Анкарой и собирал свою паству в медресе Аз-Захра. В турецких газетах обсуждалось предложение построить такое же медресе близ оз. Ван (там же, № 5, 15 Ottobre 1923, с. 326).
[150] Там же, № 3, 15 Marzo 1924, с. 192—193.
[151] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 209, л. 55—56. Сводки разведданных № 4 за неделю, кончающуюся 27 января 1923 г. от британского военного атташе в Тегеране, 28 января 1923 г.
[152] Там же, л. 111, 231. Сводки разведданных № 11 от 18 марта 1923 г. и № 32 от 11 августа 1923 г.
[153] Парижская «Матэн» утверждала, что после поражения дашнаков кемалистское командование постановило перебросить войска Карабекира против греков, а «надзор» за армянскими землями поручить тем курдским племенам, которым Анкара доверяла, и под контролем турецких офицеров (Matin. 15.11.1920. Бюллетень НКИД. 1920, № 50, 15.12, с. 28).
[154] *Васильев К.* Причины и движущие силы курдских восстаний.— Аграрные проблемы. 1931, кн. 9—10, с. 105; *Гранкур К. Г.* Тактика на Ближнем Востоке. М.— Л., 1928, с. 29, 35.
[155] *Астахов Г.* От султаната к демократической Турции. М.— Л., 1926, с. 34.
[156] *Gentizon Paul.* Mustapha Kemal au l'Orient en marche. P., 1929, с. 69
[157] *Астахов Г.* От султаната к демократической Турции, с. 35.
[158] *Фрунзе М. В.* Поездка в Ангору.— Собрание сочинений, Т. 1. 1905—1923 гг. М.— Л., 1929, с. 300.
[159] Там же, с. 302.
[160] *Гранкур К.* Тактика на Ближнем Востоке, с. 29.
[161] *Юст К.* Анатолийская печать. Тифлис, 1822, с. 177.
[162] Там же, с. 135, 141.
[163] Там же, с. 142.
[164] В Стамбуле оставался только сейид Абдул-Кадыр, считавшийся сторонником кемалистов, вероятно, только на том основании, что он враждовал со своим племянником сейидом Таха, который с кемалистами был на ножах.
[165] *Лахути.* Курдистан и курды, с. 67.
[166] Там же, с. 64.
[167] Подробнее см.: *Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции, с. 55—57; *Джабар Гафур Абдель Кадер.* Курдское национальное движение в Турции между двумя мировыми войнами. Дис. на соиск. ученой степени канд. ист. наук. М., 1977, с. 63—64.
[168] *Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции, с. 58—63; *Джабар А.* Курдское национальное движение, с. 65—68.
[169] *Фрунзе М. В.* Поездка в Ангору, с. 278, 345.
[170] *Гисаров М. А.* Курдский вопрос в Турции, с. 59.
[171] *Васильев К.* Причины и движущие силы курдских восстаний, с. 105. В то же время, будучи одним из лидеров правой оппозиции Кемалю, он не прочь был использовать курдскую верхушку, в том числе Симко, в своих политических целях.

[172] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. IV. Победа новой Турции. 1921—1927. М., 1934, с. 49, 383—384.
[173] Турецкие власти, в том числе правонастроенный премьер-министр Рауф-паша, пытаясь, по словам Аралова, «создать атмосферу ссоры», обвинили в подстрекательстве битлисских курдов советского консула в Битлисе Ю. В. Мальцева, не имея на то никаких фактических данных (*Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, с. 162).
[174] Oriente moderno. № 2, 15 Jugluo 1921, с. 153, 156.
[175] The Near East. № 551, December, с. 695.
[176] См., например: *Pernot M.* Question turque, с. 74—75.
[177] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. III, с. 434—435.
[178] *Bischoff Norbert de.* La Turquie dans le monde. L'empire ottoman.— La république turque. P., 1938, с. 174.

Глава VI

[1] Бюллетень прессы Среднего Востока. 1928, № 1, с. 8—9.
[2] *Toynbee A. J.* The Islamic World since the peace settlement, с. 465.
[3] Бюллетень НКИД. 1921, № 61, 12.03, с. 35.
[4] *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 360.
[5] *Черчиль В.* Мировой кризис, с. 271.
[6] См.: *Ключников Ю. проф.* Севр и Лозанна. К истории дипломатических переговоров.— Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. XIX; *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 101—102; *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 231—235.
[7] DBFP. Vol. XV. International Conferences and Conversations 1921, № 20 с. 175.
[8] Там же, № 24, с. 194, 197, 198.
[9] Там же, № 26, с. 213, 214.
[10] При этом позиция формально существовавшего правительства «Высокой Порты» никак не просматривалась, ибо ее не существовало; делегация Стамбула полностью растворилась в общей турецкой делегации.
[11] DBFP. Vol. XVII. Greece and Turkey. January I, 1921 — September 2, 1922. L., 1970, № 41, с. 62.
[12] A. History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI, с. 91; *Toynbee A. J.* The Western Question in Greece and Turkey. A Study in the Contact of Civilisation. L., 1922, с. 95.
[13] *Шамсутдинов А. М.* Национально-освободительная борьба в Турции, с. 238—239.
[14] Там же, с. 239.
[15] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XX.
[16] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. IV, с. 140.
[17] DBFP. Vol. XV, № 65, с. 441.
[18] Там же. Vol. XVII, № 288, с. 301. И. о. британского верховного комиссара в Стамбуле Раттиган — Керзону, 6 июля 1921 г.
[19] Там же, № 422, с. 451. Рамболд — Керзону, 25 октября 1921 г.
[20] Там же, № 496, с. 535, 542. Керзон — Гардингу, 30 декабря 1921 г.
[21] Там же, № 472, с. 512. Рамболд — Керзону, 6 декабря 1921.
[22] Там же, № 526, с. 619. Меморандум об эвакуации Малой Азии греческими войсками от 9 февраля 1922 г.
[23] *Hurewitz J. C.* Diplomacy in the Near and Middle East. Vol. II, с. 98—100.
[24] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 217, л. 17. Меморандум от 26 октября 1921 г.
[25] Там же, л. 26. Керзон — графу Сен-Олеру, 5 ноября 1921 г.
[26] Там же, л. 49. Де Монтиль — Керзону, 17 ноября 1921 г.
[27] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXII—XXIV; см. также: *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 116—117.
[28] *Гофман Карл.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 122.
[29] *Pernot Maurice.* La Question Turque. P., 1923, с. 253.
[30] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXIII.

[31] Бюллетень НКИД. 1922, № 116, 27 февраля, с. 17.
[32] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXIV.
[33] DBFP. Vol. XVII, № 560, с. 676.
[34] Там же, № 561, с. 704.
[35] См.: *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 113—115.
[36] DBFP. Vol. XVII, № 563, с. 704.
[37] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXIV—XXVI.
[38] *Darwin J.* Britain, Egypt and the Middle East, с. 209.
[39] См.: *Миллер А. Ф.* Чанакский кризис и вопрос о Проливах.— Турция. Актуальные проблемы новой и новейшей истории.
[40] DBFP. Vol. XVIII. Greece and Turkey. September 3, 1922 — July 24, 1923. L., 1972, № 81, с. 122. Керзон — Рамболду, № 455 и 456, 1 октября 1922 г.
[41] Там же, с. 985, 986. Прил. II.
[42] Там же, № 193, с. 274. Керзон — послу в Риме Рональду Грэхему, 14 ноября 1922 г.
[43] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXV.
[44] DBFP. Vol. XVIII, № 196, с. 277, 278. Посол в Париже лорд Гардинг — Керзону, 15 ноября 1922 г.
[45] Британский дипломат и историк Гарольд Никольсон писал: «Доктрина самоопределения стала применяться не только к подчиненным расам Европы, на нее ссылались в защиту арабской, армянской, даже курдской независимости. На основе этой доктрины британское господство оспаривалось в Ирландии, Индии, Египте, даже в новоосвобожденной Месопотамии» (*Curzon H. N.* The Last Phase 1919—1925. A Stady in Post—War Diplomacy. L., 1937, с. 143).
[46] *Мун Т. П.* Империализм и мировая политика, с. 166.
[47] DBFP. Vol. XVIII. № 228, с. 338. Керзон — Э. Кроу. 27 ноября 1922 г.
[48] Там же, № 257, с. 370—371. Керзон — Кроу, 6 декабря 1922 г.
[49] Там же, № 265, с. 380—381. Кроу — Керзону, 8 декабря 1922 г.
[50] Там же, № 273, с. 386, Керзон — Кроу, 12 декабря 1922 г.
[51] Там же, № 340, с. 463—465. Керзон — Линдсею (сотруднику МИД), 23 января 1923 г.
[52] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XXXIX—XI, *Адамов Е. А.* Турецкие и великие державы.— Международная жизнь. 1923, № 1, с. 13.
[53] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 218, л. 17—22.
[54] *Лазарев М. С.* Курдский вопрос, с. 215—217.
[55] АВПР, ф. НАИ, сер. А, д. 26, л. 86—93.
[56] Там же, л. 104—108.
[57] Там же, л. 109.

Воспроизведем в суммарном виде аргументы, систематизированные Лодером и наглядно характеризующие подходы конфронтировавших сторон как к мосульской проблеме, так и к курдскому вопросу вообще.

ЭТНИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА МОСУЛЬСКОГО ВИЛАЙЕТА НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Английские данные

Район	Курды	Турки	Арабы	Христиане	Евреи	Всего
Мосул . . .	179 820 (плюс 30 тыс. езидов)	14 895	170 663	57 425	9 665	432 468
Эрбиль . . .	77 000	15 000	5 100	4 100	4 800	106 000
Киркук . . .	45 000	35 000	10 000	600	1 400	92 000
Сулеймания .	152 900	1 000	—	100	1 000	155 000
Всего . . .	454 720	65 895	185 763	62 225	16 865	785 468

Турецкие данные

Район	Курды	Турки	Арабы	Немусульмане	Всего
Сулеймания .	62 830	32 960	7 210	—	103 000
Киркук . . .	97 000	79 000	8 000	—	184 000
Мосул . . .	122 000 (плюс 18 тыс. езидов)	35 000	28 000	31 000	216 000
Всего . . .	281 830	146 920	43 210	31 000	503 000

(*Loder Y. de V.* The Truth about Mesopotamia, Palestine and Syria. L., 1923, с. 214).

АНГЛИЙСКИЕ И ТУРЕЦКИЕ АРГУМЕНТЫ

А. Расовые

АНГЛИЙСКИЕ АРГУМЕНТЫ	ТУРЕЦКИЕ АРГУМЕНТЫ
1. Вышеприведенная статистика включает кочевников, кочующих в пределах Мосульского вилайета.	1. 170 тыс. кочевников не включены, так как кочуют в других районах.
2. Турецкие цифры старые и неполные. Статистика дефектная, основанная на данных военного ведомства.	2. Турки владеют страной давно и хорошо осведомлены о численности населения. Английские цифры обусловлены защитой арабских интересов.
3. Арабы составляют $^2/_3$ жителей г. Мосула. Районы к западу от Тигра — чисто арабские. Между Тигром и районом Эрбиля — Киркука — Кифри подавляющее большинство населения — арабы. Только северо-восточные районы — не арабские, но здесь живут христиане (ассирийцы), которые бежали от турок и не хотят возвращаться в Турцию. Турки составляют $^1/_{12}$ населения. Они принадлежат к различным ветвям Оттоманской расы. Курды по языку принадлежат к иранцам, резко отличаясь от турок.	3. Турецко-курдское большинство — 85%. Многие говорящие по-арабски — в действительности турки, потерявшие свой язык, или двуязычны. Местные турки родственны анатолийским. Турки и курды также родственны. Британская энциклопедия считает курдов и турок туранского, а не иранского происхождения.

Б. Политические

1. Курды всегда были настроены против Константинополя. Турки никогда эффективно не контролировали Южный Курдистан. Во время войны курды больше помогали англичанам, чем туркам. В районе Киркука курды голосовали за Фейсала.	1. Курды хотят воссоединиться с Турцией. Они не желают отделения или автономии, тем более включения в страну, которая является колонией европейской державы. Для курдов турецкое правительство — не иностранное. Они представлены в турецком парламенте и «были бы счастливы иметь права турецкого гражданства». Восстания против турок были местного значения и инспирировались иностранными державами. Курды враждебны англичанам и арабам.
2. Английские войска размещены в Мосуле. Население желает быть в составе Ирака. Восстание 1920 г.— результат турецкой пропаганды. Сейчас Ирак переживает переходный период. Население хочет устойчивой администрации. Арабы не хотят турок.	2. Нет доказательств, что арабы Мосула хотят быть в составе Ирака. Англичане угнетают страну и непопулярны (восстание 1920 г.)

3. Союзники обещали Мосул арабам. Принцип мандата, одобренный Лигой наций, не может быть нарушен в одной стране без подрыва его целиком. Турция безоговорочно признала мандатную систему (договор Франклен—Буйона). Англичане заключили соглашение с Фейсалом, по которому страна не может быть расчленена.	3. Союзники не имеют международных обязательств, которые препятствовали бы возвращению Мосула Турции. Союзники обещали арабам не захватывать Мосул. Соглашение в Сан-Ремо, отдающее Мосул Англии, не может быть более устойчивым, чем межсоюзнические соглашения военного времени, которые признаны не отвечающими современным обстоятельствам. Мандатная система не имеет законных оснований, поэтому союзники не могут иметь обязательств перед Лигой Наций.
4. К моменту подписания перемирия союзники были в нескольких милях от Мосула. Одна из статей перемирия позволяет захватить территории из соображений безопасности. Позиции, занятые армиями к моменту окончания военных действий, не имеют ничего общего с границами по мирному договору. Анкара же отказывается признать Мудросское перемирие.	4. Мосул захвачен англичанами после Мудросского перемирия и вопреки ему. Право завоевания — не аргумент, поскольку не считается с мнением населения.

В. Исторические

1. Турецкие аргументы приложимы и к Багдаду, который турки не требуют. В административном отношении Мосул может быть сделан отдельным вилайетом. Ведь исторические и этнические связи Греции с Анатолией не причина для отдачи последней Греции.	1. Мосул управлялся Турцией 11 веков. Он был под тюркскими и сельджукскими султанами еще до возникновения Османской империи и в эпоху арабских халифов. В Мосуле преобладают турецкие этнические названия.

Г. Географические и экономические

1. Мосул географически и экономически неотделим от Ирака.	1. Географически и климатически Анатолия и Ирак делятся линией Джебель-Хамрин — Джебель-Фухуль-Вади и Татар—Джебель-Синджар. К северу от этой линии финиковая пальма уже не растет.
2. Мосул с Анатолией слабо связаны. Торговые пути идут через Сирию и севернее. Южный Курдистан тяготеет к Багдаду, но не к Анатолии.	2. Мосул лежит на торговых путях между Анатолией и Сирией и Персией. Он — выход для Южной Анатолии. Мосул в основном торгует транзитными анатолийскими товарами. К моменту установления железнодорожного сообщения со Средиземным морем Мосул свяжется кратчайшим путем с Европой.

Д. Военные

1. Турецкая армия в Мосуле будет угрожать Багдаду.	1. Турция не имеет агрессивных намерений.
2. Джебель-Хамрин — не горы, а холмы. Турки легко смогут захватить Багдад, житницу Ирака, и торговые пути, ведущие к Ирану. Турецкая граница в Европе находится в 80 милях от Константинополя. Турки говорят, что этого недостаточно для его безопасности. Но 60 миль от Багдада они считают достаточными. Безопасность Константинополя гарантируется конвенцией о проливах.	2. Предполагаемая граница не ближе к Багдаду, чем персидская. Если 70 миль не хватает, то что сказать о Константинополе, проливах, Адрианополе и Фракии?

(*Loder Y. de V.* The Truth about Mesopotamia, с. 215—218).

[58] *Лемин И. М.* Внешняя политика Великобритании и Версаля до Локарно, с. 339.

[59] По словам Мустафы Кемаля, Керзон был акционером «Тэркиш ойл», точнее — «Тэркиш петролеум» (*Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, с. 168). В других источниках этот факт не подтверждается.

[60] *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 121—123.

[61] *Nikolson H.* Curzon, с. 333, 336; *Foster Henry A.* The Making of Modern Iraq. A Product of World Forces. Norman, 1935, с. 145.

[62] Earl of Ronaldshay. The Life of Lord Curzon. Being of Authorized Biography of George Nataniel Marquess Curzon of Kedlestone. Vol. III, с. 336.

[63] *Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. IV, с. 140.

[64] DBFP. Vol. XVIII. № 290, с. 408. Меморандум Форбс-Адамса от 24 декабря 1922 г.

[65] *Павлович Мих.* Лозаннская конференция, с. 29.

[66] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. XII—XIII.

[67] Oriente moderno. № 8, 15 gennaio 1923, с. 483—484.

[68] Ее еще летом 1922 г. проектировали создать в Ванском вилайете, на границе с Ираном и Ираком, со столицей в Амадии [Oriente moderno. № 4, 15 Settembre 1922, с. 719—720].

[69] Там же, № 10, 15 Marzo 1923, с. 609; *Матвеев К. П.* Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время, с. 117—118.

[70] В октябре 1920 г. курды племен барзан и зибари разбили ассирийский отряд численностью 4 тыс. под командованием Ага Путруса [*Кемаль Мустафа.* Путь новой Турции. Т. III, с. 414].

[71] *Кротков В.* Права национальных меньшинств на Лозаннской конференции.— Международная жизнь. 1923, № 1, с. 66.

[72] Там же, с. 67.

[73] Там же, с. 70.

[74] *Nikolson H.* Curzon, с. 339.

[75] *Ключников Ю.* Севр и Лозанна, с. X.

[76] DBFP. Vol. XVIII, № 370, с. 505. Керзон — Линдсею, 5 февраля 1923 г.

[77] *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 135.

[78] DBFP. Vol. XVIII, № 606, 632, с. 859, 891. Керзон — Рамболду, 13 июня 1923 г.; Рамболд — Керзону, 23 июня 1923 г.

[79] *Nikolson H.* Curzon, с. 135—136.

[80] DBFP. Vol. XVIII, № 289, с. 405. Керзон — Пиппсу в Париж и Грэхему в Рим, 24 декабря 1922 г.

[81] The Near East. № 615, February 22, 1923, с. 188.

[82] FR. 1920. Vol. III, с. 792, 795—804.

[83] *Киреев Н. Г.* Провал концессии Честера (Из истории проникновения американского империализма в Турцию).— Советское востоковедение. 1958, № 3, с. 122.

[84] *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с. 148.

[85] *Киреев Н. Г.* К истории отношений между Турцией и США (1922—1923).— КСИНА. XXX. Иран. Турция. М., 1961, с. 154—156.

[86] *Киреев Н. Г.* Провал концессии Честера, С. 123—124; *его же.* К истории отношений между Турцией и США, с. 152.

[87] *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции, с. 140.

[88] *Денни Л.* Борьба за нефтяную монополию, с. 113.

[89] См.: *Киреев Н. Г.* Провал концессии Честера, с. 124—125; *его же.* К истории отношений между Турцией и США, с. 159—160.

[90] ДВП. Т. 4. М., 1960, с. 406.

[91] Этот договор, подписанный в Лондоне 16 марта 1921 г. и означавший признание Англией Советской России де-факто, содержал, в частности, обоюд-

ное обязательство воздерживаться от враждебных действий и пропаганды: Англии — в бывших колониях Российской империи, РСФСР — в первую очередь в Индии, Афганистане и, по смыслу соглашения, видимо, в Ираке.

[92] ДВП, № 255, с. 403.

[93] В то же время советская сторона использовала дипломатические средства, чтобы пойти навстречу приграничному курдскому населению Турции. Карсский договор предусматривал облегчение перехода границы для пользования зимними и летними пастбищами (ст. 7 и 8).— Там же, № 264, с. 423.

[94] Там же. Т. VI. М., 1962, с. 78—79.

[95] Там же, № 60, с. 127, 131—132.

[96] Там же, № 73, с. 154—155. Нота Российско-Украинско-Грузинской делегации Председателю конференции от 13 января 1923 г.

[97] *Safrastian A.* Kurds and Kurdistan, с. 78.

[98] Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне, с. 145.

[99] Там же, с. 152.

[100] Там же.

[101] Там же, с. 152—154.

[102] *Чичерин Г.* Лозаннская конференция и мировое положение.— Международная жизнь. 1923, № 2, с. 5.

[103] *Гофман К.* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, с 171—172.

[104] Там же, с. 360.

[105] *Toynbee A.* Angora and the British Empire in the East. с. 687.

[106] *Toynbee A.* The Islamic World since the peace Settlement, с. 492—493.

[107] *Graves Philip P.* Briton and Turk. London — Melbourne. 1941, с. 207—208.

[108] Там же, с. 221—222.

[109] *Kimche Jon.* Seven Fallen Pillars. The Middle East, 1915—1950. L., 1950, с. 121.

[110] Oriente moderno. № 9, 15 Febbraio 1923, с. 544.

[111] *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата, с. 168.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР, ф. НАИ	— Архив внешней политики России, фонд «Национальный архив Индии»
ДВП	— Документы внешней политики СССР
КСИВ	— Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР
УЗИВ	— Ученые записки Института востоковедения АН СССР
DBFP	— Documents on the British Foreign Policy
FR	— Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers
PRFR	— Papers Relating to the Foreign Relations of the United States

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббас I 221
Аббас-ага 202
Абдаллах ибн Хусейн аль-Хашими 195
Абдул-Кадыр 67, 69, 99, 100, 103—105, 108, 112, 165, 166, 170, 171, 173—175, 238, 299, 304
Абдул Керим 205, 214
Абдул Керим Алака 64
Абдулла Джевдет 67
Абдулла Тахмасб 221
Абдул Меджид 256
Абдул Рахим-эфенди 299
Абдул Хамид II 132
Абдуррахман-ага 232
Абдуррахман-бей 127
Абдуррахман-паша 212
Абдуррезак-бей 20
Авни-паша 166
Ага-Путрус (Бутрос-ага) 254, 265, 309
Адела-ханум 74, 202, 301
Азиз Бабан-бей 142
Азизолла-хан Сердар Моаззез 222
Али Галиб-бей 113, 116, 118
Али ибн Абу Талиб, халиф 284
Али Ихсан-паша 31, 67
Али Мирдан-хан
Али Риза-паша 113, 125, 150, 170
Аманолла Мирза Джахабани 218
Аманулла-хан 221
Амир Аршад 221
Аралов С. И. 229, 230, 305
Армстронг Г. К. 294
Асквит Г. Г. 164
Астахов Г. 236
Ахароньян (Агаронян) А. 135
Ахмед Абук-паша 166
Ахмед Тевфик-паша 174

Бабакр-ага (Бабакр Али) 73, 75, 90, 202, 203, 210, 232
Бабан-заде Хикмет 143
Бабан Хамди-паша 88, 90, 91, 108
Бадрхан Амин Али 67, 100, 109
Бадрхан-бек 20
Бадрхан Джеладет 100, 116, 117
Бадрханиды 20, 85, 86, 99, 103, 112, 118, 119, 127, 165, 169
Бадрхан Камуран Али 99, 100, 116, 117, 191
Бадрхан Сурейя 20, 98, 99, 103
Бадрхан Экрем 116
Бальфур А. Дж. 130, 139, 148, 149, 287, 297, 298
Барази Ахмед-ага 233
Барази Наджиб 233
Баранов Х. К. 288
Барзанджи Кадир 63, 203, 206
Барзанджи Махмуд 23, 32, 34, 36—39, 59, 62—65, 69, 78, 85, 201, 202—207, 210—214, 220, 221, 224—227, 229, 232, 277, 284, 288, 290
Барзани Ахмед 62, 73, 78
Барзани Мустафа 73
Бекир Сами-бей 244—249, 299
Белл, полковник 118
Белл Г. 42, 69, 105, 106, 118, 194, 196, 197, 285
Беньямин Мар-Шимун 18, 93
Берар В. 163
Бертело 151, 153—155, 157—159
Берти Ф. Л. 48
Бил 82, 86
Бишоф Н. 240
Бомпар 260
Бриан А. 248, 253, 254
Брукс М. 46, 199, 200

Ванситарт Р. 153
Веб Р. 167, 171
Венизелос Э. 186
Вестерманн 142
Виграм У. 80
Вильсон А. Т. 33—36, 39, 64, 65, 69, 70, 72—78, 84—86, 91, 104, 105, 109, 152, 167, 175, 176—179, 194, 208, 285, 288
Вильсон В. 22, 50, 51, 54, 56, 57, 98, 130—132, 137, 140, 141, 143, 144, 146, 147, 156, 187, 268, 269
Вильчевский О. Л. 291
Виноградова А. 223
Восуг од-Доуле 21, 180
Врангель П. Н. 156, 162, 183, 192
Вули 113, 292
Вуль 229

аль-Гайлани Абд ар-Рахман 199, 201
Галиб Али-бей 103, 169
Гардинг 250
Гарингтон Ч. 257
Гасратян (Гисаров) М. А. 11, 294
Говен О. 253
Гофман К. 46, 47, 189, 242, 252, 263, 275
Грейвс Ф. 276, 277
Гувер Г. 146
Гурко-Кряжин В. А. 75, 164, 223
Гуро 265
Гэвен С. С. 84, 295

Дамад Измаил Хаккы-паша 299
Дамад Ферид-паша 108, 110, 112, 113, 115, 118, 119, 123, 125, 138, 139, 163, 167, 169, 174, 175, 180, 182, 229, 240, 293
Данн Р. 298
Дарвин Дж. 177, 178, 256, 297
Денни Л. 270
Денстервиль Л. 17, 23
Джавид-бей 208
Джалиле Д. Д. 6
Джами-бей 245
Джамиль-паша Заде 99, 100
Джафар-паша 198
Джевад-паша 239, 299
Джевдет 126
Джемиль Чато-бей 115
Доббс Г. 213
Дюбуа 265

Жантизон П. 236
Жигалина О. И. 291
Жорж-Голи Б. 294
Жорж-Пико Ф. 149

Зейд ибн Хусейн аль-Хашими 231
Зеки-бей 245
Зеки-паша 125

Ибрагим-паша 105
Ибрахим Ханану 233
Ибрахим Хильми 227
Ильяс-бей 118
Исмет-паша Инёню 256, 258, 260—263, 266, 273
Ихсан-паша 207

Йеил 143

Кавам ос-Салтане (Ахмед Кавам) 222, 225, 226
Кадри-бей 99
Кака Ахмед 90
Кальторп 151, 165—167
Камаль М. А. 11, 282, 301
Камбон П. 155
Кара Вассыф-бей 299
Касым-хан 44
Кемаль-Хамид-бей 250
Кеннеди К. 270
Керборан Ж. Г. де 265
Керзон Дж. Н. 21, 48, 51, 86, 87, 131, 150, 152—156, 159, 165—167, 170—173, 175, 177—180, 241, 243, 245, 246, 250, 252, 254, 257—263, 266, 267, 277, 286, 289, 298, 299, 309
Керр Ф. Х. (лорд Лотиан) 48, 286
Кидстон 168, 169
Кимхе Й. 277
Кинг Г. 142-144, 146, 148
Клемансо Ж. 54, 55, 134, 140, 148, 149, 163, 297
Кокс П. 19, 21, 22, 33, 66, 71, 178—180, 190, 194, 196—198, 210, 276
Корнуоллис Г. 149
Котлов Л. Н. 11, 289
Крейн Ч. 142—144, 146, 148
Кроу Э. 150, 151, 168, 169
Кязым Карабекир-паша 187, 239, 294, 295, 304

Лахути Абулькасим 99, 220, 230, 238
Ленин В. И. 61
Либиер А. 143, 144
Личмэн Т. 37, 82
Ллойд Джордж Д. 9, 48, 50, 51, 53, 87, 130—132, 134, 136, 140, 149, 154—156, 159, 160, 164, 171, 177, 178, 184, 188, 243—245, 249, 256, 286, 297
Лодер Дж. 306
Лонгриг С. Х. 72, 200, 288
Лорен П. 223, 225, 226
Лоти П. 163
Лоуренс Т. Э. 166, 194, 197
Люк 173, 174

Макдональд 38
Макдоуэлл 269
Мак-Кой 168
Маллесон У. 45
Мальцев Ю. В. 305
Мандельштам А. Н. 189
Маршалл У. 30
Матвеев (Бар-Маттай) К. П. 289
Маунселл Ф. Р. 107
Махмуд 126
Махмуд-бей 105, 113, 292
Махмуд Исмаил 127
Махмуд-хан Дизли 201
Мевлян-заде Рафаат-бей 166
Мемдух Селим-бей 99
Ментешашвили А. М. 11
Мехмед Вехиб-паша 14
Мехмед VI Вахидеддин 110
Миллер А. Ф. 184, 228, 298

Миллер Б. В. 288
Миллер Д. 133
Милнер А. 136
Мильеран А. 157
Милюков П. Н. 162
Мокаррам оль-Мольк 94
Момтаз оль-Мамалек 221
Монтгомери Дж. 143
Монтегю Э. С. 84, 85, 88, 89, 148, 151, 153, 176, 178
Мохаммед Таги-хан 222
Мошавер оль-Мамалек 99
Мошир од-Доуле 221
Мун П. Т. 184, 258
Мустафа Бабан-заде 108
Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) 9, 98, 111, 113—120, 123, 125, 126, 165, 170, 180, 181, 207, 209, 228—230, 237, 239, 240, 246, 249, 252, 257, 263, 264, 291, 294, 295, 304, 309
Мустафа-паша 99
Мустафа-паша Нимруд 220
Мухаммад, пророк 284
Мухтар-бей 286

Неджмуддин-бей 142
Никольсон Г. 200, 247, 306
Нитти Ф. 184
Нихад-паша 240
Ноэль Э. 34, 36, 39, 41, 66, 70, 77, 78, 81—85, 96, 103, 106, 108, 109, 111, 113, 114, 117—119, 125, 166, 168, 169, 175, 194, 196, 197, 203, 210, 218, 229, 292, 293, 298
Нуреддин-паша 238, 240

Обейдулла, вождь сурчи
Обейдулла Нехри, шейх 64, 234
Обрей Г. 48
Оганджанян 171
Оздемир (Али Шефик-бей) 202, 206, 207, 211
Омар-бей 99
Орландо В. 133
Осборн 247
Осетров В. П. (Ирандуст) 215, 220, 223
Осман Топал-ага 239
Остин 80

Павлович М. (Вельтман М. Л.) 191
Пароди Х. 48
Перлин Л. 222
Перно М. 252
Погос Пубар-паша 98, 171
Пуанкаре Р. 9, 253, 254, 258

Райен 169, 170
Рамболд Г. 250
Рамбу Л. 298
Рамзи-бей 202
Раулинсон А. 215
Рауф-паша 305
Реза-хан 216, 217, 221, 225, 226
Решид-паша 169
Риза-бей 212
Риза Нур-бей 259, 265
Риза-эфенди 143
Робек де 150, 169—175, 180, 299
Росс Э. Дж. 95, 96

ас-Саадун Абд аль-Мухсин 213
Саид (Бади аз-Заман аль-Курди) 304
Саид Молла 125
Саид Пирани, шейх 295
Сайкс М. 286
Салех Зеки-бей 64
Сафрастян А. 274
Селяхеддин 115, 116
ас-Сенуси Сиди Ахмед аш-Шериф 231
Сенусиды 231
Сердар Аманулла-хан 220, 221
Сердар Рашид 226
Сефа-бей 172
Симко (Смитко) Измаил-ага Авдои 18, 64, 67, 70—72, 91, 93—95, 180, 208—212, 215, 218—227, 236, 288, 303, 304
Смэтс Я. Х. 131—133, 286
Сон Э. Б. 22, 36, 39, 72, 87, 88, 285, 290
Сулейман Назиф 67, 103

Та (Таха) 18, 32, 36, 64, 69—74, 78, 82, 94, 95, 105, 108, 203, 207—211, 213, 215, 219, 223, 225, 226, 234, 283, 288, 304
Тардье А. 55
Теймур-хан 219
Темперлей Г. 139, 247
Тойнби А. Дж. 229, 275, 276, 295, 303

Уилли 38

Фатеми Н. С. 294
Фатима, дочь пророка 284
Фатьма-ханум 236
Федченко А. Ф. 11
Фейсал ибн Хусейн аль-Хашими (Фейсал I) 136, 194, 198, 201, 207, 231, 240, 252, 260, 302, 307, 308
Феттик 229
Филиппов 94
Фируз Мирза Насред од-Доуле (принц Фируз) 179, 180
Франклен-Буйон А. 251—253, 256, 274, 276, 308
Фрезер Т. 64
Фрунзе М. В. 236, 237, 239, 255
Фрю 125

Хаджи Муса-бей 115
Хадж Мустафа-паша 64
Хазаль 219
Хайдар-бей 291
Хайдар-эфенди 166
Халид-бей 127, 238
Халил Бахур 127
Халил-паша 95, 170
Халил Рами-бей 118, 295
Халфин Н. А. 6
Харборд Дж. 144—146, 168
Хауз Э. 9, 56, 57, 134, 143, 148
Хашимиты 272
Хессе Ф. 189
Хирцель А. 86, 107
Ховард Г. Н. 53, 54, 132, 134, 137, 142, 189, 284
Ходоу (Ходаверды)-хан 222
Хохлер 166, 168, 170, 171, 298
Хусейн ибн Али аль-Хашими 52, 136, 194, 260, 291
Хусейн-бей 142
Хэй У. 65, 209
Хюсейн Рауф-бей 229
Хюсрев-бей 245

Чайлд У. 269
Челмсфорд 88
Черчилль Дж. П. 215
Черчилль У. 9, 50, 73, 148, 164, 184, 188, 194, 196—198, 214, 232, 243, 252, 300, 302
Честер А. 270
Честер К., адмирал 55, 56, 269, 271
Чирол В. 232
Чичерин Г. В. 271—273, 275

Шакир-паша 113
Шанцер 254
Шаумян С. Г. 25
Шериф-паша 21, 32, 36, 98—101, 103—105, 137, 142, 150, 156, 167, 172, 173, 174, 176, 177, 207, 245, 283
Шпилькова В. И. 296

Эдмондс С. 200, 202, 203, 205, 206, 210, 212, 214, 302
Экрем-бей 99, 100
Эльфинстон У. Дж. 292
Эмин Али-бей 166
Эмин-бей 166
Эмир Али-бей 99, 166
Энвер-паша 170, 209, 240, 294

Юнус Нади-бей 237, 245
Юст К. 237
Юсуф Кемаль-бей 271, 272
Юсуф Кямиль-бей 20

Янг 194, 196, 197

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Австрия 147
Австро-Венгрия 4, 51, 57, 59
Адана 245
Андрианополь (Эдирне) 308
Азербайджан 27, 50, 123, 153, 154, 180, 209
Азербайджан Южный (Иранский) 13, 17, 18, 26, 40, 44, 92—94, 98, 129, 220, 222, 224, 227, 234
Азия 29, 138, 142, 190, 227, 258, 286
Айдын 245
Айн-аль-Араб 232
Айнтеб (Газиантеп) 106, 117, 236
Акра 73, 74, 78, 80, 83, 85, 124, 202, 210
Александретта (Искендерун) 55, 126, 136, 233, 251, 270, 277
Алеппо, см. Халеб
Алтын-Кёпрю 22, 78, 85, 246, 259
Амадия 73, 85, 197, 210, 257, 259, 309
Амасья 245
Анатолия 82, 94, 97, 102, 113, 117, 118, 125, 126, 129, 134, 142—144, 149, 160, 161, 167, 182, 184—186, 188, 227, 236, 248, 255, 256, 263, 275, 295, 308
Анатолия (Турция) Восточная 4, 12, 14, 67, 68, 77, 81, 83, 96, 100, 104—106, 108—111, 113—117, 120, 123, 124, 135, 144, 146, 160, 164, 168, 172—174, 222, 227, 236, 239, 250, 253, 264, 269—271, 291, 294
Анатолия (Турция) Юго-Восточная, 40, 68, 70, 76, 78, 81, 97, 105, 106, 113, 123, 129, 149, 153, 159, 166, 184, 207, 209, 233, 243. 248. 251, 258, 308
Анкара (Ангора) 111, 126, 213, 233, 236, 244, 245, 250, 255, 256, 260, 270, 304
Анталья 252
Антиохия (Антакья) 57, 126
Арабский Восток 5, 19, 136, 164, 183, 190, 193—195, 242, 278
Аравийское море 138
Аравия (Аравийский п-ов) 42, 48, 51, 52, 57, 131—133, 231, 286, 287
Арапкир 137
Арарат 137
Ардаган 15, 27
Ардалан 92
Армения 25, 40, 48, 50, 51, 53, 55, 57, 58, 68, 76, 81, 97, 115, 116, 123, 125, 129—135, 138, 141—147, 149, 154—156, 159, 160, 162, 163, 167, 170, 172—174, 179, 180, 183, 184—188, 192, 193, 210, 230, 236, 244, 249, 253, 268, 269, 271, 274, 286, 293, 297—299
Армения Восточная 27, 68, 153, 168
Армения Западная (Турецкая) 14—16, 25, 26, 47, 68, 144, 153
Армянская ССР 25
Асир 51, 300
Афганистан 5, 51, 79, 248, 286, 287, 289, 310
Афины 252
Африка 133
Африка Северная 278
Африка Южная 133, 197

Баакуба 79, 80, 157, 176
Багдад 17, 44, 69, 78, 80, 83, 86, 88—90, 95, 104—106, 108, 109, 128, 150, 166, 168, 169, 173, 175, 177—179, 190, 191, 200, 205—207, 231, 243, 257, 259—261, 285, 308, 309
Багдад, вилайет 31, 37, 42, 81, 89
Базиан 64
Байбурт 14
Балканы (Балканский п-ов) 45, 54, 61
Барадост 234
Барзан 62
Баку 13, 17, 18, 282
Басра 270
Басра, вилайет 31, 42, 81, 89, 285
Батум (Батуми) 15, 27, 162
Бахдинан 73
Бахтиария 19, 226
Башкале 70, 137
Баязид (Догубаязит) 142, 167, 208, 270
Беершеба 54
Бейрут 97
Берлин 13
Биреджик 40, 80
Битлис 56, 80, 81, 114, 142, 153, 239, 268, 305
Битлис, вилайет 40, 81, 120, 135, 137, 145, 147, 164, 165, 174, 187, 188, 284
Боджнурдское ханство 222
Болгария 59, 147
Большой Заб, р. 35, 43, 76, 86, 268
Босфор 168, 169, 242
Бохтан 86
Брест-Литовск (Брест) 14, 25, 26
Британская империя 33, 44, 75, 162, 242
Буланык 127

Ван 56, 80, 81, 86, 142, 234, 270, 291
Ван, вилайет 40, 81, 120, 135, 137, 145, 147, 152, 164, 165, 174, 187, 188, 246, 268, 269, 284, 309
Ван, оз. 76, 107, 132, 153, 265, 304
Варто 127
Варшава 183
Везне 207
Венгрия 59, 147
Вираншехир 113, 127

Гарзан 115, 239
Геваре 71
Германия 4, 16, 23, 25, 27, 46, 51, 56, 130, 131, 133, 141, 147, 165
Гилян, ист. обл. 44, 224
Голландия (Нидерланды) 162
Греция 51, 183—186, 308
Грузия 17, 27, 50, 153, 162, 183, 192, 282

Дальний Восток 192
Дамаск 95, 198
Дана 54
Дейр-эз-Зор 43, 76, 126
Дели 9, 21, 33, 76, 96, 106, 179
Дерсим (Тунджели) 14, 117—120, 124, 127, 174, 237—240, 246, 269, 292
Джазира, географ. обл. 86, 207, 231, 232
Джазира-ибн-Омар (Джизре) 20, 40, 77, 80, 85, 124, 159, 252
Джаник 120
Джебель-аль-Акрад 232
Джебель-Синджар, горы, географ. обл. 23, 43, 137, 231, 242, 285, 308
Джебель-Фухуль-Вади 308
Джебель-Хамрин, горы 308
Джераблус 126
Диарбекир (Диярбакыр) 55, 66, 67, 77, 78, 80, 83, 99—101, 104—106, 108, 109, 114, 116, 123, 125, 129, 136, 142, 144, 168, 174, 207, 239, 270, 291, 298
Диарбекир, вилайет 81, 120, 135, 137, 139, 145, 152, 164, 174, 246, 284
Дивриги 137
Дизе 70
Дияла, р. 35, 79
Додеканес, о-ва 184
Домлу-Пынар 236
Дохук 80, 85

Европа 10, 20, 81, 97, 147, 258, 306, 308
Евфрат, р. 21, 40, 105, 125, 139, 143, 158, 250
Египет 5, 46, 47, 54, 149, 178, 186, 194, 306
Ереван (Эривань) 25, 169

Женева 25, 265

Забайкалье 192
Закавказье 13—17, 19—22, 25—27, 44, 47, 51, 98, 107, 139, 141, 144, 145, 156, 160, 170, 183, 210, 229, 230, 279, 280
Закаспий 45
Захо 62, 85, 86, 124, 127

Иерусалим 300
Измир (Смирна) 82, 83, 85, 104, 184, 185, 245
Индия 21, 34, 46, 47, 64, 79, 148, 152, 165, 178, 200, 209, 241, 271, 287, 289, 306, 310
Инёню 192, 243, 250
Ирак (Месопотамия) Северный и Северо-Восточный 4, 12, 30, 36, 42, 43, 46, 67, 70, 76, 166, 169, 202, 204—207, 210, 213, 222, 227, 230—232, 253, 258, 270, 271, 297
Ирак Южный 19
Иран Западный 4, 12, 13, 17, 18, 20, 26, 93, 215, 217, 222, 226, 234
Иран Северный и Северо-Западный 13, 16, 17, 36, 51, 180
Иран Северо-Восточный 221
Иран Юго-Западный 19, 217, 219, 220, 226
Ирландия 306
Исфахан 44
Италия 4, 22, 28, 48, 52, 101, 140, 141, 145, 154, 158, 159, 162, 183, 186, 192, 193, 231, 241—244, 248, 249, 251, 254, 256, 267, 296

Йемен 51, 195, 300

Кавказ 25, 50, 57, 132, 150, 169, 229, 244
Кавказ Северный 18, 27
Кагызман 116
Каир 47, 97, 98, 168, 191, 194, 195, 198, 199, 304
Калькутта 47, 191

Канада 80, 162
Каракилисе 167
Карлыова 127
Карс 15, 27, 255
Каспийское море 17
Касре-Ширин 17
Катма 126
Керманшах (Бахтаран) 19—21, 44, 92, 129, 219, 224, 226
Киликия 52, 54, 55, 85, 97, 107, 124, 134, 135, 142, 143, 145, 147, 149, 153, 154, 157, 159, 163, 168, 169, 248, 251
Кипр 186
Киркук 22, 23, 36, 55, 64, 78, 85, 86, 126, 137, 142, 197, 198, 200, 201, 205, 206, 213, 219, 259, 275, 306, 307
Киркук, округ, лива 34, 38
Кифри 22, 23, 36, 74, 78, 85, 86, 259, 275, 307
Кой-Санджак 38, 80, 124, 200, 259
Котур 226
Кочкири 238—240
Курдистан Восточный (Иранский) 8, 9, 11—13, 16—21, 26, 33, 36, 40, 44, 47, 58, 61, 64, 66, 71—73, 78—81, 91, 92, 94, 96, 97, 127, 135, 142, 151, 157, 161, 173, 180, 207, 209, 211, 218—225, 227, 230, 231, 233, 234, 241, 243, 283
Курдистан Северный и Западный (Турецкий) 12, 14—16, 21, 24, 26, 33, 40, 47, 53, 55, 76, 78, 81, 83, 96, 97, 100, 103, 105, 106, 108, 109—112, 117, 119, 123—127, 137, 144—146, 155, 157, 161, 172, 179, 180, 190, 208, 209, 222, 226, 227, 230—235, 238—241, 251, 254, 270
Курдистан Юго-Восточный 23, 36, 63, 71, 72, 172
Курдистан Юго-Западный (Сирийский), 5, 10, 22, 41, 54, 61, 67, 77, 80, 82, 83, 97, 117, 136, 149, 152, 166, 179, 195, 227, 231—234, 242, 248, 251, 253, 267, 268, 290
Курдистан Южный (Иракский) 5, 8, 10, 19, 21—24, 29—36, 38—44, 53—55, 59—63, 65—67, 69—75, 77, 81—86, 88—91, 96, 97, 124, 126, 127, 136, 142, 145, 149—153, 155—157, 159, 161, 164—166, 173, 176—179, 190, 193, 195, 196, 197—200, 202—207, 209—215, 226, 230—234, 236, 243, 251, 253, 259, 267, 268, 270, 276, 298, 300, 307, 308
Курдистан Центральный 70, 72, 74, 79, 86, 164, 210
Кучанское ханство 222
Кызыл-Рибат 74, 259

Левант, ист. обл. 253
Ливан 42, 54, 133, 142, 157, 185, 265
Ливия 186
Лозанна 213, 241, 250, 256, 265, 267, 269, 272—275, 277
Лондон 8, 9, 19, 21, 33, 44, 76, 78, 96, 104, 106, 128, 141, 148, 168, 169, 172—175, 177, 178, 180, 190, 218, 243, 244, 248, 249, 252, 261, 309
Лурестан 19, 44, 92, 219, 222

Мазендеран 44
Македония 61
Макинское ханство 219
Маку 234
Малазгирт 127
Малатья 106, 113, 117—120, 124, 125, 144, 169, 240, 298
Малая Азия 13, 15, 19, 26, 27, 48, 55, 57, 120, 139, 149, 160, 162, 184, 185, 250, 287, 294.
Малый Заб, р. 86
Мандали 74
Мараш 124, 135, 236
Мардин 66, 67, 80, 106, 144, 236, 291, 298
Марокко 186
Марсель 283
Мекка 52, 136, 190, 260, 291
Мераге 218
Мерв (Мары) 139
Миандоаб 218
Москва 8, 212, 216, 248
Мосул 21—23, 30, 55, 78, 82, 104, 126, 127, 179, 209, 212, 219, 231, 243, 259, 270
Мосул, вилайет, лива 31, 33, 36—38, 42, 43, 46, 47, 53, 71, 76, 77, 79, 81, 85, 86, 89, 101, 129, 130, 132, 134,—137, 139, 142—144, 148—150, 152, 155—159, 163, 164, 176, 184, 189—191, 195, 197, 198, 200, 201, 204, 213, 225, 226, 229, 230, 246, 249—251, 257—263, 265, 267, 268—270, 272, 273, 275—277, 284, 285, 295, 297, 298, 306—308
Мохаммера (Хорремшехр) 219
Муданья 255, 257
Муш 153, 174, 268

Нахичевань 116
Неджд 195, 300
Нефтхане 74
Нери (Нехри) 70, 71, 78
Норвегия 162
Нусайбин 40, 66, 77, 80, 106, 233, 251, 252
Нью-Йорк 269

Океания 133
Орамар 71
Османская империя 13, 14, 23, 24, 28, 30, 42, 50, 57, 58, 120, 129, 179, 182, 183, 187, 308

Пакистан 289
Палестина 5, 42, 47, 51, 53—55, 57, 131—133, 137, 141, 142, 144, 154, 161, 163, 185, 188, 194, 241, 286, 287, 297
Париж 54, 58, 59, 76, 77, 97, 98—100, 128, 130, 137, 139—142, 147, 150, 163, 162, 163, 160, 180, 182, 193, 233, 242, 244, 254, 248, 265
Персидский залив 19, 42, 85, 89, 142, 157, 178, 191, 218
Пишдер 202
Пиш-е Кух 92
Польша 51, 227
Пошт-е Кух 92
Проливы черноморские (Босфор и Дарданеллы) 46, 129, 145, 149, 182, 185, 187, 255, 257, 271

Равандуз (Ревандуз) 46, 66, 70, 71, 74, 78, 82, 86, 137, 200, 202, 206, 210, 212, 213, 225, 231, 232, 234, 259
Рания 38, 78, 80, 202, 206, 210, 213
Рас-эль-Айн 40, 80
Риф 152
Родезия 197
Российская империя (Россия) 12—14, 16, 19, 20, 22, 24, 25, 26, 28, 41, 46, 65, 68, 72, 92, 98, 130, 133, 141, 187, 217, 279, 283, 284, 310
РСФСР (Советская Россия) 14, 16, 26, 27, 52, 72, 100, 112, 163, 183, 184, 191—193, 210, 212, 216, 219, 222, 228, 230, 241, 248, 249, 255, 271, 272, 276, 279, 309, 310
Румелия, ист. обл. 117, 125

Сакарья, р. 250
Салмас 94, 223, 234
Самсун 239, 270
Сан-Ремо 90, 147, 156, 163, 165, 175, 178, 182, 184, 188, 189, 308
Сарыкамыш 239
Севр 91, 163, 164, 182, 188, 193
Сенне (Сенендедж) 18, 137
Сивас 55, 56, 113, 117, 122, 240, 270, 293, 294
Сивас, вилайет 113, 120, 135, 145, 284
Сиверек 127, 246
Сиирт 67, 127, 239, 267
Сирия Восточная 76
Сирия Северная 135, 263
Соединенные Штаты Америки 2, 10, 22, 45, 50, 52, 55, 56, 58, 59, 68, 81, 98, 101, 109, 110, 131, 134, 140, 141—149, 154, 159, 160, 167, 168, 188, 193, 262, 268—271, 275, 287, 294, 296, 298
Сомай 234
Соуджбулак (Мехабад) 18, 21, 36, 218, 220
Союз Советских Социалистических Республик 5, 25, 68, 99, 282
Средиземное море 46, 47, 57, 68, 69, 138, 142, 173, 308
Средиземноморье Восточное 45, 47, 171, 270, 278
Средняя Азия 141, 156, 279, 280
Стамбул (Константинополь) 35, 46, 55, 59, 80, 82, 87, 97, 100, 102—105, 108—110, 112, 114, 116, 121, 124, 125, 127—129, 134, 139, 142, 143, 145, 149, 150, 158, 165—170, 175, 177, 182, 185, 187, 213, 237, 241, 250, 257, 280, 291, 295, 298, 304, 307—309
Судан 186
Сулеймания 23, 24, 36, 38, 39, 55, 62—66, 70, 72, 75, 77—80, 83—86, 88, 89, 95, 99, 124, 126, 137, 142, 159, 176, 196, 197, 200, 201, 203, 206, 210—214, 226, 227, 229, 234, 259, 270, 288, 290, 306, 307

Тавр, хр. 51, 125, 138
Тасулуджа 64
Татар 308
Тебриз 19, 211, 219, 220, 234
Тегеран 21, 24, 44, 59, 71, 128, 139, 151, 179, 217—221, 223, 225, 267—268, 273, 280
Тель-Афар 137
Тель-Калах 233
Темза, р. 169
Тергевер 209
Тигр, р. 143, 150, 159, 276, 307
Трапезунд (Трабзон) 14, 245, 270
Трапезунд, вилайет 81, 120, 164, 165, 167, 187, 188
Трансиордания (Иордания) 5, 136, 194, 195
Туз (Туз-Хурматли) 22, 23, 246
Тунис 186
Туркестан 45, 192
Турция Азиатская 22, 57, 109

Украинская ССР 255
Урмия 19, 86, 94, 180, 209, 210, 223, 234
Урмия, оз. 17, 79, 207
Урмия, округ 71, 79, 86, 92, 94—96, 129, 130
Урфа 77, 80, 101, 105, 117, 118, 124, 127, 168

Фарс 92
Фейш-Хабур 85
Фракия Восточная 129, 145, 185, 186, 237, 250, 277, 287, 308

Хабур, р. 150
Хакяри 67, 135, 138, 268
Халабджа 34, 202, 213
Халеб (Алеппо) 108, 118, 233, 298
Хамадан 19, 219
Ханекин 74, 78, 84, 85, 259
Харпут (Элязыг) 55, 80, 114, 116—120, 123, 125, 142, 144, 174, 270, 293
Харпутский (Мамурет-уль-Азизский) вилайет 40, 81, 113, 120, 135, 145, 164, 174, 245, 246, 284, 293
Хива 139
Хиджаз (Геджас) 42, 51, 183, 185, 186, 194, 195
Хой 94, 180, 223, 234
Хорасан 45, 92, 221, 222
Хузестан 219
Хыныс 127

Чёлемерик 71
Чемчемаль 34, 202, 213
Черное море 47, 68, 107, 135, 153, 271
Чехрик 94
Чобанбей 251, 152

Шатт-эль-Араб, р. 218
Шахпур 94
Шахризур 201
Швейцария 213
Шемдинан 71, 209
Ширванское ханство 222
Ширнак (Шернакх) 62, 124, 232, 287
Широ 295

Эгейское море 142, 186
Энзели 17
Эрбиль 22, 62, 74, 78, 80, 85, 86, 89, 124, 137, 200—202, 205, 208, 209, 210, 212, 246, 259, 306, 307
Эрзерум (Эрзурум) 122, 123, 137, 238, 270, 293
Эрзерум, вилайет 81, 120, 135, 137, 145, 153, 164, 165, 167, 187, 188, 284
Эрзинджан

Южно-Африканский Союз 197
Юмурталык 55

Япония 28, 52, 154, 244, 296

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ, ПЛЕМЕННЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ

авдои 93
авроман 64, 201
азербайджанцы 92, 169, 171, 219, 302
албанцы 173
али-илахи (ахле хакк, алеви, кызылбаши) 144, 237, 285, 292, 293
арабы 29, 36, 43, 63, 65, 73, 75, 77, 84, 88, 123, 136, 148—150, 155, 176, 185—187, 198, 200, 217—219, 231, 259, 260, 262, 264, 266, 295, 306—308
армяне 13, 14, 16, 17, 20, 26, 27, 55, 57, 68—71, 77, 81, 87, 106, 107, 115, 131, 132, 136—138, 143, 146, 148, 149, 152, 155, 164, 166, 167, 171—173, 185—189, 208, 219, 220, 227, 243, 254, 264—266, 292, 293
ассирийцы (айсоры) 17, 18, 37, 42, 43, 71, 73, 76, 77, 79, 86, 92, 93, 138, 144, 152, 157, 172, 176, 186, 206, 210, 213, 219, 220, 227, 234, 241, 257, 259, 261, 264, 265, 268, 288, 289, 297, 307, 309
афганцы 152
афшар 218

бане 218
барзан 73, 309
бахтиары 93, 217, 219, 221
бекзаде 209
бильбас 92

говрик 218
гоян 62, 73
греки (малоазиатские) 185—187

дебокри 218, 219
джаф 63, 64, 93, 202
джибран 127
джилу 80, 289
дило 75
друзы 149

заза 116
зарза 218
зафаранлу 92, 221, 222
зибари 73, 309

евреи (ближневосточные) 149, 306
езиды 23, 43, 231, 242, 283, 285, 306, 307

кадерхан 218
казаки (донские и северокавказские) 50
кака 23
кашкайцы 285
кельхор 19, 93, 219
куляи 93
кухгилуйе 93
кызылбаши см. али-илахи

лазы 186, 239
луры 93, 218, 221, 285

мамасани 93
мамаш 218
мангур 218, 219
марокканцы 152
марониты 149
милли 105, 113, 127, 292
мотки 115
мукри 21, 36, 92

несториане 58, 77, 144, 156, 157, 176, 289, 297

орамар 75

патаны (пуштуны) 79
пиран 218
пишдер 64, 73, 75
поштдар 218

рамазана 67
рэшьян 289

салахие 67
сангао 75
сенджаби 20, 44, 93, 219, 220, 285
сирийцы 144, 150, 155
сиро-халдеи (ассиро-халдеи, халдеи, халдейцы) 77, 144, 156, 158, 189, 241, 266, 268, 297
соран 73

сурчи 73, 75, 202

тайи 289
турки 166, 233, 262, 264—266, 268, 307
туркмены иракские (туркоманы) 152, 176, 297
туркмены иранские и среднеазиатские 221, 297

фейзоллахбек 218

хайдеран 209
хакярийские курды 209
халдейцы см. сиро-халдеи
хамавенд 23, 64, 202, 213
харки 67, 209

черкесы (малоазиатские) 189, 237, 246, 264

шаделлу 92, 221, 222
шаммары 289
шахрезуры 285
шахсевены 221
шеккак 93, 209
шернакли 67

SUMMARY

Mikhail Lazarev has written a number of works on the history of South-West Asia in the late 19th and early 20th centuries. In his writings he also deals with international relations and the nationalities question. *Imperialism and the Kurds' Issue (1917-1923)* continues the earlier study entited the *Kurds' Issue (1891-1917)*.

The book deals with the new division of Kurdistan, which triggered new conflicts and intensified the Kurds' issue which have not abated even now. The unique documents from the National Archives of India, publications of diplomatic documents, newspaper articles of that time, memoirs and other literature have been used.

The study focuses on the problem of „independent Kurdistan" first proposed by the Entente diplomats. However, it was not motivated by concern about the interests of the Kurds. The United Kingdom strongly insisted on this virtually colonial variant of Kurdish "independence", because it wanted to establish undivided rule in Turkey, Iran and the Arab East. But as this policy failed, as a result of the rise in the national-literation movement in the Middle East after the October Revolution in Russia, Britain and the other Entente nations put down the idea of independent (or "autonomous") Kurdistan. That step was welcomed by the nationalists (Kemalists) in Turkey and in other countries, as suggested by the Lausanne Peace Treaty. However, the idea of the Kurds' national self-determination, first recognized by the international community in the Sévres Treaty of 1920, was not forgotten. A struggle began in the entire Kurdistan in the post-war years. It was waged both on the local scale and on that of the entire Kurdistan. But it started in various regions at a different time and was different in intensity and political goals.

In Southern Kurdistan (Iraq) the struggle was most intensive. It was clearly anti-imperialist and this undoubtedly made it progressive despite its feudal leadership. British colonial authorities in Iraq, on the one hand, used repressions against Kurdish rebels, and on the other, pursued the "divide and rule" policy setting Kurds and Arabs against each other. That policy, however, only was partially successful. Neither then, nor later, were the British able to increase their hold in the Iraqi Kurdistan.

The situation in the Northern and Western (Turkish) and

Eastern (Iranian) Kurdistan was more complicated. Anti-imperialist trends were particularly stong there, as suggested by the Kurds' movement in Western Iran, controlled by the British, and in South-East Anatolia, occupied by British and French troops. But the main opponents to the Kurds' national movement in Turkey and Iran were the nationalists whose attitude to the Kurds was overtly jingoist. The budding Kurdish nationalism did not sustain confrontation with the ascending Turkish nationalism, which had gained an historic victory over the Entente, and the intensifying Persian nationalism.

Failure was primarily explained by socio-economic, cultural and political backwardness of the Kurds. There was no regular contact between the Kurdish leaders, ideologues and commanders. The rebellions of the Kurds were localized, spontaneous and uncoordinated. For this reason in was easy to suppress them.

Western powers, primarily Britain, wanted to play down the contradictions between the Kurdish nationalism, on the one hand, and the Turkish or Persian nationalism, on the other. But imperialist involvement in the Kurdish nationalist movement in Turkey and Iran was not very effective and did not sidetracked the movement from progressive historical orientation.

The post-war peaceful settlement did not meet the hopes of the Kurds, as it did not give them independence or freedom or at least regional autonomy. Moreover, ethnic division of the Kurds increased. Now they lived not in two, as before the war, but in four countries, two of which, Iraq and Syria, were controlled by Britain and France.

However, the actual situation around Kurdistan improved in that period. Owing to their nothern neighbour, the Soviet Russia, whose policy was cardinally different from that of the former tsarist Russia and other imperialist nations, the Kurds elevated their movement to a new level and got a historical perspective they had not have before.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Глава I. Курдистан на пороге новейшего времени 12
Турецкая оккупация Северного и Восточного Курдистана 12
Курдская политика Англии в конце первой мировой войны 19
«Российский фактор» 23
Глава II. Подготовка к новому разделу Курдистана 28
Планы и приготовления Англии в Южном Курдистане 29
На дипломатическом фронте 45
Глава III. Курдское движение в 1918—1920 гг. 59
Первое восстание шейха Махмуда Барзанджи 59
Другие выступления в Южном Курдистане 65
Английские проекты 75
Симко 91
Курдский национализм в Турции и политика Англии 96
Курдское движение и кемалисты 111
Глава IV. Путь к Севру 129
Курдский вопрос на Парижской мирной конференции 130
Позиция США 140
Англо-французские переговоры 147
Конференция в Сан-Ремо 156
Курдская политика Англии накануне Севра 164
Глава V. Севр и его последствия 182
Севр 182
На Каирской конференции 193
Ситуация в Иракском Курдистане 199
Курдские движения в Иране 215
Брожение в Турецком и Сирийском Курдистане 227
Глава VI. Лозанна 241
Лондонская конференция (февраль — март 1921 г.) 241
На подступах к Лозанне 250
Мосульский и курдский вопросы на Лозаннской конференции . . . 255
Заключение 279
Примечания 282
Список сокращений 311
Указатель имен 312
Указатель географических названий 316
Указатель этнических, племенных и конфессиональных терминов . . . 321
Summary 323

Научное издание

Лазарев *Михаил Семенович*

ИМПЕРИАЛИЗМ И КУРДСКИЙ ВОПРОС (1917—1923)

Редактор *Т. К. Гарушянц*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *Н. П. Ларский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Л. М. Кольцина* и *В. М. Кочеткова*

ИБ № 16140

Сдано в набор 14.10.88. Подписано к печати 05.04.89. А-03259. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 20,5+0,5 вкладка на мелованной бумаге. Усл. кр.-отт. 21,25. Уч.-изд. л. 24,29. Тираж 2600 экз. Изд. № 6659. Зак. № 751. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, К-51, Цветной бульвар, 21

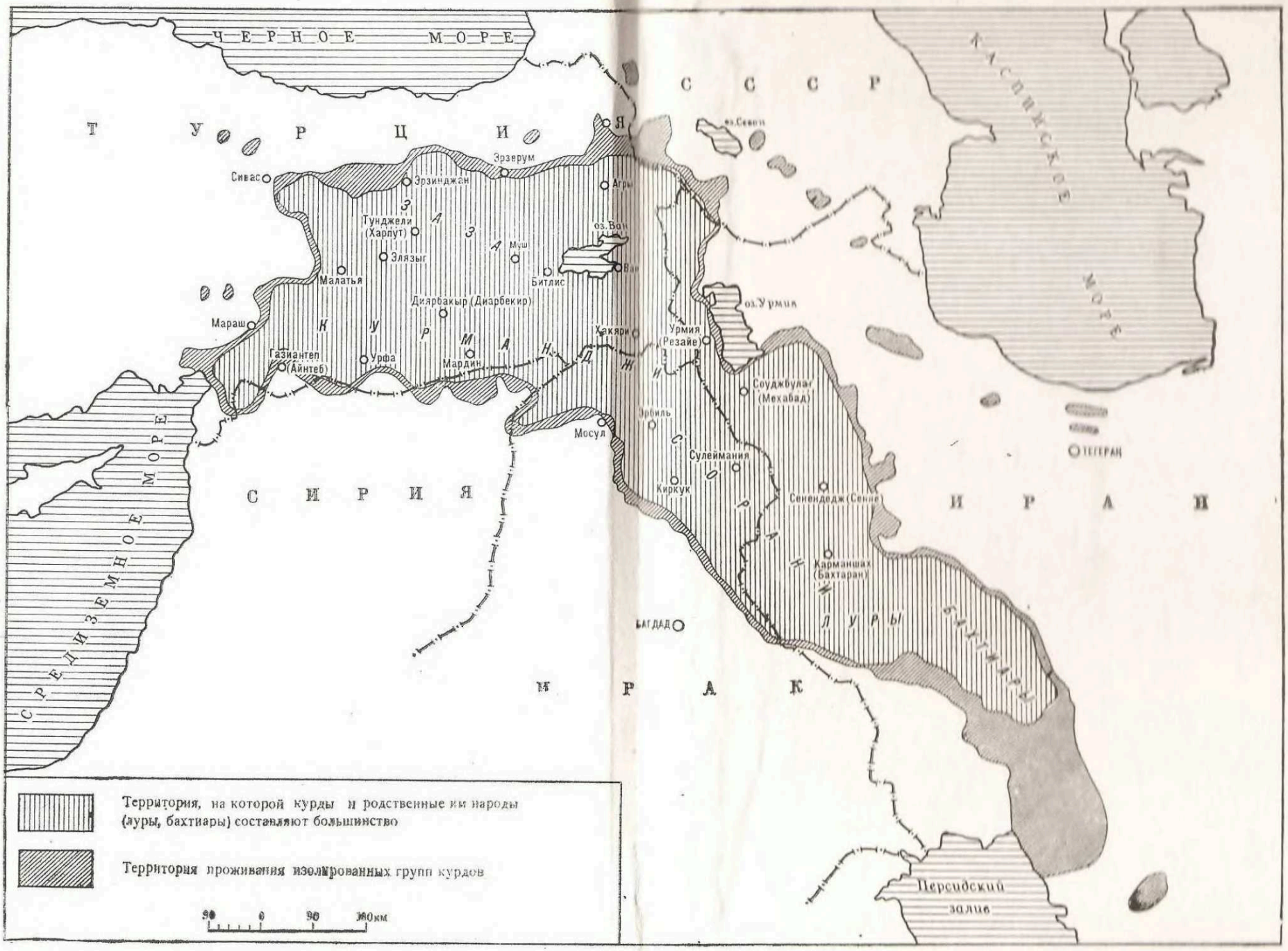
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

117393 **Москва,** ул. Пилюгина, 14, кор. 2, магазин «Книга—почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 **Ленинград,** Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 **Баку,** ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4;
690088 **Владивосток,** Океанский пр., 140;
320093 **Днепропетровск,** пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 **Душанбе,** пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;
664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53;
252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;
252142 **Киев,** пр. Вернадского, 79;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;
252030 **Киев,** ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 **Кишинев,** пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 **Краматорск Донецкой обл.,** ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 **Красноярск,** пр. Мира, 84;
443002 **Куйбышев,** пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 **Ленинград,** Литейный пр., 57;
199164 **Ленинград,** Таможенный пер., 2;
199044 **Ленинград,** 9 линия, 16;
220012 **Минск,** Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 **Москва,** ул. Горького, 19а;

117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7;
630076 **Новосибирск,** Красный пр., 51;
630090 **Новосибирск,** Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 **Протвино Московской обл.,** «Академкнига»;
142292 **Пущино Московской обл.,** МР «В», 1;
620151 **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 **Ташкент,** ул. Ленина, 73;
701000 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43;
700187 **Ташкент,** ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 **Томск,** наб. реки Ушайки, 18;
450059 **Уфа,** ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
720001 **Фрунзе,** бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 **Харьков,** ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).


ЧЕРНОЕ МОРЕ
СССР
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ТУРЦИЯ
оз.Севан
Эрзерум
Сивас
Эрзинджан
Агры
Тунджели (Хаслут)
ЭЛЯЗЫГ
оз.Ван
Муш
Ван
Малатья
Битлис
Диярбакыр (Диарбекир)
оз.Урмия
Мараш
КУРМАНДЖ
Хаккяри
Урмия (Резайе)
Газиантеп (Айнтеб)
Урфа
Мардин
Соуджбулаг (Мехабад)
Эрбиль
Мосул
Сулеймания
ТЕГЕРАН
СИРИЯ
Киркук
Сенендедж (Сенне)
ИРАН
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Карманшах (Бахтаран)
БАГДАД
ЛУРЫ
БАХТИАРЫ
ИРАК
Персидский залив
Территория, на которой курды и родственные им народы (луры, бахтиары) составляют большинство
Территория проживания изолированных групп курдов
90 0 90 180 км